

Э. А. ПАВЛЮЧЕНКО

В ДОБРОВОЛЬНОМ ИЗГНАНИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Серия «Страницы истории нашей Родины»

Э. А. ПАВЛЮЧЕНКО

В ДОБРОВОЛЬНОМ ИЗГНАНИИ

О ЖЕНАХ И СЕСТРАХ
ДЕКАБРИСТОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1984

- П 12 Павлюченко Э. А. В добровольном изгнании.— М.: Наука, 1984.— 160 с. ил.— (Серия «Страницы истории нашей Родины»)**

Книга рассказывает о сестрах декабристов и их женах, последовавших за своими мужьями в Сибирь и разделивших их нелегкую участь. Впервые русские женщины оказались вовлеченными в общественно-политическую жизнь страны. И этот этап подготовил и предварил их более активное участие в революционной борьбе в последующие годы.

Э. А. Павлюченко — кандидат исторических наук, занимается вопросами общественного движения XIX в., автор работ о Софье Перовской (М., 1959) и Вере Фигнер (М., 1963).

5.5.1

Ответственный редактор
доктор исторических наук
А. Ф. СМЕРНОВ

Глава I

САМЫЕ СЧАСТЛИВЫЕ

Я самая счастливая из женщин...

А. Г. Муравьева

В ночь с 14 на 15 декабря 1825 г. в дом Российско-американской компании в Петербурге, где жил К. Ф. Рылеев, прибыл флигель-адъютант Дурново с солдатами Семеновского полка: царь повелел доставить во дворец живым или мертвым поэта Рылеева.

К. Ф. Рылеев распрощался с семьей накануне утром, отправляясь на Сенатскую площадь; рыдания жены и даже просьбы пятилетней дочери Настеньки не остановили его. Вечером, после разгрома восстания, совсем неожиданно они увиделись вновь, чтобы после этого расстаться навсегда.

15 декабря был арестован полковник Трубецкой, несостоявшийся диктатор восставших. Его жена, урожденная графиня Лаваль, вышивала, по слухам, знамя для повстанцев, но оно не понадобилось князю Сергею, он пошел не на Сенатскую площадь, а в дом родственника, где его и взяли...¹ В знаменитом дворце Лавалей всю ночь по приказанию Николая I и под охраной двадцати солдат Павловского полка взламывали штыками шкафы, рылись в ящиках письменного стола².

В этот же день в Петербурге забрали Андрея Розена — поручика лейб-гвардии Финляндского полка, члена Северного общества декабристов, лишь несколько месяцев тому назад женившегося на Анне Васильевне Малиновской.

¹ Граф Лебцельтерп, муж сестры Е. И. Трубецкой, в 1826 г. вынужден был вместе с семьей покинуть Россию.

² Интересные сведения о семье и доме Лавалей содержатся в статье В. П. Павловой и А. Л. Вайнштейн «Декабристы и салон Лаваль» (Литературное наследие декабристов. Л., 1975, с. 165—194).

Дальнейшие аресты и особенно перевозка арестованных в Петербург потребовали значительного времени.росло не только число жертв, но и ширилась география розысков: Москва и Подмосковье, Тульчин, Киев, Бобруйск, Кишинев, Бердичев, Тифлис, Белая Церковь... Во все концы летели строжайшие предписания, подобные этому: «От петербургского военного генерал-губернатора. Секретно. Смоленскому гражданскому губернатору. 20 декабря 1825 г.

В числе лиц, дерзнувших на происшествие, о котором Вашему превосходительству известно из высочайшего манифеста, вчерашнего числа изданного и коего у сего экземпляр прилагаю, находился и, по словам самовидцев, даже участвовал в произведенном мятеже коллежский асессор Кюхельбекер. Он того же дня при наступлении ночи скрылся, и по всем изысканиям местопребывание его не открыто ни в столице, ни в уездах здешней губернии. По некоторым следам предполагается вероятным, что сей Кюхельбекер, чтоб укрыть себя от поисков, отправился к матери своей, жительствующей в вверенной Вашему превосходительству Смоленской губернии Духовского уезда в мызе Закупе.

Имея высочайшее его императорского величества повеление преследовать сего мятежника, как одного из главных зачинщиков, я признал себя в обязанности отнестись к Вашему превосходительству и по важности обстоятельства отправить сие с нарочным в Смоленск с тем, дабы благоволили Вы, милостивый государь мой, скромным образом, не теряя времени, поручить кому следует разведать со всею точностью, не укрывается ли помянутый Кюхельбекер у матери своей в Духовском уезде? И ежели он там будет найден, то прикажите его взять под крепкий надзор, отправить сюда с моим нарочным, придав для караула другого чиновника».

За писарской копией. следует подпись генерал-губернатора с собственноручной припиской: «Ежели будет пойман, то везти сковавшего»³.

Бунтовщиков увозили прямо из полков, из имений.

18 декабря последовал приказ об аресте Никиты Муравьева, одного из лидеров Северного общества, автора

³ Государственный архив Смоленской области, ф. 1 (канцелярия Смоленского гражданского губернатора), 1825 г., оп. 1, ед. хр. 16.

конституции. Его взяли только 20-го, в Тагине, орловском имении тестя Чернышева, на глазах беременной жены, малолетних дочерей, стариков-родителей.

23 декабря Муравьев шлет из Москвы, с дороги, первое сообщение жене, пытаясь успокоить растерявшуюся от неожиданного потрясения Александру Григорьевну: «Мой добрый друг, я прибыл сюда сегодня в 8 часов утра. Было очень холодно, но благодаря предусмотрительности твоей, мой ангел, и отца, я перенес холод великолепно... Крепко обними за меня мать, отца и детей. Тебя же целую так, как люблю. Помни о твоём обещании беречь себя: мать семейства в твоём положении имеет священные обязанности, и, чтобы их исполнять, прежде всего нужно чувствовать себя хорошо»⁴.

26 декабря арестанта доставляют в Петропавловскую крепость с указанием «посадить по удобности под строжайший арест; дать, однако, бумагу».

В те дни, когда в Петербурге уже допрашивали первых узников, в имении Яновка близ Чигирина собралась группа встревоженных людей.

27-летний подполковник Александр Поджио ждет самого худшего (он — один из главных «южан»), благословляет судьбу за то, что не успел жениться, но беспокоится о матери и сестре. Куда хуже настроение у его старшего брата — 33-летнего Иосифа, отставного штабс-капитана, тоже члена Южного общества. Здесь, в Яновке, при бабушке находятся четверо его малолетних детей от первого брака да еще беременная молодая жена Мария Андреевна. Она вышла за штабс-капитана недавно, против воли отца, сенатора Бороздина. Но зато ее браку сочувствует дядя (со стороны матери), декабрист Василий Львович Давыдов.

Прибыл в Яновку в это время с молодой женой еще один обреченный родственник братьев Поджио — подпоручик Владимир Лихарев. Только четыре месяца тому назад он женился на другой дочери того же сенатора Бороздина — Екатерине Андреевне. Она тоже ждет ребенка, в то время как ее муж ждет ареста: Лихарев, как и братья Поджио, из «пестелевой дружины».

⁴ Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (ЦГАОР), ф. 1153, оп. 1, ед. хр. 133, л. 21 (перев. с франц.).

Втайне от перепуганных женщин три декабриста, встретившиеся в Яновке, жгут бумаги, обсуждают, что же предпринять.

И вот 29 декабря в Яновке слышится звон колокольчика. За кем едут?

Ждать ответа пришлось недолго — за Лихаревым. Приказ на Александра Поджио, высланный из Петербурга двое суток назад, в пути, он еще не достиг и Киева.

«Признаться должен, — писал Александр Поджио, — что при виде иступления жены его беременной, воплей матери моей, сестры и ужаса, всех одолевшего... я брату сказал: «Друг мой... простись со мной, я тут же мертв паду, я преступления не переживу»⁵.

Последняя надежда — вспыхнувший в тот же день неподалеку мятеж Черниговского полка. Напрасные ожидания!

Тоскливо встречен новый, 1826 год. А 3 января — второй колокольчик. Генерал-майор Нагель, сопровождаемый казаками, предъявляет ордер на арест Александра Поджио и сообщает, между прочим, что восстание, поднятое на Юге Сергеем Муравьевым-Апостолом, подавлено.

14 января — третий колокольчик в Яновке, в третий раз — «иступление и ужас» женщин и детей, а 21 января штабс-капитан Иосиф Поджио уже значится в одиннадцатом номере Кронверкской куртины Петропавловской крепости...

Сергея Волконского арестовали 7 января 1826 г. по месту службы, в Умани, где он командовал 1-й бригадой 19-й пехотной дивизии. За несколько дней до ареста он заезжает на сутки к молодой жене, ожидающей первенца-сына. Ночью генерал разжигает камин, и ничего не понимающая женщина помогает ему бросать в огонь испсанные листы бумаги. На вопрос жены: «В чем дело?» — генерал бросает:

— Пестель арестован!

— За что?

Нет ответа.

Тогда еще Мария Николаевна Волконская не знала, что уже взяты под стражу два ее брата — Александр и Николай Раевские и что такая же участь ждет ее мужа и дядю Василия Львовича Давыдова. Только через два месяца ге-

⁵ Восстание декабристов, т. XI. М., 1954, стр. 62.

нерал Раевский приехал в имение Болтышка и рассказал дочери о судьбе ее мужа.

Раевский пишет в марте 1826 г. брату Сергея Волконского: «Милостивый государь князь Николай Григорьевич! По приезде моем нашел дочь мою Марью после жестокой болезни, в большой слабости и в неведении о муже, она подозревала, что он умер или болен, что сделало, что известие о его арестации послужило облегчением. Я привез ей от князя Сергея письмо. В четыре дни, что я нахожусь здесь, она удивительно взяла силы и, не узнав важности обстоятельств, довольно покойна, кой же час оправится, то поедет в Петербург с сестрой... Я оставляю Машиньку в ее спокойствии насчет дела князя Сергея, исподволь же буду готовить ее на всякий случай»⁶.

8 января 1826 г. из Москвы в Петропавловскую крепость доставили полковника Тарутинского пехотного полка, члена Северного общества декабристов Михаила Нарышкина. Не прошло еще и двух лет со времени совсем другого царского указа — о выдаче фрейлине и графине Елизавете Петровне Коновницыной 12 тысяч рублей в связи со свадьбой ее и Нарышкина...

Давыдова искали целый месяц. Еще 18 декабря 1825 г. по донесению Витта велено было хорошенько разобраться, у кого именно из Давыдовых и где проходили собрания, и «определить, кого из них взять должно»⁷. К 20 января разобрались и привезли из Киева в Петербург Василия Львовича Давыдова, владельца знаменитой Каменки, где часто собирались заговорщики, где не раз бывал Пушкин. В Каменке осталась его жена Александра Ивановна с детьми⁸.

Отставного генерал-майора Михаила Александровича Фонвизина нашли в подмосковной деревне Крюково и 12 января 1826 г. доставили в Петропавловскую крепость с царским напутствием: «Посадить, где лучше, но строго,

⁶ Отдел письменных источников (ОПИ) Государственного исторического музея (ГИМ), ф. 18, ед. хр. 97, л. 7.

⁷ ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 469, л. 2 об. 3.

⁸ Давыдов был одним из самых многодетных декабристов: к моменту приговора он имел шестерых детей; В. И. Штейнгель — восьмерых; Иосиф Поджио, как и А. К. Берстель (член Общества соединенных славян, отбывал «крепостную работу» в Вобруйске), — пятерых, А. Ф. Бригген — четверых.

и не давать видаться ни с кем». Наталья Дмитриевна, жена генерала, осталась с двухлетним Дмитрием на руках в ожидании другого сына: он родится во время пребывания отца в крепости. Кстати сказать, при подобных обстоятельствах, вскоре после событий на Сенатской площади, на свет появилось девять детей: Волконского, И. Поджио, Лихарева, Никиты Муравьева, Фопвизина, сыновья Розена, Якушкина и Поливанова, первая дочь Анненкова.

Полковника Александра Бриггена, также отставника, увезли 10 января 1826 г. от жены и четверых детей из черниговского имения тестя, екатеринославского губернатора Миклашевского. Следом за Бриггеном из Тульчина в Петербург привезли членов Южного общества П. И. Фалленберга и А. В. Ентальцева. Тот и другой были жепаты, но не имели детей.

Основную массу арестантов доставили в Петропавловскую крепость в течение января 1826 г. Но поток не иссякал. 2 марта к нижегородскому губернатору явился один из учредителей Союзов спасения и благоденствия отставной майор Федор Шаховской, узнавший о том, что Следственная комиссия разыскивает его.

В Наталью Дмитриевну Щербатову, ставшую женой Шаховского, долго и безнадежно был влюблен другой декабрист и потенциальный цареубийца — Иван Якушкин. Его решение пойти на смертельный поединок с самодержцем объясняли тем, что Якушкин «в мучениях несчастной любви ненавидел жизнь». Уже после революции были опубликованы письма Н. Д. Щербатовой, связанные с личной драмой Якушкина в 1817 г. Узнав о его намерении покончить с собой, Наталья Дмитриевна писала: «Живите, Якушкин!.. Имейте мужество быть счастливым и подумайте о том, что от этого зависит счастье, спокойствие и самое здоровье Телании» (т. е. Наталии, буквы в имени переставлены)⁹. Якушкин тут же откликнулся: «Неужели мне суждено быть виновником одних только Ваших беспокойств, между тем как я отдал бы жизнь свою за минуту Вашего покоя!.. Вы повелеваете, чтобы я продолжал влачить свое существование; Ваша воля будет ис-

⁹ Из бумаг Н. Д. Шаховской (урожденной Щербатовой). Публикация Д. Шаховского. — В кн.: Декабристы и их время, т. I, М., 1928, стр. 189.

полнена. Я буду жить и даже по возможности без жалоб. Только бы Вы смогли быть спокойны и счастливы»¹⁰.

Наталья Дмитриевна предпочла другого «цареубийцу» — Шаховского, в котором находила «много ума, возвышенную душу, превосходное сердце». В 1819 г. стала его женой, в 1820 г. родила сына Дмитрия. Князь Шаховской, некогда готовый «посягнуть на жизнь государя», отошел от тайного общества, вышел в отставку, чтобы заняться хозяйством...

Судьба Н. Д. Щербатовой оказалась не менее трагичной, чем судьба Якушкина. В ссылке Шаховской сошел с ума. Жена добивалась его перевода в отдаленное имение. Царь разрешил перевезти больного в Суздаль, в Спасо-Евфимиев монастырь, а жене поселиться неподалеку. Здесь Наталья Дмитриевна и схоронила мужа через два месяца после приезда. Умерла она в глубокой старости, восьмидесяти девяти лет, в одиночестве, пережив немало не только мужа, но и сына.

Якушкина арестовали значительно раньше, чем Шаховского, — 10 января, в Москве, за вечерним чаем в кругу семьи. 14 января он был доставлен в Петропавловскую крепость с царским указанием: «Заковать в пожные и ручные железа; поступать с ним строго и не иначе содержать, как злодея».

Совсем юная жена Якушкина, Анастасия Васильевна Шереметева (в 1826 г. ей исполнилось девятнадцать лет), родила второго сына через десять дней после ареста мужа.

Всего к следствию по делу декабристов привлекли пятьсот семьдесят девять человек. Считая ближайших родственников, причастными к дознанию оказались несколько тысяч человек. Неудивительно поэтому, что многие дворянские семьи, связанные с заговорщиками родством или знакомством, жили в постоянном страхе.

А. И. Кошелев, известный впоследствии деятель крестьянской реформы, вспоминал, как его матушка в те тревожные дни на всякий случай (т. е. на случай ареста сына) держала в его комнате теплую фуфайку, сапоги и дорожную шубу. «Описать или словами передать ужас и уныние, которые овладели всеми, — нет возможности, —

¹⁰ Там же, стр. 190.

добавляет мемуарист, — словно каждый лишился своего отца или брата»¹¹.

Другой молодой москвич, князь В. Ф. Одоевский, также непричастный к заговору, но издававший вместе с «государственным преступником» Вильгельмом Кюхельбекером альманах «Мнемозина», запаса медвежьей шубой... Брат П. Я. Чаадаева, помещик, далекий от революции, напуганный делом 14 декабря, «всю жизнь боялся звона колокольчика; все думал, не едут ли с обыском»¹².

Уже с 15 декабря Николай I получает многочисленные выражения преданности престолу и отечеству. Царь пишет брату Константину 23 декабря 1825 г.: «Здесь все усердно помогали мне в этой ужасной работе; отцы приводят ко мне своих сыновей, все желают показать пример и, главное, хотят видеть свои семьи очищенными от подобных личностей и даже от подозрений этого рода»¹³.

Старый царский служака В. С. Шереметев отрекается от сына: «Если сын мой в том заговоре, — говорит он великому князю Михаилу Павловичу, — я не хочу более его видеть, и даже я первый вас прошу его не щадить». Когда же сына перед отправкой в ссылку приводят проститься с отцом, тот долго отказывается видеть его, и только слезы семьи и самого юного бунтовщика несколько смягчают Шереметева.

Родители Пестеля громко осуждают идеи сына, а брат его усиленно делает карьеру и получает флигель-адъютантские аксельбанты одновременно с приказом о повешении пяти декабристов, в числе которых и Павел Пестель. Мать Сергея Волконского так же исправно, как и до ареста сына, исполняет обязанности первой статс-дамы, живет в царском дворце и обедает за одним столом с Николаем I, отправившим ее сына на каторгу.

Находятся охотники пожить за счет «государственных преступников». Новоиспеченный граф Чернышев, получивший титул за усердные труды в Следственном комитете, претендует на богатейший майорат Чернышевых, оказавшийся выморочным в результате ареста единственного наследника — Захара Чернышева. Об этом много тол-

¹¹ А. И. Кошелев. Записки. Берлин, 1884, стр. 18.

¹² Н. Пиксанов. Дворянская реакция на декабризм. — В кн.: Звенья, кн. 2. М. — Л., 1933, стр. 143.

¹³ Междуцарствие 1825 г. и восстание декабристов в переписке и мемуарах царской семьи. М. — Л., 1926, стр. 168.

куют в Петербурге. И когда кто-то возмущается незаконностью притязаний А. И. Чернышева, прославленный генерал А. П. Ермолов, известный также своим свободомыслием и близостью к декабристам, выражается резко и определенно: «Нет, это не незаконно: по древнему обычаю в России шуба, шапка и сапоги казненного принадлежат палачу».

С претензиями на наследство Михаила Лунина выступает его бывший товарищ по Кавалергардскому полку и родственник (муж сестры) Ф. А. Уваров.

В условиях паники, охватившей широкие круги дворянства, в течение нескольких дней декабря история и историки безвозвратно утратили много драгоценных документов. По всей стране в печах и каминах горели письма, дневники, протоколы. Упомянутый выше Одоевский сжег бумаги Общества Любомудров. Будущий известный писатель и цензор А. В. Никитенко уничтожил все свои бумаги за 1825 год. Такая же участь постигла часть знаменитого премухинского архива семьи Бакуниных¹⁴. Не успевшие это сделать заблаговременно, старались наверстать упущенное. Если верить декабристу Д. И. Завалишину, Коновницына за взятку добилась изъятия из следственного дела документов, компрометировавших двух ее сыновей и особенно зятя — М. М. Нарышкина...

Но, конечно, как и всегда, не бывает правил без исключения. Бумаги Якушкина, например, долгие годы берегла теща декабриста, Н. Н. Шереметева, женщина во многом замечательная, спрятав их под полом кабинета, но перед смертью, незадолго до амнистии, опасаясь, что они попадут в чужие руки, сожгла. Часть бумаг Матвея Муравьева-Апостола долго хранилась у его сестры Е. И. Бибиковой, но затем была уничтожена уже ее наследниками. Сохранению революционных сибирских сочинений Михаила Лунина историки обязаны его сестре — Екатерине Уваровой. Перечень подобных фактов можно продолжить, но ограничимся последним, широко известным: поэт П. А. Вяземский вечером 14 декабря пришел к своему другу И. И. Пущину, предвидя его арест, и предложил сохранить наиболее ценные бумаги. Через тридцать два года он вернул владельцу запертый портфель с запрет-

¹⁴ См.: Затерянные и утраченные произведения декабристов. Историко-библиографический обзор М. К. Азадовского. — В кн.: Литературное наследство, т. 59. М., 1954.

ными стихами Пушкина, Рылеева, с текстом конституции Никиты Муравьева...

Князь Вяземский, не побоявшийся сохранить документы, за которые шли на каторгу; генерал Ермолов, открыто назвавший палачами судей над декабристами; молодой Кошелев, сочувствовавший осужденным... Все эти примеры свидетельствуют о том, что если дворянство в целом не оказало декабристам, дворянским революционерам, ни активной, ни пассивной поддержки, то все же нередко проявляло к ним сочувствие.

«Декабрист без декабря» — так метко назван исследователем один из виднейших представителей русской литературы и общественности первой половины XIX в., автор «возмутительных стихотворений», имевший репутацию вольнодумца, якобинца, близкий со многими декабристами, — князь Петр Андреевич Вяземский¹⁵. Вяземскому принадлежит один из самых резких отзывов на приговор суда и казнь декабристов. 17 июля 1826 г. он пишет жене: «Для меня Россия теперь опоганена, окровавлена: мне в ней душно, нестерпимо... Я не могу, не хочу жить спокойно на лобном месте, на сцене казни! Сколько жертв и какая железная рука пала на них»¹⁶. Широкую известность получило письмо Вяземского В. А. Жуковскому, написанное в марте 1826 г.: «... И после того ты удивишься, что я сострадаю жертвам и гнушаюсь даже помышлением быть соучастником их палачей? Как не быть у нас потрясениям и порывам бешенства, когда держат нас в таких тисках... Разве наше положение не насильственное? Разве не согнуты мы в крюк?»¹⁷

Другой поэт, Н. М. Языков, вскоре после казни пишет такие строки:

Рылеев умер как злодей!
О, вспомани о нем, Россия,
Когда восстанешь от цепей
И силы двинешь громовые
На самовластие царей!¹⁸

¹⁵ Н. Куганов. Декабрист без декабря. — В кн.: Декабристы в их время, т. II. М., 1932.

¹⁶ Остафьевский архив князей Вяземских, т. V, вып. 2. Спб., 1913, стр. 53.

¹⁷ Цит. по ст.; Н. Пиксанов. Дворянская реакция на декабризм, стр. 147.

¹⁸ Там же, стр. 148.

19 июля 1826 г. царь устраивает в Москве, в Кремле, «очистительное молебствие», долженствующее, по его мнению, упрочить идею самодержавия, торжественно закрепить победу над «бунтовщиками». Молились царская семья, сенат, министры, вокруг стояли коленопреклоненные гвардейцы без киверов. Но здесь же, «потерянным в толпе», находился 14-летний мальчик, который «перед алтарем, оскверненным кровавой молитвой», «клялся отомстить казенных и обрекал себя на борьбу с этим тронem, с этим алтарем, с этими пушками». В 1855 г. А. И. Герцен в «Полярной звезде» напишет: «Я не отомстил; гвардия и троп, алтарь и пушки — все осталось; но через тридцать лет я стою под тем же знаменем, которого не покидал ни разу»¹⁹.

Власти усиленно распространяют свою версию о событиях 14 декабря и последующих: взбунтовалась шайка «мальчишек», «злодеев». Но в стране начиная с самого момента выступления на Сенатской площади нарастает волна активной поддержки революционеров. Советские исследователи собрали и изучили факты проявления этого сочувствия декабристам в среде оппозиционного дворянства, офицерства, в крестьянской и рабочей среде²⁰.

Для нас, конечно, прежде всего интересен отклик простого народа на восстание — того народа, на который не решились опереться дворянские революционеры.

В январе 1826 г. в городе Шуе арестовали рабочего Николая Рогожкина, который рассказывал товарищам о событиях 14 декабря и о том, что «будто его императорское величество вступил на престол усиленно, будто присяга требована была на верность подданства посредством пушечных выстрелов, наконец, что если бы он в это время был в Петербурге, то также взял ружье и убил бы кого-нибудь, так как в то время и генералов били»²¹.

5 апреля того же года сенатор Дивов записал в дневнике: «Ходят слухи о возмущении крестьян; они отказы-

¹⁹ А. И. Герцен. Собрание сочинений в 30-ти томах, т. VIII. М., 1956, стр. 62.

²⁰ См.: М. В. Нечкина. Движение декабристов. т. II. М., 1955; Л. А. Мандрыкина. После 14 декабря 1825 г. — В кн.: Декабристы и их время, т. I; Н. Пиксанов. Дворянская реакция на декабризм. — В кн.: Звенья, кн. 2, и др.

²¹ Цит. по ст.: Н. Пиксанов. Дворянская реакция на декабризм, стр. 135.

ваются платить подати помещикам, говорят, что покойный император дал им свободу, а ныне царствующий император не хочет этого исполнить. Подобные слухи несомненно являются последствием заговора 14 декабря»²².

Еще одним «последствием заговора» и результатом крестьянских волнений явился вынужденный манифест Николая I (май 1826 г.), в котором опровергались ложные слухи об освобождении крестьян.

Через пять дней после казни пятерых декабристов один из агентов III отделения доносил: «О казни и вообще о наказаниях преступников в простом народе, и в особенности в большей части дворовых людей и между кантонистами, слышны также для безопасности империи вредные выражения»²³.

«Дерзкие разговоры» не прекращались и в разночинско-интеллигентской среде. 17 апреля 1826 г. начальник главного штаба Дибич писал флигель-адъютанту С. Г. Строганову: «Дошло до сведения государя императора, что между воспитанниками Московского университета, а наипаче принадлежащего к оному благородного пансиона, господствует неприличный образ мыслей»²⁴. Строганову предписывалось навести порядок в университете. В ноябре 1826 г. в Москве был арестован юнкер А. Zubov, распространявший собственные стихотворения, посвященные декабристам и воспевавшие свободу. Подобные же политические сочинения, обличавшие деспотизм, распространялись среди студентов Харьковского университета²⁵.

Восстание декабристов и особенно его разгром усиливают раскол в русском обществе: его реакционная часть поддерживает и одобряет жестокую расправу царизма, передовая — сочувствует восставшим. Естественно, что всякое проявление сочувствия рассматривается как антиправительственный акт, усердие в отношении властей поощряется. Неудивительно поэтому, что являются, по словам

²² Цит. по кн.: М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. II, стр. 419—420.

²³ Цит. по ст.: Н. Пиксанов. Дворянская реакция на декабризм, стр. 135—136.

²⁴ Цит. по ст.: Н. Чулков. Москва и декабристы. — В кн.: Декабристы и их время, т. II, стр. 313.

²⁵ См.: Н. Пиксанов. Дворянская реакция на декабризм, стр. 136—137.

Герцена, «дикие фанатики рабства: одни — из подлости, а другие хуже — бескорыстно»²⁶.

Первыми открыто выразили участие опальным женщины. Больше того, сразу же после катастрофы женщины начали бороться за близких, пуская в ход все: деньги, родственные связи, влиятельные знакомства, прошения на «высочайшее имя». И без сомнения, надо было обладать немалым мужеством, чтобы пойти против самодержавной воли, мнения большинства. Так, с первых же часов и дней после 14 декабря активная поддержка, казалось бы, не выходящая за естественные пределы личного, родственного участия, становится фактором общественной жизни страны.

В 1925 г. Б. Л. Модзалевский опубликовал документ из архива III отделения — «Донесение тайного агента о настраивании умов в Петербурге после казни декабристов»²⁷. Агент сообщал: «Казнь, слишком заслуженная, но давно в России небывалая, заставила, кроме истинных патриотов и массы народа, многих, особливо женщин, кричать: *quel-le horreur! et avec quelle précipitation*»²⁸.

Доносчик разделял возмущавшихся женщин на три «разряда». В первый из них попали «ста двадцати одного преступника жены, сестры, матери, родственницы, приятельницы *et les amies des leurs amies*»²⁹. В два других — дамы из «больших кругов», презрительно определяемые агентом как «пожилые мотовки» или красавицы, потерявшие надежду «успеть» у самодержца...

Активная позиция женщин произвела немалое впечатление на власть имущих особенно потому, что женские голоса, как мы знаем, были неодинокими и прозвучали в хоре возмущавшихся или просто недовольных.

29 декабря 1825 г., сидя в одиночной камере Петропавловской крепости, Никита Муравьев пишет страшное покаянное письмо жене: «Мой добрый друг, помнишь ли ты, как при моем отъезде говорила мне, что можно ли опасаться, не сделав ничего плохого? Этот вопрос тогда пронзил мне сердце, и я не ответил на него. Увы! Да, мой ангел, я виновен, — я один из руководителей только

²⁶ А. И. Герцен. Собрание сочинений в 30-ти томах, т. VIII, стр. 59.

²⁷ Декабристы. Неизданные материалы и статьи. Под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. М., 1925, стр. 38—39.

²⁸ Какой ужас! и с какою стремительностью (*франц.*).

²⁹ И подруги их подруг (*франц.*).

что раскрытого общества. Я виновен перед тобой, столько раз умолявшей меня не иметь никаких тайн от тебя... Сколько раз с момента нашей женитьбы я хотел раскрыть тебе эту роковую тайну... Я причинил горе тебе и всей твоей семье. Все твои меня проклинают. Мой ангел, я падаю к твоим ногам, прости меня. Во всем мире у меня остались только мать и ты. Молись за меня богу: твоя душа чиста, и ты сможешь вернуть мне благосклонность неба»³⁰.

Неожиданный арест, одиночное заключение, допросы и очные ставки, опасение за беременную жену, детей, мать, предчувствие трагической развязки тяжело сказались на морально-психическом состоянии заключенного декабриста.

Александра Григорьевна Муравьева была в Петербурге уже 30-го. 2 января 1826 г. она отвечает мужу: «Мой добрый друг, мой ангел, когда я писала тебе в первый раз, твоя мать не передала еще мне твое письмо, оно было для меня ударом грома! Ты преступник! Ты виновный! Это не уместится в моей бедной голове... Ты просишь у меня прощения. Не говори со мной так, тырываешь мне сердце. Мне нечего тебе прощать. В течение почти трех лет, что я замужем, я не жила в этом мире, — я была в раю. Счастье не может быть вечным... Не предавайся отчаянию, это слабость, недостойная тебя. Не бойся за меня, я все вынесла. Ты упрекаешь себя за то, что сделал меня кем-то вроде соучастницы такого преступника, как ты... Я самая счастливая из женщин...

Письмо, которое ты мне написал, показывает все величие твоей души. Ты грессишь, полагая, что все мои тебя проклинают. Ты знаешь безграничную привязанность к тебе. Если бы ты видел печаль бедной парализованной мамы! Последнее слово, которое я от нее услышала, было твое имя. Ты говоришь, что у тебя никого в мире нет, кроме матери и меня. А двое и даже скоро трое твоих детей — зачем их забывать. Нужно себя беречь для них больше, чем для меня. Ты способен учить их, твоя жизнь будет им большим примером, это им будет полезно и помешает впасть в твои ошибки. Не теряй мужества, может быть, ты еще сможешь быть полезен своему государю и

³⁰ ЦГАОР, ф. 1153, оп. 1, ед. хр. 135, л. 1 (перев. с франц.).

исправившь прошлое. Что касается меня, мой добрый друг, единственное, о чем я тебя умоляю именем любви, которую ты всегда проявлял ко мне, береги свое здоровье...»³¹

Взволнованное письмо Александрины Муравьевой, написанное нервной рукой, очень неразборчивым почерком, короткими отрывочными фразами, производит сильное впечатление. Оно — свидетельство не только благородства души, самоотверженности любя, но и мужества, с которым молодая избалованная жизнью женщина переносит внезапно свалившееся на нее несчастье. И этим оно выгодно отличается от письма самого Муравьева. Потом и с Александрой Григорьевной будет всякое: слезы, нервные припадки, отчаяние. Однако очень важно, что в первый и чрезвычайно сложный момент она проявляет твердость духа, поддерживает растерявшегося мужа, выражает готовность разделить его участь, дает высокую нравственную оценку декабриста.

Официальные свидания заключенным в Петропавловской крепости с близкими разрешены один раз в неделю. Поэтому любящие жены и сестры под всякими предлогами и любыми способами (вплоть до переодевания в костюм горничной) пробираются в крепость, подкупают стражу, коменданта. Молодая энергичная француженка Полина Гебль платит 200 рублей унтер-офицеру, передавшему ей первую записку от ее гражданского мужа Ивана Аппенкова. Она разрабатывает даже план побега узника, отказаться от которого заставляет только нехватка денег (мать Аппенкова не дает их: «Мой сын — беглец, сударыня!? Я никогда не соглашусь на это, он честно покорится своей судьбе»).

Более или менее регулярная связь узников с волей установилась уже в первые дни заключения. Этому в немалой степени способствовало сочувственное отношение караула Петропавловской крепости к арестованным декабристам. Различные свидетельства такого сочувствия собраны в монографии академика М. В. Нечкиной «Движение декабристов». Уже 20 декабря 1825 г. Николай I потребовал от коменданта крепости Сукина расследовать случаи тайной передачи писем на волю³². Но переписка продолжалась.

³¹ Там же, ед. хр. 118 (перев. с франц.).

³² См.: М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. II, стр. 419.

«Мой добрый друг,— пишет Никита Муравьев жене,— податель этой записки расскажет подробности обо мне как очевидец. Моя участь несомненно улучшилась, я переведен в другую камеру. У меня хорошенькая комната на втором этаже с большим окном. Я отделен от соседа деревянной стеной, что дает нам возможность беседовать целый день, и даже я передаю через него мои мысли соседям с другой стороны. Мое здоровье очень хорошее, и сознаюсь, что я здесь чувствую себя несравнимо оживленней, чем на прежнем месте, где я был абсолютно лишен всякого общества. Я раздал все, что вы мне посылали, и вот почему все израсходовалось так быстро. Мы с соседом придумали играть в шахматы. Каждый из нас сделал себе доску и маленькие кусочки бумаги, и мы уже сыграли 10 партий. Из своего окна я вижу, как проходит мой шурин (Захар Чернышев.— *Э. П.*) в баню. Он чувствует себя хорошо. Пришли мне, пожалуйста, апельсинов и варенья, мне доставляет развлечение быть поставщиком моих соседей. Нам подали надежду, что это кончится скоро. Прощай, мой ангел, целую тебя так крепко, как люблю. Надейся на бога, который не оставит нас. Этот человек — мой часовой и увидит меня еще сегодня. Пусть небо поможет ему!»³³

Через подкупленную стражу (приходилось платить по 50 рублей за записку) Муравьев не только сообщал о своем самочувствии, но и давал жене и матери указания, какие книги или рукописи нужно уничтожить или спрятать от глаз следователей. Академик Н. М. Дружинин, автор монографии о Никите Муравьеве, отметив, что в сохранившемся архиве декабриста имеются разнообразные исторические и военные записки и отсутствуют какие-либо политические заметки, не без оснований полагает, что Муравьев «успел уничтожить руками своей жены все имевшиеся вещественные улики»³⁴. В одной из многочисленных записок к Александре Григорьевне Н. М. Муравьев замечает: «Я очень доволен твоими распоряжениями»³⁵.

Подобно Муравьевой, безоговорочно и сразу поддержавшей мужа, Мария Волконская, едва узнав об аресте

³³ ЦГАОР, ф. 1153, оп. 1, ед. хр. 141, л. 15 (*перев. с франц.*).

³⁴ Н. Дружинин. Конституция Никиты Муравьева.— В кн.: Декабристы и их время, т. I, стр. 64.

³⁵ ЦГАОР, ф. 1153, оп. 1, ед. хр. 134, л. 164.

своего супруга, пишет ему, что «готовя следовать во всякое заточение и в Сибирь»³⁶.

Мария Казимировна Юшневская, жена генерал-интенданта 2-й армии, узнав в июле 1826 г., что ее муж как член Южного общества декабристов осужден по первому разряду на пожизненную каторгу, тут же подает прошение о разрешении следовать за ним: «Для облегчения участи мужа моего повсюду последовать за ним хочу, для благополучия жизни моей мне больше теперь ничего не нужно, как только иметь счастье видеть его и разделить с ним все, что жестокая судьба предназначила... Прожив с ним 14 лет счастливейшей женой в свете, я хочу исполнить священнейший долг мой и разделить с ним его бедственное положение. По чувству и благодарности, какую я к нему имею, не только бы взяла охотно на себя все бедствия в мире и нищету, но охотно отдала бы жизнь мою, чтобы только облегчить участь его»³⁷.

Сейчас, через сто пятьдесят лет после происшедшего, трудно восстановить с точностью, что послужило первым толчком к принятию каждой из декабристок решения обречь себя на добровольное изгнание. Подвижничество во имя любви? Супружеский долг? Чувство справедливости? Сострадание к ближнему? О многом можно только догадываться. Бесспорно одно: в 1826 г. эти женщины оказались в трудном положении. Переписка Александрины Муравьевой, воспоминания Марии Волконской, другие документы той поры показывают полную неосведомленность жен в делах мужей. Женщины, уделом которых в то время была семья, и не подозревали о существовании тайных обществ, о том, что их мужья участвовали в заговоре против царя.

Правда, Михаил Бестужев пишет, будто сестре декабриста Торсона, «очень умной девушке, были известны дела Общества»³⁸. Полина Гебль-Анненкова вспоминает, что примерно за месяц до восстания декабристов она узнала о готовящемся заговоре из бесед молодых людей, собиравшихся в доме Анненкова. «Это, конечно, меня сильно встревожило и озаботило и заставило опасаться за жизнь обожаемого мною человека, так что я решилась

³⁶ ОПИ ГИМ, ф. 18, ед. хр. 97, л. 7.

³⁷ В. М. Базилевич. Декабрист О. П. Юшневский. Спроба біографії.— В кн.: Декабристи на Україні, т. II. Київ, 1930, стр. 65.

³⁸ Воспоминания Бестужевых. М.— Л., 1951, стр. 131.

сказать ему о моих подозрениях и умоляла ничего не скрывать от меня. Тогда он сознался, что участвует в тайном обществе и что неожиданная смерть императора может вызвать страшную катастрофу в России, и заключил свой рассказ тем, что его наверное ожидает крепость или Сибирь. Тогда я поклялась ему, что последую за ним всюду»³⁹.

Однако было бы наивно требовать от продавщицы модного магазина, приехавшей в Россию всего лишь за два года до 14 декабря, понимания сущности и причин движения декабристов. П. Гебль слепо доверяла любимому человеку. И вообще это был тот этап общественного движения в России, когда женщины формально не участвовали в нем, хотя некоторые из них и начинали уже переходить к непосредственным практическим действиям. В «Алфавите декабристов» значатся две женщины: сестры Рукевич, Корнелия и Ксаверия. Когда их брата, М. Рукевича, арестовали по делу «Общества военных друзей» в Белостоке, они скрыли и уничтожили все бумаги общества, за что поплатились заключением в монастырь (Корнелия провела там шесть месяцев, Ксаверия — год).

Позже, в 30—40-х годах, в кружках Станкевича и Герцена женщины начнут выступать уже не просто как жены и сестры, а как самостоятельные личности, что будет предвосхищением их активного участия в революционной борьбе 60—80-х годов, вплоть до превращения в лидеров движения (Софья Перовская, Вера Фигнер и др.). До того этапа женского самосознания было еще далеко, но своими корнями он уходит в декабристские годы.

Вероятно, у каждой из уезжавших в Сибирь женщин были свои особые аргументы, не всегда ясные нам до конца. О Марии Волконской мы можем сказать больше благодаря ее воспоминаниям.

Широко известные и популярные «Записки княгини Марии Николаевны Волконской» (неоднократно переиздававшиеся) написаны на склоне лет женщиной, прошедшей через 1825 год, через сибирскую каторгу. Разумеется, Волконская 50-х годов не та, что была в 1826-м. И все же, делая известную поправку на «повзросление», мы мо-

³⁹ Воспоминания Полины Анненковой. С приложением воспоминаний ее дочери О. И. Ивановой и материалов из архива Анненковых. М., 1929, стр. 61.

жем представить, как поняла и восприняла восстание декабристов 20-летняя женщина, выросшая в высокообразованной среде, воспитанная в духе свободомыслия, собственного семье Раевских. Прожив первый и единственный до ареста Волконского год в замужестве при духовной разобщенности с мужем, Мария Николаевна узнала о целях и планах тайного общества, когда Сергей Григорьевич находился уже в Петропавловской крепости. Рассказывая детям и внукам о своем отъезде в Сибирь, Мария Волконская неоднократно подчеркивает полнейшую бескорыстность, идеализм движения декабристов, что произвело на нее сильнейшее впечатление. «Действительно,— пишет она,— если даже смотреть на убеждения декабристов как на безумие и политический бред, все же справедливость требует признать, что тот, кто жертвует жизнью за свои убеждения, не может не заслуживать уважения соотечественников. Кто кладет голову свою на плаху за свои убеждения, тот истинно любит отечество, хотя, может быть, и преждевременно затеял дело свое»⁴⁰. Как на истинного патриота, героя, а не просто страдальца смотрит Волконская на осужденного мужа. И эта вера делает непоколебимым ее решение следовать за ним в Сибирь.

Декабристки получали воспитание, составленное из редких элементов. Прежде всего в его основе лежало уважение к гуманистической традиции XVIII в. Ведь те же учителя, что обучали будущих декабристов, толковали юным девицам о Вольтере, Руссо, Гёте... Как ни далеки были женщины 1820-х годов от понимания декабристских идеалов и участия в заговоре, задолго до 14 декабря они стали как бы соучастницами мужчин в освобождающем просвещении.

Помимо уважения к гуманистическим просветительным традициям XVIII столетия, дворянское воспитание внушало христианские идеи любви и всепрощения, верность старинным устоям. Власть, конечно, приветствовала эту выгодную для нее идеологию. Но тем труднее

⁴⁰ Записки княгини Марии Николаевны Волконской (в дальнейшем: *М. Н. Волконская. Записки*). Спб., 1904, стр. 46. В книге использованы два издания «Записок»: 1904 г. с предисловием М. С. Волконского и 1914 г. (книгоиздательство «Прометей» Н. Н. Михайлова) с биографическим очерком и примечаниями П. Е. Щеголева.

было ей, когда молодые женщины, ссылаясь на основы христианской морали, защищали свое право на участие к «падшим». Испокоин веков, даже в эпохи полного порабощения женщины, христианское подвижничество и благотворительность были двумя сферами деятельности ее вне семьи.

Как известно, «гроза двенадцатого года», ставшая эпохой в жизни России, явилась значительным этапом в формировании декабристской идеологии. Марии Раевской, будущей жене декабриста Волконского, дочери прославленного генерала, героя 1812 г., было тогда только семь лет; Елизавете Коновницыной (будущей Нарышкиной), дочери другого героя Бородинского сражения, едва минуло одиннадцать. Но дочери и младшие сестры участников Отечественной войны вместе со всеми пережили то время особого подъема национального самосознания и патриотизма, под влиянием которого складывались их понятия о чести, любви к родине.

Заложенные в детские и юношеские годы нравственные принципы дали о себе знать в трудную минуту жизни. Конечно, женщины, жившие в ту пору скорее сердцем, чем разумом, заботились прежде всего об облегчении участи близких, уповав при этом на волю божью и милосердие государя. Справедливости ради следует отметить, что и сами дворянские революционеры в большинстве своем не смогли преодолеть этот искуc: сидя в Петропавловской крепости, многие из них возлагали надежды на бога и царя, и мало кто разгадал игру Николая I во время следствия.

Декабризм оказал глубокое нравственное влияние на женщин, раскрыл их лучшие душевные качества, пробудил готовность к самопожертвованию, мужество, энергию, показал, что они обладают неисчерпаемым запасом любви и участия. Женщины еще не были борцами в нашем понимании этого слова, и, наверное, их главная сила заключалась в терпении. Когда идешь на самое рискованное дело сознательно, представляешь заранее (или по крайней мере должен представлять) ответственность за совершенное и соразмеряешь свои силы с тем вполне реальным наказанием, которое может обрушиться на тебя. Страдать за другого значительно труднее...

В Центральном государственном архиве Октябрьской революции среди рукописей библиотеки Зимнего дворца

хранятся донесения князя А. Н. Голицына Николаю I⁴¹. В 1825—1826 гг. князь состоял членом Следственного комитета по делу декабристов, и донесения как раз касаются этого дела.

«21 октября 1826 г.

Барон Альбедиль просит, если Ваше величество позволит, чтобы княгиня Софья Волконская посетила Таврический дворец. Императрица Александра обещала ей добиться этого позволения. Княгиня Волконская хочет уехать завтра, вот почему я испрашиваю сегодняшний вечер».

На донесении Голицына, написанном по-французски, царь пишет по-русски: «Да! И пусть врет там, что хочет».

Софья Волконская — сестра декабриста, жена министра двора, из старинного аристократического рода. Николай не может ей запретить свидание с императрицей, хотя знает, что речь пойдет о брате и желании Марии Волконской отправиться к мужу в Сибирь.

Через полтора месяца Голицын снова напомнил Николаю о Волконских. И на этот раз последовала реакция еще более отрицательная, несмотря на явную поддержку прошения самим Голицыным и московским почт-директором А. Я. Булгаковым: «Княгиня Софья Волконская просит почтальона, который сопровождал бы ее невестку, урожденную Раевскую. Я присоединяю письмо Булгакова, который испрашивает на это соизволение.

Обычно дамам никогда не отказывали в подобных просьбах, но этот случай такого рода, что я не осмеливаюсь решиться без Ваших приказаний; впрочем, для столь длинного путешествия, я думаю, необходимо дать разрешение юной женщине, которая едет одна».

Резолюция царя: «Я поручил Волконской предостеречь молодую женщину от такого ужасного путешествия; во всяком случае я не могу согласиться на сопровождение почтальона, так как это означало бы действовать не в духе моих советов, а как раз наоборот».

Поведение Николая I легко объяснимо: разумеется, он боялся не за судьбу женщин, а за тот общественный резонанс, который вызвало их добровольное изгнание. Поэтому, по приказу свыше, было создано немало препятствий на пути декабристок в Сибирь.

⁴¹ ЦГАОР, ф. 728, оп. 1, ед. хр. 1419, л. 5—7.

И все-таки одиннадцать из них проделали то путешествие, которое сам царь считал «ужасным»...

Известие о решении женщин ехать вслед за мужьями в Сибирь быстро распространялось среди родственников, друзей, знакомых и незнакомых, получая громкую огласку.

«Я видел в Петербурге Е. Ф. Муравьеву, — сообщает П. А. Вяземский А. И. Тургеневу и В. А. Жуковскому 29 сентября 1826 г. — Вот истинный ад! Сыновья ее еще в крепости, так же как и многие из несчастных. Небольшое число отправлено уже в Сибирь, и между прочими: Волконский, Трубецкой, Якубович, Давыдов. Муравьевы, жена и мать, поедут за своими, когда их отправят... Трубецкая также поехала за мужем, и вообще все жены, кажется, следуют этому примеру. Дай бог хоть им искупить гнусность нашего века»⁴².

Академик М. В. Нечкина справедливо видит в проводах Марии Волконской в Сибирь, которые устроила ей Москва, «элемент общественной демонстрации»⁴³. Обстоятельства этих проводов 26 декабря 1826 г. в доме княгини Зинаиды Волконской, собиравшем все лучшие литературные и артистические силы Москвы, широко известны. Сама виновница события рассказала о них в своих «Записках»⁴⁴.

Интересны непосредственностью впечатлений, пониманием важности происходящего воспоминания участника проводов брата поэта Веневитинова: «Вчера провел я вечер, незабвенный для меня. Я видел во второй раз и еще более узнал несчастную княгиню Марию Волконскую... Она нехороша собой, но глаза ее чрезвычайно много выражают. Третьего дня ей минуло двадцать лет»⁴⁵. Но так рано обреченная жертва кручины, эта интересная и вместе могучая женщина — больше своего несчастья...

Она в продолжение целого вечера все слушала, как пели, и когда один отрывок был отпет, то она просила другого. До двенадцати часов ночи она не входила в гостиную, потому что у княгини Зинаиды много было, но сидела в другой комнате за дверью, куда к ней беспрестанно ходила хозяйка, думая о ней только и стараясь

⁴² Архив братьев Тургеневых, вып. 6. Пг., 1921, стр. 43.

⁴³ М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. II, стр. 433.

⁴⁴ М. Н. Волконская. Записки, 1904, стр. 20, 22.

⁴⁵ Волконской исполнился двадцать один год.

всячески ей угодить... Остаток вечера был печален. Легкомысленным, без сомнения, показался он скучным, как ни старались прерывать глубокое, мрачное молчание некоторыми шутивными дуэтами. Но человек с чувством, который хоть изредка уже привык обращаться на самого себя и относиться к себе все, что его ни окружает, необходимо должен был думать, много думать. Я желал в то время, чтобы все добрые стали счастливыми, а собственное впечатление сего вечера старался я увековечить в себе самом... Я возвратился домой с душою полною и никогда, мне кажется, не забуду этого вечера»⁴⁶.

В тот вечер среди провожавших Марию Волконскую находился и Пушкин. Мария Волконская и Пушкин — это особая тема, породившая целую литературу с устойчивой версией о том, что Мария Николаевна была большой «потаненной» любовью великого поэта⁴⁷. В данном случае нас интересует тот факт, что Пушкин, близкий декабристам до восстания и не отвернувшийся от них после их поражения, осуждения и изоляции, пришел на проводы жены декабриста. Через Волконскую он намеревался передать свое послание сибирским узникам, но не успел; его привезла на каторгу другая декабристка — Александрина Муравьева...

Материалы о проводах Волконской в Сибирь впервые были опубликованы в 1875 г в журнале «Русская старина», когда цензурные гонения на декабристскую тему — через пятьдесят лет после восстания! — стали не столь жестоки. Вслед за воспоминаниями Веневитинова издатель поместил лирические заметки Зинаиды Волконской, воспевавшие сестру по духу и ее подвиг: «О ты, пришедшая отдохнуть в моем жилище, ты, которую я знала в течение только трех дней и назвала своим другом! Образ твой лег мне на душу. Я вижу тебя заочно: твой высокий стан встает передо мною, как величаяя мысль, а грациозные движения твои так же мелодичны, как небесные звезды, по верованию древних. У тебя глаза, волосы, цвет лица, как у девы, рожденной на берегах Ганга, и, подобно ей, жизнь твоя запечатлена долгом и жертвою... Было время, говаривала ты, голос твой был звучный, но страда-

⁴⁶ «Русская старина», 1875, т. XII, стр. 823—824.

⁴⁷ См.: П. Е. Щеголев. Мария Волконская. СПб., 1922; Б. М. Соколов. М. Н. Раевская-Волконская в жизни и поэзии Пушкина. М., 1922.

ния заглушили его... Однако я слышала твое пение: оно не умолкло, оно никогда не умолкнет: твои речи, твоя молодость, твой взгляд, все существо твое издает звуки, которые отзовутся в будущем... Жизнь твоя не есть ли гимн...»⁴⁸

Публикация о проводах Марии Волконской заключалась отрывком из широко известной сейчас поэмы Н. А. Некрасова «Русские женщины»:

Простите, родные! Мне сердце давно
Мое подсказало решение.
И верю я твердо: от бога оно!
А в вас говорит — сожаленье.
Да, ежели выбор решить я должна
Меж мужем и сыном — не боле,
Иду я туда, где я больше нужна,
Иду я к тому, кто в неволе!

⁴⁸ «Русская старина», 1875, т. XII, стр. 825.

Глава II

«СПАСИБО ЖЕНЩИНАМ...»

Спасибо женщинам: они дадут несколько прекрасных строк нашей истории.

П. А. Вяземский

Сегодня слово «подвиг» в применении к поступку жен декабристов может показаться преувеличением, рожденным возвышенным поэтическим воображением.

Подвиг?

«На диво слаженный возок», и в нем княгиня в сопровождении верных слуг — крепостных. Были, впрочем, проекты уничтожения прав опальных женщин на крепостных, но Николай I в корне пресек такую мысль: «Это совершенно воспрещаю. Бунтовать людей не должно! Достаточно объявить женам, что по положениям они не могут брать с собою людей, как с добровольного согласия»¹.

«Опись вещам полковницы Нарышкиной», выезжавшей в Сибирь, занимает три листа большого формата: «в длинном клеенчатом ящике», «в малиньком клеенчатом ящике», в двух «важах» и в «висючем чемодане под козлами» поместились 22 чепчика и соломенная шляпа, 30 пар женских перчаток, «2 вуаля», до 30 ночных рубашек, десятки пар чулок — бумажных, шелковых, шерстяных, «1 картончик с буклями», медный самовар и многое другое².

Да и в суровой, дикой Сибири все женщины, даже наименее состоятельные, через год-другой устроились относительно неплохо, обзавелись собственными домами со штатом прислуги; мужья вначале посещали их, а потом и жили вместе. Такие вещи никак не вяжутся с современными представлениями о каторжной жизни...

Сын Марии Волконской в предисловии к впервые издаваемым им запискам матери писал: «Припоминаю сло-

¹ Б. Кубалов. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925, стр. 8—9.

² Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (ОР ГБЛ), ф. 133 (Коновницыных, Нарышкиных), М. 5825, 5/а.

ва, не раз слышанные мною в детстве, в ответ на высказываемое ей удивление по поводу того, что она могла добровольно лишить себя всего, что имела, и все покинуть, чтобы следовать за своим мужем. «Что же тут удивительного? — говорила она, — пять тысяч женщин каждый год делают добровольно то же самое»³.

Александра Ивановна Давыдова, вернувшись из ссылки, говаривала: «Какие героини? Это поэты из нас героинь сделали, а мы просто поехали за нашими мужьями...»

Но так ли это? И почему с таким волнением пишут о декабристах Пушкин, Вяземский, Одоевский, Веневитинов?..

И почему через полвека после восстания декабристов, когда русская женщина предъявила требование на самостоятельный труд, на образование, на участие в общественной жизни и влилась, наконец, в ряды революционеров, — почему поэма Некрасова о Трубецкой и Волконской была встречена с восторгом?

Наверное, потому, что многое роднило декабристок с первыми женщинами-революционерками.

Верховный уголовный суд признал виновными по делу 14 декабря и приговорил к различным мерам наказания сто двадцать одного человека. Из них двадцать три были женаты⁴ (считая и И. Анненкова, который официально не оформил брак)⁵.

Все женатые декабристы, о которых здесь речь, — офи-

³ М. Н. Волконская. Записки, 1904, стр. VII.

⁴ Это: И. А. Анненков, А. К. Берстель, А. Ф. Бригген, С. Г. Волконский, В. Л. Давыдов, А. В. Ентальцев, В. Н. Лихарев, А. Н. Муравьев, А. З. Муравьев, Н. М. Муравьев, М. М. Нарышкин, И. В. Поджио, И. Ю. Поливанов, А. Е. Розен, К. Ф. Рылев, В. К. Тизенгаузен, С. П. Трубецкой, П. И. Фаленберг, М. А. Фонвизин, Ф. П. Шаховской, В. И. Штейнгель, А. П. Юшневский, И. Д. Якушкин.

⁵ То, что женатых было немного, можно объяснить сравнительной молодостью осужденных: из двадцати трех женатых декабристов семеро не достигли тридцати лет; в возрасте от тридцати до сорока лет были четырнадцать человек, свыше сорока лет — только двое. Самый молодой — 23-летний поручик Анненков; двумя годами старше — поручик Розен и подпоручик Лихарев. Самые старшие по возрасту — полковник Тизенгаузен (сорок четыре года) и подполковник Штейнгель (сорок два года). Офицеры, состоявшие на службе, в большинстве случаев связывали свою женитьбу с выходом в отставку. Это обстоятельство также объясняет незначительное число женатых.

церы, состоявшие на службе или находившиеся в отставке. В их числе три генерала (Волконский, Фонвизин, Юшневский), восемь полковников (Трубецкой, А. З. Муравьев, А. Н. Муравьев, Давыдов, Нарышкин, Тизенгаузен, Поливанов, Бригген), четыре подполковника. Иными словами, примерно две трети (пятнадцать человек) из двадцати трех относились к высшему офицерству. Трое (Волконский, Трубецкой и Шаховской) имели княжеские титулы, Розен и Штейнгель — баронские. Волконские, Трубецкие, Нарышкины, Муравьевы, Фонвизины были весьма близки ко двору. И все они, кроме званий, титулов, положения в свете, имели состояния (разумеется, одни — большие, даже огромные, другие — незначительные).

Следовательно, переходя на положение «жен ссыльно-каторжных», женщины сознательно и бесповоротно порывали с прошлым, отказывались от привилегий, от прежних представлений о жизни и от прежнего образа жизни. И поскольку разрыв этот означал публичную поддержку государственных преступников, женщины оказывались в оппозиции к властям, их поведение становилось формой общественного протеста.

Таков социально-политический аспект отъезда женщин за мужьями-каторжанами в Сибирь. Недаром Петр Вяземский столь высоко и восторженно оценил это событие: «Спасибо женщинам: они дадут несколько прекрасных строк нашей истории»^{*}.

Была и другая сторона той же проблемы, не имевшая, возможно, такой общественной значимости: отправляясь за мужьями, жены добровольно отказывались от собственных детей и родителей. Это окружало женщин еще большим ореолом мученичества. Царь разрешал ехать только женам. В отношении прочих родственников, в том числе и детей, среди постановлений, касавшихся «государственных преступников», существовало и такое: «О недозволении отправляться к ним в Сибирь детям их благородного звания, родственникам и другим лицам».

До отъезда в Сибирь детей не было лишь у Трубецкой и Нарышкиной (последняя еще до осуждения мужа потеряла единственную дочь). Дочь Ентальцевой от первого

^{*} Письмо П. А. Вяземского А. И. Тургеневу и В. А. Жуковскому от 6 января 1827 г. — В кн.: Архив братьев Тургеневых, вып. 6. М., 1921, стр. 56.

брака воспитывалась у отца. А. И. Давыдова рассовала по богатым родственникам шестерых. А. Г. Муравьева поручила заботам бабушки двух маленьких дочек (старшей три года) и совсем крохотного сына. Н. Д. Фонвизина, единственная дочь престарелых родителей, оставила их с двумя внуками двух и четырех лет. М. Н. Волконская уехала в Сибирь, когда ее сыну не было и года. А. В. Розен, по настоянию мужа, задержалась с отъездом, ожидая, пока подрастет сын. М. К. Юшневской не разрешили взять с собой дочь от первого брака. У будущей жены Анненкова — П. Гебль также была дочь, оставшаяся с бабушкой.

Расставались, имея очень мало надежд на то, что когда-нибудь свидятся. По постановлению Комитета министров, «невинная жена», последовавшая за мужем в Сибирь, должна была оставаться там до его смерти, а может быть, и до собственной смерти, так как правительство не гарантировало обязательного возвращения женщины в случае смерти их мужей, «государственных преступников»¹ (что, кстати, и подтвердилось).

Сроки заключения также не внушали оптимизма. Из двадцати трех женатых семеро были осуждены по первому разряду (Трубецкой, Артамон Муравьев, Давыдов, Юшневский, Никита Муравьев, Волконский и Якушкин; Рылеев, как известно, был поставлен вне разрядов). Это означало «каторжную работу вечно», а после сокращения срока 22 августа 1826 г. — двадцать лет каторги. По второму разряду поручик И. А. Анненков получил (после сокращений) пятнадцать лет каторги. В. И. Штейнгель (по третьему разряду) — также пятнадцать лет каторги. Причисленные к четвертому разряду государственных преступников М. А. Фонвизин, И. В. Поджио, П. И. Фаленберг и М. М. Нарышкин были приговорены к пятнадцати годам каторжных работ, затем срок им сократили до восьми лет. А. Е. Розену (пятый разряд) десять лет каторги уменьшили до шести. Шестеро (В. Н. Лихарев, А. В. Ентальцев, В. К. Тизенгаузен, И. Ю. Поливанов, А. К. Берстель и А. Ф. Бригген) получили минимальный срок каторги (четыре года, после сокращения — один год). Наконец, А. Н. Муравьеву по конфирмации шестилетняя

¹ См.: П. Е. Щеголев. Жены декабристов и вопрос об их юридических правах. — Исторические этюды. СПб., 1914.

каторга была заменена ссылкой в Сибирь без лишения чинов и званий, Ф. П. Шаховского выслали в Сибирь на двадцать лет (с лишением чинов и званий).

Уже в 1826 г. две декабристки стали вдовами: 13 июля был повешен Кондратий Рылеев; 5 сентября умер Иван Поливанов, который в Петропавловской крепости «заболел сильными нервическими судорожными припадками», его 19-летняя жена, Анна Ивановна, урожденная Власьева, уже во время суда над мужем «теряла от печали рассудок»⁸. Через три года овдовела и Наталья Шаховская.

После казни пятерых декабристов осужденных начинают отправлять в Сибирь. Отправляют постепенно, партиями. Первая группа — «Трубецкой с товарищи» (Волконский, Артамон Муравьев, Давыдов и др.) — прибыла на каторгу в августе 1826 г. Никита Муравьев, Анненков добрались в январе 1827 г. и т. д.

Путь в Сибирь для осужденных скрашивался не только свиданиями с близкими, которые правдами и неправдами оказывались на ближайших к Петербургу и Москве почтовых станциях, но и явно сочувственным отношением окрестного населения. Об этом долго помнили декабристы. «Публика догадывалась о причине, по которой мы пострадали, — пишет брат Никиты Муравьева, Александр. — Несмотря на оковы, нас всюду встречали с живейшим радушием. С позволения фельдъегеря нас кормили, отказываясь получать вознаграждение от представителя власти. В Тихвине, недалеко от Петербурга, несмотря на побои фельдъегеря, народ с непокрытыми головами желал нам счастливого пути. То же произошло в Ярославле. В Костроме, пока перепрягали лошадей, один молодой человек, оттолкнув наших стражей, ворвался в комнату, где мы находились, и сказал нам: «Господа, мужайтесь, вы страждете за самое прекрасное, самое благородное дело. Даже в Сибири вы встретите сочувствие»⁹.

Ни петербургские, ни сибирские власти не знали толком даже географию: в бумагах Олекминск путают с Омском; Матвея Муравьева-Апостола, сосланного в Якутскую область, пытаются поселить в Витиме Иркутской губернии и т. д. Местное начальство абсолютно не было готово

⁸ Восстание декабристов, т. VIII. Л., 1925, стр. 379.

⁹ А. М. Муравьев. Записки. Пг., 1922, стр. 27.

к приему арестантов. О возможном же приезде к ним жен генерал-губернатор Восточной Сибири Лавинский узнает только по слухам. Встревоженный ими, он шлет запросы в Петербург, предвосхищая своими предложениями разрабатанные позднее правила для жен государственных преступников.

«Будет ли сделано предписание местным властям об образе обхождения их с сими женами, т. е. считать ли их в прежнем быту или женами ссыльных? — запрашивает генерал-губернатор.

Следуя за своими мужьями и продолжая супружескую с ними связь, они, естественно, делаются причастными их судьбе и теряют прежнее звание, а прижитые в Сибири дети поступают уже в казенные крестьяне. Неизвестно, имеют ли они о сем понятие, и ежели нет, то не должно ли оное быть им внушено, ибо многие, может быть, решаются ехать в Сибирь не из любви и привязанности к своим мужьям, но из пустого тщеславия... но коль скоро мечтания их рассеются вразумлением об ожидающей их там участи, то, может быть, исчезнет и охота к выполнению необдуманного намерения»¹⁰.

По царскому повелению создается специальный секретный комитет для разработки всех вопросов, связанных с водворением декабристов в Сибири. А тем временем первая из женщин — Екатерина Ивановна Трубецкая — уже в июле 1826 г., на следующий день после отъезда мужа, отправляется вслед за ним. Ее сопровождает секретарь отца Карл Воше, который, кстати, после возвращения из Сибири вынужден будет оставить Россию. В Красноярске сломалась карета, заболел провожатый. Трубецкая продолжает путь одна, в тарантасе. В Иркутске губернатор Цейдлер долго запугивает ее, требует (еще раз после Петербурга!) письменного отречения от всех прав — Трубецкая подписывает. Через несколько дней губернатор объявляет бывшей княгине, что она продолжит путь «по капату», вместе с уголовными преступниками. Она согласилась.

«Женщина с меньшею твердостью, — писал А. Е. Розен, — стала бы колебаться, условливаться, замедлять дело переписками с Петербургом и тем удержала бы других жен от дальнего напрасного путешествия. Как бы то ни

¹⁰ Б. Кубалов. Декабристы в Восточной Сибири, стр. 6.

было, не уменьшая достоинств других наших жен, разделявших заточение и изгнание мужей, должен сказать положительно, что княгиня Трубецкая первая проложила путь, не только дальний, неизвестный, но и весьма трудный, потому что от правительства дано было повеление отклонять ее всячески от намерения соединиться с мужем»¹¹.

Трубецкая, за нею Волконская и Муравьева едут, обгоняя в пути некоторых декабристов. Михаил Фонвизин 26 февраля 1827 г., находясь «за сто двадцать верст не доезжая Иркутска», посылает жене письмо с «комиссионером к. Волконской»: «Трубецкая, Волконская и Муравьева поехали за Байкал — их заставили подписать отречение от звания их, и я опасаюсь, что их положение будет тягостно»¹².

Примеру первых тут же последовали Е. П. Нарышкина и А. В. Ентальцева; в марте 1828 г. на каторгу в Читинский острог приехали еще две жены — Давыдова и Фонвизина — и певеста Анненкова — Полина Гебль; в августе 1830 г., при переходе каторжан из Читинского острога в Петровский завод, к ним примкнули А. В. Розен и М. К. Юшневская; наконец, в сентябре 1831 г. в Петровском заводе состоялась свадьба Василия Ивашева с приехавшей к нему Камиллой Ле-Дантю¹³.

Эти одиннадцать были самые разные — по социальному положению и материальной обеспеченности, по характеру и уровню культуры. Из титулованной знати — княгиня Мария Волконская и Екатерина Трубецкая, урожденная графиня Лаваль; Александра Григорьевна Муравьева — из графского рода Чернышевых, одного из самых богатых в России. Елизавета Петровна Нарышкина — дочь графа Коновницына, генерала, бывшего военного министра. Генеральша Наталья Дмитриевна Фонвизи-

¹¹ А. Е. Розен. Записки декабриста. СПб., 1907, стр. 152.

¹² ОР ГБЛ, ф. 319 (Фонвизинных), карт. 1, ед. хр. 3.

¹³ Позднее (1838 г.) на поселение в Селенгинск к К. Торсону переехали мать и сестра; туда же в 1847 г. приехали сестры Михаила и Николая Бестужевых. В Иркутском архиве хранится дело «О подчинении девиц Елены, Марии и Ольги Бестужевых, которым дозволено прибыть в Сибирь для совместного жительства с братьями, ограничениям, какие существуют для жен государственных преступников». С 1838 г. в Туруханске с семьей Ивашева жила мать его жены. П. М. Шаховская, жена А. Н. Муравьева, сосланного без лишения чинов, последовала за ним.

на — из рода Апухтиных. Они не только знатны, но и достаточно богаты.

Другая генеральша — Мария Казимировна Юшневская, урожденная Круликовская, — похвастать богатством не может. Получив разрешение на отъезд в Сибирь, она продает на дорогу последнюю шубу и серебряные ложки. Такая же «середнячка» и баронесса Розен — Анна Васильевна Малиновская, дочь первого директора знаменитого Царскосельского лицея.

Есть среди одиннадцати и совсем незнатные. Александра Ивановна Потапова, дочь мелкого чиновника, еще в 1819 г. 17-летней девушкой сошлась с родовитым В. Л. Давыдовым (братом Н. Н. Раевского по матери). Мезальянс этот долго — до мая 1825 г. — не был официально оформлен. Поэтому уже после осуждения Давыдова его братьям пришлось немало похлопотать об усыновлении собственных детей «политически мертвым отцом».

«Безродной» была и жена армейского подполковника Ентальцева, Александра Васильевна Лисовская. От своего первого мужа — игрока — она сбежала, оставив малолетнюю дочь. После смерти Ентальцева Александра Васильевна сильно нуждалась и жила на пособие от казны.

Две француженки — Полина Гебль и Камилла Ле-Дантю — также не могли похвастаться высоким положением в обществе. Гебль, жестоко бедствовавшая в детстве, до замужества работала в Москве продавщицей модного магазина. Мать Камиллы была гувернанткой в доме будущих родственников — Ивашевых.

По возрасту женщины тоже разные. Самые старшие из них — Юшневская и Ентальцева. В 1830 г., когда Мария Казимировна приехала в Сибирь, ей было сорок лет. Примерно столько же — и Александре Васильевне Ентальцевой. Следующая по старшинству — Анна Васильевна Розен. Остальные восемь родились уже в первом десятилетии XIX в., все они приехали в Сибирь, когда им не исполнилось и тридцати. Марии Волконской не было еще и двадцати двух лет; Муравьевой, Фонвизиной и Камилле Ле-Дантю в момент их приезда — по двадцать три года (Муравьева старше Фонвизиной на один год, Ле-Дантю-Ивашева — вообще самая младшая из одиннадцати женщин); Нарышкиной и Давыдовой по двадцати шесть лет, Трубецкой двадцать семь и Анненковой двадцать восемь лет.

Каждая из них шла в Сибирь своим путем.

Александрина Муравьева, действительно, была «самая счастливая из женщин»¹⁴. Мужа она обожала до самозабвения. Уже на каторге на шуточный вопрос Якушкина, кого она больше любит, мужа или бога, Александра Григорьевна ответила вполне серьезно, «что сам бог не выщепит за то, что она Никитушку любит более»¹⁵.

Никита Михайлович Муравьев, обладавший, по общему признанию, «редкими достоинствами ума» и «прекрасными свойствами души благородной», отвечал жене полной взаимностью. Их брак (с февраля 1823 г.) до Сибири был испытан несколькими годами совместной счастливой жизни. Что значила Александрина для мужа, становится ясным из их переписки, особенно в первые дни и недели заключения Муравьева.

«Я беспрестанно о тебе думаю и люблю тебя от всей души моей. Любовь взаимная наша достаточна для нашего счастья. Ты сама прежде мне писала, что благополучие наше в самих нас»¹⁶.

«Милая Сашази, укрепляй себя, не предавайся печали, я тебя люблю от всей души, от всего сердца, от всех способностей моих»¹⁷.

И так каждый день — из Петропавловской крепости.

«Твои письма, милый друг, и письма маменьки, — пишет Н. Муравьев жене вечером 18 января 1826 г., — производят на меня такое впечатление, будто самый близкий друг каждый день приходит побеседовать со мной. Время от времени я перечитываю всю мою коллекцию, которая стала теперь довольно многочисленной. Моя мысль не в тюрьме, она все время среди вас, я вижу вас ежечасно, я угадываю то, что вы говорите, я испытываю то, что вы чувствуете»¹⁸.

Переписка Н. М. Муравьева с женой и матерью хранится в Центральном государственном архиве Октябрьской революции. Письма за 1826 год, переплетенные в толстенный том, Муравьев увез с собою в Сибирь. Об этом свидетельствует надпись на первой (отдельной) странице: «Все сии письма, полученные через г-на иркутского гу-

¹⁴ ЦГАОР, ф. 1153, оп. 1, ед. хр. 118. Письмо от 2 января 1826 г.

¹⁵ «Голос минувшего», 1915, № 4, стр. 187.

¹⁶ ЦГАОР, ф. 1153, оп. 1, ед. хр. 134, л. 162.

¹⁷ Там же, л. 163.

¹⁸ Там же, ед. хр. 135, л. 13 об. (перев. с франц.).

бератора, были мною читаны. Генерал-лейтенант Лепарский 1-ой». Выше рукою Муравьева приписано по-французски: «Письма моей жены и матери. 1826.»¹⁹

До конца жизни Никита Муравьев не расставался и с портретом жены, присланным ему еще в Петропавловскую крепость. «Портрет твой очень похож и имеет совершенно твою мину,—сообщает он жене.—Он имеет большое выражение печали. Он не слишком велик и вовсе не беспокоит его носить»²⁰. «В минуту наибольшей подавленности,—Муравьев пишет Александре Григорьевне 16 января 1826 г.,—мне достаточно взглянуть на твой портрет, и это меня поддерживает»²¹.

Кроме собственной любви и любящего мужа, была у Александры Григорьевны Муравьевой и другая опора—родители и сестры.

Многочисленную семью Чернышевых—шесть сестер и одного брата—объединяла крепкая любовь. Девочки получили обычное светское воспитание, основанное на изучении литературы, искусства и музыки. Все они склонны были к излишней восторженности, характерной для девушек их круга, и даже некоторой эксцентричности (не подходившей уже под рубрику «хорошего тона»).

Страстная эмоциональность, граничившая иногда с экзальтированностью, проявилась у Александрины уже в ранней юности. 16-летняя девочка, начинающая вести дневник, открывает его следующими строками: «Я говорила, говорю и пишу, что нет большего несчастья, чем иметь голову горячую и сумасбродную и ум набекрень»²².

Сумасбродность и «ум набекрень» вообще отличали Чернышевых. Глава семьи, Григорий Иванович, «офранцуженный вельможа», «был большим чудаком и мотом, но все же не успел спустить всего огромного своего состояния. У него имения были чуть ли не во всех губерниях»²³. Огромные пашни, леса, тысячи крепостных

¹⁹ ЦГАОР, ф. 1153, оп. 1, ед. хр. 118, 630 листов.

²⁰ Там же, ед. хр. 134, л. 221.

²¹ Цит. по кн.: *И. С. Зильберштейн*. Николай Бестужев и его живописное наследие.— «Литературное наследство», т. 60, кн. II, М., 1956, стр. 75.

²² ЦГАОР, ф. 1153, оп. 1, ед. хр. 123, л. 1. «Journal d'Alexandrine» (перев. с франц.).

²³ *А. Бибикова*. Из семейной хроник.— «Исторический вестник», 1916, № 11, стр. 419.

душ давали возможность Чернышевым вести барскую жизнь с широким размахом. В главной летней резиденции — в Тагине Орловской губернии — на конюшне содержалось иногда до 500 лошадей приезжих гостей. Многочисленная дворня, штат учителей, доктор, домашний художник, крепостной оркестр обслуживали хозяев и их гостей. Концерты, фейерверки, танцы устраивались для их развлечения²⁴.

При все этом расточительный богатый граф Чернышев — знаток французской литературы, остроумный весельчак, развлекавший двор, имел тайную жизнь: он был масоном, канцлером верховного органа, руководившего сетью масонских лож.

Чернышевы оказались в самой гуще декабристских событий. Единственный сын и наследник графского титула и громадного родового майората ротмистр Кавалергардского полка Захар Чернышев как член Северного общества декабристов был приговорен к лишению чинов и дворянства и к двум годам каторги. Кроме Захара и зятя Муравьева, в числе осужденных по делу 14 декабря оказались двоюродный брат Александрины — Ф. Ф. Вадковский, а по линии ее мужа — его родной брат Александр, а также кузены Лунины и Муравьевы.

Все сестры одинаково восторженно относились к брату Захару и Никите Муравьеву, считая их героями. При поддержке всей семьи Александра Григорьевна начала хлопотать о разрешении следовать за мужем задолго до официального приговора. После ее отъезда (январь 1827 г.) сестры чувствовали себя «тоже в изгнании». «Никто не понимает их больше, чем я, — писала М. С. Луину его сестра Е. С. Уварова в Сибирь. — Мы собираемся только для того, чтобы поговорить о дорогих предметах нашей страсти и нашей скорби! Союз, связывающий всех членов этой семьи, воистину замечательный»²⁵. Петр Вяземский называл дом Чернышевых в те годы «святынею несчастия».

Когда жена Розена уезжала в Сибирь, особое участие в ее судьбе приняли сестры Чернышевы. Вера Григорьев-

²⁴ См.: Н. М. Дружинин. Семейство Чернышевых и декабристское движение. — В сб.: Ярополец. М., 1930, стр. 17—43.

²⁵ Институт русской литературы (ИРЛИ), ф. 368 (Лунина), оп. 1, № 18. Письмо Е. С. Уваровой от 30 декабря 1832 г. (перев. с франц.).

на «со слезами просила взять ее с собою под видом служанки, чтобы она там могла помогать сестре своей». Другая Чернышева — Наталья Григорьевна, — «просила тогда позволения у императора делить с сестрою изгнание и лишения»²⁶.

Старшая из сестер, Софья Григорьевна²⁷, воспитывала двух дочерей дальнего родственника В. Л. Давыдова. И, вероятно, восторженные слова Давыдовых в ее адрес («только одна в мире Софья Григорьевна, только одна», «можно ли быть добрее, внимательнее, как она»²⁸) соответствовали действительности.

Забегая вперед, скажу, что старик Чернышев после обрушившихся на него несчастий утратил прежнюю веселость, впал в мистицизм, спать ложился в собственный гроб. Он скончался в 1831 г. Его жена, мать А. Г. Муравьевой, прожила всего лишь год после отъезда дочери в Сибирь²⁹. Все сестры — при всей их экстравагантности — вполне благополучно вышли замуж. Они до конца дней свято хранили память о сестре Александрине и ее муже Никите Муравьеве, не вернувшихся из Сибири³⁰.

²⁶ А. Е. Розен. Записки декабриста, стр. 164.

²⁷ С. Г. Чернышева в 1827 г. вышла замуж за И. Г. Кругликова, которому, по решению Комитета министров, были переданы майорат Чернышевых, графский титул и фамилия.

²⁸ См. письма В. Л. и А. И. Давыдовых ОР ГБЛ, ф. 88 (Давыдовых), п. 1, ед. хр. 5, 48, 57 и др.

²⁹ П. А. Вяземский писал жене 20 февраля 1828 г. из Москвы: «У Чернышевых торжество дочерней любви, доведенной до высшей степени! Как заботливо ухаживали они несколько лет за больной матерью, так же ухаживали и за умершею: сами ее вымыли, одели, положили в гроб, пока он стоял в доме, читали день и ночь псалтырь над нею, ласкали, целовали ее с нежностью, любовью, как живую. Выше, чище, глубже чувства быть не может. Старик очень слаб. Вообще этот дом в эти дни казался святынею несчастья. Старуха Самарина, которая потеряла в дочери настоящую мать, старуха Вадковская, полуумершая, полуживая (сестра Г. И. Чернышева, мать декабриста. — Э. П.), Катерина Федоровна Муравьева: союз смерти, болезней, бедствий и Сибири, которая предстояла тут невидимо, все это составило зрелище раздирающее. В ту самую минуту, как гроб выезжал от церкви, прошла мимо толпа колодников в оковах» (Центральный государственный архив литературы и искусства — ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 3267, л. 201—202).

³⁰ Интересные сведения о сестрах Чернышевых содержатся в воспоминаниях А. Бибиковой («Исторический вестник», 1916, № 11).

Захар Чернышев, отбыв сибирскую каторгу, был отправлен рядовым на Кавказ. Сестры в 1834 г. добиваются для него двухмесячного отпуска. «Это мало после такой долгой и горестной разлуки, но это в то же время много, потому что мы не надеялись его вообще увидеть некоторое время назад», — сообщают они Никите Муравьеву³¹. Добиваются с большим трудом, осаждая Орлова, Бенкендорфа, Чернышева, «но все эти господа недоступны, особенно сейчас, во время праздников»³², когда каждый требует чего-нибудь для себя, не имея возможности понять настоящие страдания сердца, которое требует другого, чем орденских лент или чинов»³³. В том же 1834 г. З. Г. Чернышев женился. Дожил он до шестидесяти шести лет, хотя и не отличался бодростью и веселостью, а иногда впадал в состояние депрессии.

Была у А. Г. Муравьевой и еще одна опора и поддержка в лице матери мужа Е. Ф. Муравьевой.

Екатерина Федоровна Муравьева родилась в 1771 г. в семье крупного дельца екатерининской эпохи Ф. М. Колокольцова, получившего баронский титул. Двадцати трех лет вышла замуж за капитана гвардейского Генерального штаба Михаила Муравьева, наградив его миллионным состоянием³⁴. До сей поры в Государственном историческом музее в Москве хранятся нежные письма с поцелуями «тысячу и тысячу раз», аккуратно сложенные и надписанные старческой рукой: «Письмы моего Друга, ко мне с дежурства»³⁵.

Михаил Никитич Муравьев, из старинного дворянского рода, один из образованнейших людей своего времени, стал известным писателем и деятелем культуры, попечителем Московского университета и товарищем министра народного просвещения. Его имя было окружено пиететом в семье и в обществе. «Их большой дом на Караванной улице, — вспоминает А. Бибикова, — был всегда открыт для друзей и родственников, которые, по тогдашнему обычаю, приезжали из провинции иногда целыми семьями, подолгу жили у гостеприимной и бесконечно

³¹ ОПИ ГИМ, ф. 297, ед. хр. 9, л. 11. Письмо от 26 мая 1834 г.

³² Письмо написано во время новогодних праздников.

³³ ОПИ ГИМ, ф. 297, ед. хр. 9, л. 32. Письмо от 3 января 1834 г.

³⁴ Об имущественном положении Муравьевых см.: Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933.

³⁵ ОПИ ГИМ, ф. 282, ед. хр. 287.

доброй Екатерины Федоровны. По воскресеньям у них бывали семейные обеды, и случалось, что за стол садился человек семьдесят! Тут были и военные генералы, и сенаторы, и безусая молодежь, блестящие кавалергарды и скромные провинциалы — все это были родственники, близкие и дальние»³⁶.

Достаточно сказать, что родственниками Муравьевым приходились такие люди, как Михаил Лунин, поэт Батюшков, Иван Матвеевич Муравьев-Апостол, дипломат и литератор, отец трех будущих декабристов — Сергея, Матвея и Ипполита...

Воспитанием двух сыновей занимался сам отец, он же руководил их образованием. После смерти М. Н. Муравьева (1807 г.) все заботы легли на плечи молодой вдовы (тридцать шесть лет), которая оставила светскую жизнь и все силы отдала сыновьям: Никите (одиннадцать лет) и Александру (пять лет). Хотя по-прежнему ее дом посещали, у нее гостили подолгу Карамзин, Жуковский, Пушкин...

Вряд ли Екатерина Федоровна отличалась большой образованностью. Во всяком случае, судя по ее письмам, она была не в ладах и с русской и с французской грамматикой. Зато имела доброе сердце и неиссякаемый запас материнской любви.

Легко представить себе состояние матери, два сына которой оказываются в Петропавловской крепости. К тому же оба обвиняются в тайных злоумышлениях против обожаемого ею монарха. Но у нее достаточно сил, чтобы не выказать своего смутения, и даже больше того — поддерживать и успокоить впавшего в отчаяние старшего, Никиту.

«Мой дорогой Никита. Будь абсолютно спокоен на мой счет, невидимая сила поддерживает меня, и я чувствую себя хорошо,— пишет Екатерина Федоровна сыну в крепость 29 декабря 1825 г.— Все дни перед образом нашего спасителя с горячими слезами я молю его защитить тебя. Я знаю твою душу, она не может быть виновной. Тот, кто исполнял с таким усердием все свои обязанности, кто был примером сыновьего почитания, может иметь только чистое сердце. Какие-нибудь заблуждения живого воображения, порожденные желанием добра и злоупотреблениями, которые ты мог видеть, произвели слишком сильное

³⁶ А. Бибикова. Из семейной хроники, стр. 406—407.

впечатление на твою душу и единственное, о чем я тебя заклинаю, сознаваться ангелу государю, которого нам дало небо, говорить с ним с тем чистосердечием, которое я знаю в тебе и которое является достоянием такой благородной души, как твоя. Я тебя заклинаю твоей привязанностью ко мне и моей любовью к тебе сделать это. Это твой долг перед твоим государем и твоей родиной»³⁷.

Екатерина Федоровна крепко верит в бога, верит, что государя посылает на землю небо, верит, что служить родине или государю — понятия однозначные. И вместе с тем она верит в чистое сердце и благородство воспитанного ею сына, взбунтовавшегося против царя, и не боится заявлять об этом «всему свету». И до конца своих дней она, по существу, сама «бунтовала», делая все, что было в ее силах, для «государственных преступников».

Конечно, главная заслуга этой женщины в том, что она дала обществу двух настоящих людей, честных и высоко нравственных (за что оба и поплатились сибирской каторгой). Мать двух декабристов — этого уже вполне достаточно для того, чтобы остаться в истории.

Но безграничная материнская любовь не сделала Екатерину Федоровну слепой и глухой к чужим судьбам и горестям (как это часто случается в жизни). Везут осужденных на каторгу — она провожает не только сыновей, но и племянника Лунина, Матвея Муравьева-Апостола, Якушкина... Провожает, хотя власти запрещают это. Полина Анненкова не без основания писала, что братьев Муравьевых старались поскорее отправить на каторгу: слишком беспокойной и смелой была их мать³⁸.

Екатерина Федоровна на первой же станции снабдила сыновей и их товарищей большой суммой денег, на которые те сумели приобрести все необходимое для дальней дороги.

Когда жена Никиты отправилась в Сибирь, Екатерина Федоровна взяла на себя не только все расходы невестки, но и заботы по воспитанию трех малолетних внуков. Не считаясь со светскими приличиями, Муравьева могла отправить, например, чопорной великосветской барыне Анненковой записку такого содержания: «Сударыня, я получила письмо от моей невестки, в котором она пишет, что

³⁷ ЦГАОР, ф. 1153, оп. 1, ед. хр. 118, л. 2 (перев. с франц.).

³⁸ См.: Воспоминания Полины Анненковой. М., 1929, стр. 93.

сын Ваш во всем нуждается, и я думаю, что мой долг довести это до Вашего сведения»³⁹.

На помощь Муравьевой могли рассчитывать все уезжавшие в Сибирь. Мария Казимировна Юшневская по дороге на каторгу писала брату мужа 23 мая 1830 г.: «Я столько была счастлива в Москве, что никогда еще в моей жизни нигде меня столько не ласкали и не любили... Представь себе, что я без гроша приехала в Москву и нуждаясь во всем, и в такое короткое время и с такими выгодами проводили меня из Москвы в такой путь!

Я еду теперь в Сибирь, имея все, что только мне нужно. Дала Катерина Федоровна коляску, за которую заплатила 300 р. с[еребром] и которая сделана на заказ лучшим мастером в С.-Петербурге. Одним словом, она меня так проводила в дорогу, что, если бы я была ее дочь любимая, она не могла бы больше входить во все подробности и во все мои надобности»⁴⁰.

Снабжая всем необходимым своих детей, Екатерина Федоровна с готовностью принимала и выполняла все просьбы их товарищей: для доктора Вольфа, врачевавшего союзников, она шлет отличную аптечку и набор хирургических инструментов, для Николая Бестужева, увлекавшегося рисованием, — все необходимое для художественных занятий, а затем, когда он занялся изготовлением часов и хронометров, — «полный часовой механизм».

После 1826 г. дом Муравьевой в Москве стал своеобразным центром, куда стекалась вся информация о сибирских изгнанниках, корреспонденция оттуда, часто нелегальная. Там можно было узнать о путях и средствах сношения с заключенными, о том, как послать им деньги, посылки, письма, или просто получить утешение и помощь от доброй и сердечной женщины.

Е. Ф. Муравьева умерла 21 апреля 1848 г., пережив сына Никиту (умер в 1843 г.), его жену Александрину (умерла в 1832 г.) и не дождавшись возвращения младшего сына Александра. Внучка С. Н. Муравьевой-Бибиковой (Нонушки Муравьевой) писала (вероятно, со слов бабушки) о Екатерине Федоровне: «Она чуть с ума не сошла от горя и целые дни и ночи молилась. От долгого

³⁹ Воспоминания Полины Аннепковой, стр. 116.

⁴⁰ Письма декабриста Алексея Петровича Юшневского и его жены Марии Казимировны из Сибири. Киев, 1908, стр. 2—3.

стояния на коленях у нее на них образовались мозоли, так что она не могла ходить и совершенно ослепла от слез»⁴¹.

Подвижничество Е. Ф. Муравьевой было замечено уже ее современниками. М. П. Погодин, известный историк и публицист, писал в некрологе о Екатерине Федоровне Муравьевой как о замечательной женщине⁴², а Иван Киреевский, откликаясь на его заметку, сожалел лишь о том, что он мало сказал о ней⁴³.

...Как только стало известно об осуждении по делу 14 декабря, в Петербург на почтовых примчались сестра и тетка Анны Васильевны Розен. Ее брат, Иван Малиновский, был тут же, вместе с сестрой. Лицейский товарищ Пушкина и Пущина, женившийся позже на сестре Пущина, он не просто поддерживал стремление сестры отправиться за «государственным преступником» в Сибирь, но и помог ей добиться этого, регулярно высылал ей деньги. Иван Васильевич Малиновский отличался прогрессивными взглядами, в родовом имении в Харьковской губернии пытался проводить реформы в пользу крестьян, много сил отдавал борьбе с голодом, с эпидемиями холеры. Сестра Мария, ставшая женой другого лицейста — Владимира Дмитриевича Вальховского, замешанного в деле декабристов (Вальховский был членом Союза благоденствия), взяла на воспитание первого сына Розена. Она уговорила Анну Васильевну, тяжело заболевшую под впечатлением запрета брать на каторгу детей, оставить мальчика у нее и ехать в Сибирь одной, без сына. В семье Вальховских Евгений Розен прожил семь лет.

У Марии Волконской все было совсем не так, как у Муравьевой и Розен. Ей пришлось труднее, чем другим.

19-летней девушкой покорно, по воле отца, она выходит замуж за князя Волконского, уже немолодого (в год свадьбы, совпавший с восстанием декабристов, ему исполнилось тридцать семь лет), некрасивого, но весьма знатного и богатого. Участник пятидесяти восьми сражений, имевший множество орденов и медалей, он получил чин генерал-майора за боевые отличия в двадцать четыре года. Портрет Волконского был подготовлен для Военной гале-

⁴¹ А. Бибикова. Из семейной хроники, стр. 413.

⁴² См.: «Московские ведомости», 1848, № 51. Некролог.

⁴³ ОР ГБЛ, ф. 231 (Погодина), раздел II, п. 15, ед. хр. 39/2.

реи Зимнего дворца (после восстания, по распоряжению Николая I, его изъяли).

«Мои родители думали, что обеспечили мне блестящую, по мнению света, будущность», — писала Мария Николаевна в конце жизни⁴⁴.

Уже до свадьбы она сумела испытать силу своей красоты и своего обаяния: ею был увлечен Пушкин, к ней сватался польский граф и революционер Олизар. Оказавшись женой немолодого генерала, Мария Николаевна, по существу, не успела даже как следует узнать его до ареста в январе 1826 г., так же как почти совсем не знала до свадьбы: в первый год они прожили вместе не более трех месяцев. Тяжелые роды, двухмесячная горячка, вначале полная неизвестность, а потом сообщение об аресте мужа. Нелегкое испытание для 20-летней женщины! Даже через много лет она не решалась «описывать события этого времени: они еще слишком свежи в памяти и слишком огромно для меня их значение; это сделают другие, а приговор над этим порывом чистого и бескорыстного патриотизма произнесет потомство»⁴⁵.

Вся семья: отец, мать, братья, сестры — восстали против «безумства» Маши. Мешали, как могли, ее отъезду. Марию Николаевну изолируют не только от мужа, но и от жен других декабристов, на первое свидание с Сергеем она идет не одна, а в сопровождении родственника — будущего шефа жандармов Алексея Орлова. Генерал Раевский — «герой и добрый человек», по словам Пушкина, который в 1812 г., не колеблясь, бросился в огонь неприятеля, увлекая за собой двух сыновей, почти мальчиков, теперь не выдержал. «Я прокляну тебя, если ты не вернешься через год!» — прокричал он, сжав кулаки⁴⁶.

Семью Раевских, как и Чернышевых, 14 декабря не обошло стороной: два зятя (Сергей Волконский и Михаил Орлов, муж Екатерины Раевской), брат генерала Раевского — В. Л. Давыдов, дальние родственники — братья Поджио и Лихарев — оказались в числе важнейших государственных преступников. Больше того, оба сына генерала, Николай и Александр, значатся в «Алфавите декабристов», оба находились под арестом, хотя и бы-

⁴⁴ М. Н. Волконская. Записки, 1914, стр. 53.

⁴⁵ Там же, стр. 55.

⁴⁶ Там же, стр. 60.

ли выпущены вскоре с «оправдательными аттестатами». П. Е. Щеголев располагал материалами, свидетельствующими о том, что сам Раевский был осведомлен о тайном обществе и, выдавая замуж дочерей Марию и Екатерину, поставил перед будущими зятями условие — выйти из общества. Волконский отказался принять это условие, и все-таки свадьба состоялась.

Раевский знал, что в 1825 г. выбор был сделан им, а не дочерью, поэтому так и препятствовал ее поездке в Сибирь⁴⁷. В решении «жертвы невинной» он усматривал «влияние волконских баб, которые похвалами ее геройству уверили ее, что она героиня, и она поехала, как дурочка»⁴⁸.

Решение об отъезде в Сибирь Марии Волконской было, по существу, первым проявлением ее незаурядного характера. Она восстала не только против всех окружающих, но прежде всего против себя самой, своей дочерней покорности, женской инертности и послушания, привитых ей с детства.

Последний вечер с сыном, играющим большой красивой печатью царского письма, в котором матери разрешалось покинуть ребенка навсегда. Прощание с родными, друзьями. 27 декабря 1826 г. Мария Николаевна выезжает из Москвы. 11 февраля добирается до Благодатского рудника, где разжалованный князь Сергей Григорьевич Волконский добывает свинец. Шесть тысяч верст пути, в лютые морозы, под свист пурги. Однако, проделав их, Волконская должна уже оправдываться не только перед отцом, но и перед родными мужа: «...И вы обвиняете меня в том, что я не спешила. Теперь, зная, что весь путь от Москвы до Иркутска я сделала в три недели, только с двумя ночевками, и то невольными, и что приехала я за восемь дней до Александрины, а в Нерчинск — через несколько часов после Кати, вы должны быть спокойны.

Милая, дорогая сестра, когда же вы вполне поверите в мою привязанность к Сергею»⁴⁹.

⁴⁷ «Он знал, что она не по личной страсти, не по своей воле вышла замуж, но только из любви и послушания к отцу», — пишет А. Е. Розен (Записки декабриста, стр. 153).

⁴⁸ М. О. Гершензон. История молодой России. М. — Пг., 1923, стр. 70.

⁴⁹ Письма М. Н. Волконской из Сибири (1827—1831) к свекрови и невестке. — В кн.: Русские прописки, т. I. М., 1915, стр. 29.

Так, по-разному уезжали в Сибирь одиннадцать женщин — девять жен и две невесты. Но были ведь и такие, которые не захотели или не смогли приехать...

А. Е. Розен в «Записках декабриста» пишет, что в Сибири оказались восемь мужей, отторгнутых от жен и детей, и семь женихов с обручальными кольцами без надежды на сочетание браком с невестами⁵⁰. По разным причинам не приехали жены Бриггена, Лихарева, Артамона Муравьева, Иосифа Поджо, Тизенгаузена, Фаленберга, Штейнгеля, Якушкина.

Трагично сложилась жизнь Анастасии Васильевны Якушкиной (урожденной Шереметевой). 16-летней девочкой по страстной любви она вышла замуж за друга своей матери, Н. Н. Шереметевой, Ивана Дмитриевича Якушкина, который был старше невесты на четырнадцать лет. Через четыре года Якушкина приговорили к смертной казни, замененной 20-летней каторгой. Вначале его отправили в Финляндию, в Роченсальмскую крепость, затем в Сибирь. Н. Н. Шереметеву, с ее высокими связями, всякий раз предупреждали об отправлении очередной партии декабристов. Не зная, будет ли там Якушкин, Анастасия Васильевна в сопровождении матери, с двумя малолетними сыновьями трижды выезжала в Ярославль: через него проходила дорога в Сибирь. Только в третий раз ей повезло. 15 октября 1827 г. она последний раз виделась с мужем.

В Ярославле И. Д. Якушкин узнал, что брать в Сибирь детей запрещено. Полагая, что только мать, даже при всей ее молодости (Анастасии Васильевне шел двадцать первый год), может дать им должное воспитание, Иван Дмитриевич не разрешает жене сопровождать его на каторгу.

Мучительные переживания Якушкиной сохранились в ее дневниках, обнародованных потомками декабриста через сто с лишним лет⁵¹. Дневник Анастасии Васильевны (с 19 октября по 8 декабря 1827 г.) предназначался одному мужу, который получил его, вероятно, через Н. Д. Фонвизину. В письмах А. В. Якушкина не могла быть столь откровенна: их перечитывали не только совсем посторонние люди, но и мать, имевшая обыкновение

⁵⁰ А. Е. Розен. Записки декабриста, стр. 178.

⁵¹ См.: «Новый мир», 1964, № 12.

дописывать половину листка после дочери. Дневниковые записи за два месяца — это страстное объяснение в любви, написанное искренне и просто, это беспрерывные мольбы к мужу разрешить ей приехать к нему в Сибирь. «У меня к тебе все чувства любви, дружбы, уважения, энтузиазма, и я отдала бы все на свете, чтобы быть совершенной, для того, чтобы у тебя могло быть ко мне такое же исключительное чувство, какое я питаю к тебе. Ты можешь быть счастлив без меня; зная, что я нахожусь с нашими детьми, а я, даже находясь с ними, не могу быть счастливой», — пишет Анастасия Васильевна 19 октября 1827 г., через четыре дня после расставания с мужем.

Четыре года Якушкин упорствовал. Правнук декабриста, Н. В. Якушкин, автор послесловия к публикации дневников, затрудняется в объяснении причин этой суровой стойкости. Можно согласиться с ним в том, что решающую роль сыграло здесь нежелание Якушкина поместить сыновей во враждебную ему среду: А. В. Шереметев, брат Анастасии Васильевны, ее зять — М. Н. Муравьев, бывший декабрист, успешно приближавшийся к будущей карьере Муравьева-«вешателя». И все-таки, без сомнения, чувство Якушкина к жене было совсем неэквивалентно тому, что испытывала Анастасия Васильевна. На основании писем Якушкина создается впечатление, что мать жены ему духовно значительно ближе при всей разности их мировоззрений. Надежда Николаевна Шереметева (урожденная Тютчева, тетка поэта), действительно, была незаурядным человеком, умным и начитанным. Недаром ее считали «духовной матерью» позднего Гоголя, другом П. Я. Чаадаева. Впоследствии Н. Н. Шереметева сблизилась с кружком московских интеллигентов-славянофилов (Аксаковы, Самарины). При всей своей глубокой религиозности и даже склонности к мистицизму, Н. Н. Шереметева обладала известной широтой взглядов, считая своего зятя-атеиста «самым лучшим христианином».

Анастасия Васильевна также отличалась (кроме красоты) умом и образованностью. Может быть, значительная разница в возрасте, а может быть, и прежняя роковая любовь к Щербатовой лежала между нею и мужем?

Итак, через четыре года Якушкин разрешил жене оставить детей. Но было уже поздно: Николай I категорически отказал Анастасии Васильевне, то ли из-за лич-

ной неприязни к Якушкину, обвинявшемуся в намерении убить царя, то ли из-за интриг Муравьевых... Царская резолюция 1832 г.: «Отклонить под благовидным предлогом» — явилась следствием доклада III отделения: «По собранным частным сведениям оказалось, что Якушкина не искренно желает ехать в Сибирь, а принуждает ее к тому ее мать, женщина странная. Она выдала ее замуж за Якушкина; на эту поездку заставила занять 20 т[ыс.] руб. своего сына Шереметева, который и без того много должен. Если можно воспрепятствовать этой поездке, то оказана будет милость всему семейству»⁵².

Возможно, кому-то милость и была оказана, но только не Анастасии Васильевне, вся жизнь и счастье которой заключались в муже, в соединении с ним. Она прожила еще четырнадцать лет после 1832 г., умерла 40-летней, за одиннадцать лет до смерти И. Д. Якушкина, с которым уж ей не суждено было свидеться.

В одном декабрист оказался прав: Анастасия Васильевна хорошо воспитала сыновей, она привила им не только любовь к отцу, но и уважение к его взглядам.

Дети же по достоинству оценили мать. Вот как написал о ней младший сын Евгений, родившийся через месяц после восстания декабристов: «Она мне всегда казалась совершенством, и я без глубокого умиления и горячей любви не могу и теперь вспоминать об ней. Может быть, моя любовь, мое благоговение перед ней преувеличивают ее достоинства, но я не встречал женщины лучше ее. Она была совершенная красавица, замечательно умна и превосходно образованна... Я не встречал женщины, которая была бы добрее ее. Она готова была отдать все, что у нее было, чтобы помочь нуждающемуся... Все люди были для нее равны, все были ближние. И действительно, она одинаково обращалась со всеми, был ли это богат, знатный человек или нищий, ко всем она относилась одинаково...

В то время произвола ее глубоко возмущало всякое насилие, она высказывалась горячо и прямо, с кем бы ей ни приходилось говорить... Прислуга и простой народ любили ее чуть не до обожания...»⁵³

⁵² П. Е. Щеголев. Николай I и декабристы. Пг., 1919, стр. 37.

⁵³ Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951, стр. 482—483.

Иван Дмитриевич Якушкин, узнав о смерти жены, в память о ней открыл первую в Сибири школу для девочек.

Судьба Варвары Михайловны Шаховской чем-то напоминает судьбу Якушкиной. Более десяти лет она считалась невестой П. А. Муханова. Еще за несколько лет до восстания декабристов им не был разрешен брак по церковным правилам (сестра Муханова вышла замуж за брата Шаховской). После лишения Муханова гражданских прав оба надеялись на возможность соединения. И пока эта надежда теплилась, Варвара Шаховская жила в Сибири, в доме мужа своей сестры А. Н. Муравьева.

Вся нелегальная переписка декабристов, как известно, шла через Иркутск, и именно Варвара Михайловна стала главной пособницей в этих нелегальных связях. В 1832 г. провокатор Медокс, проникнув в дом Муравьева и разыгрывая роль влюбленного в В. Шаховскую, пытался скомпрометировать ее: он придумал новый заговор декабристов, центральную роль в котором отводил в Сибири — В. М. Шаховской, а в Москве — Е. Ф. Муравьевой...

Заговора, разумеется, не было, но тайные сношения велись весьма интенсивно. И. Д. Якушкин, например, рассказывает о передаче Шаховской ящика с табаком: «В этом ящике было двойное дно, и при таком устройстве он заключал в себе, тайно, много писем, которые княжна Шаховская должна была доставить по назначению с удобным случаем»⁵⁴.

В конце концов генерал-губернатор Лавинский перехватил два письма В. М. Шаховской и ее сестры П. М. Муравьевой. И в то время как Муханов ожидал «решительного известия от своей неоцененной невесты», шеф жандармов из Петербурга слал строгое внушение А. Н. Муравьеву: «Милостивый государь Александр Николаевич, получив от г. генерал-губернатора Восточной Сибири письма супруги и невестки Вашей, писанные к государственному преступнику Муханову и отправленные ими тайным образом в ящике с семенами, имевшем двойное дно, я не излишним считаю препроводить оные при сем в подлиннике к Вам. Обстоятельство сие должно служить Вам убеждением, сколь необходимо Вам иметь бдительное наблюдение и в самом доме Вашем. Письма сии,

⁵⁴ Там же, стр. 121.

конечно, не заключают в себе ничего преступного, но случай сей ведет к заключению о расположении и возможности вести скрытно от правительства переписку с государственными преступниками; и когда уже таковая переписка проистекает из среды семейства и из самого дома начальника губернии, то какую же уверенность можно иметь, что подобные секретные переписки не ведутся и другими государственными преступниками, в управляемой Вами губернии поселенными?»⁵⁵

Вероятно, это событие окончательно решило судьбу влюбленных. В. М. Шаховскую заставили каяться Бенкендорфу в том, что она, «забыв всякие соображения, позволила себе увлечься...» «Но кто на свете, ощутив близость счастья, нашел бы в себе еще силы отказаться от возможности его получить, быв несчастной, как я, в течение всей своей жизни...»⁵⁶

Брак был окончательно запрещен в 1833 г. Через три года Шаховская умерла.

Обрученных на родине В. Кюхельбекера, А. Вегелина, К. Игельстрома и Н. Крюкова ждала участь Муханова, хотя Мария Николаевна Волконская пыталась что-то сделать. В марте 1828 г. из Читинского острога она послала письмо Крамковской (сестре осужденного Рукевича)⁵⁷: «Покорившись своей участи, господа Вегелин и Игельстром не теряют надежды соединиться когда-нибудь с теми, кто им дороже жизни. Ваши сестры не могли ли бы достигнуть позволения у его величества приехать сюда к своим женихам? Среди нас были недавно уже примеры этому...»⁵⁸

Письмо подобного содержания Волконская отправила и невесте Крюкова (Штейбен). Однако письма эти были возвращены автору с соответствующим внушением III отделения: «III отделение собственной его императорского величества канцелярии, по приказанию г. генерал-адъютанта Бенкендорфа, имеет честь возвратить при сем Марье Николаевне два письма ее, адресованные гг. Штейбен и Крамковской, и уведомить ее, что ей не следовало

⁵⁵ С. Штрайх. Кающийся декабрист. — «Красная повесть», 1925, № 10, стр. 159.

⁵⁶ С. Я. Штрайх. Роман Медокс. Похождения русского авантюриста XIX века. М., 1929, стр. 66—67.

⁵⁷ М. Н. Волконская. Записки, 1914, стр. 210. Приложения.

⁵⁸ Волконская имела в виду П. Гебль-Аппенкову.

бы завлекать новых жертв в несчастье и бедствие. 24 июля 1828 г.»⁵⁹.

Жены Якушкина, Артамона Муравьева, Бриггена, как и невеста Муханова, хотели, но не смогли соединиться с любимыми. А были и такие женщины, что воспользовались разрешением Николая и порвали с мужьями.

Владимир Лихарев и Иосиф Поджио были женаты на двух сестрах — дочерях сенатора Бороздина. Генерал-лейтенант Бороздин проявил крайнюю предприимчивость и изобретательность после ареста родственников. По его проiskам одного нелюбимого зятя — Поджио, приговоренного к восьми годам каторги, не отправили в Сибирь вместе с другими осужденными, а заключили в Шлиссельбургскую крепость. Только через два с лишним года Поджио разрешили переписку с родными, без указания при этом места его нахождения. Через восемь лет, в 1834 г., его отправили на поселение в Восточную Сибирь. Но к этому времени Мария Андреевна Бороздина перестала интересоваться судьбой бывшего мужа: она уже стала женой другого — князя А. И. Гагарина.

Аналогичная история произошла и с Екатериной Андреевной Бороздиной. Первые несколько лет она делала попытки как-то помочь мужу. Но уже весной 1833 г. Лихарев «получил печальное известие, что жена его вышла замуж... Это обстоятельство сокрушило Лихарева так, что при блестящих способностях, при большом запасе серьезных познаний, он не мог или не хотел употребить их с пользой»⁶⁰. Когда в 1840 г. он погиб на Кавказе в битве с горцами под Валериком, среди его вещей нашли «портрет красивой женщины превосходной работы» — Е. А. Шостак, бывшей Бороздиной, затем Лихаревой...

Подполковник П. И. Фаленберг женился за несколько месяцев до восстания на Сенатской площади. Его женой стала Евдокия Васильевна Раевская, дальняя родственница генерала Раевского. Жена сразу же тяжело заболела. Любящий и нежный супруг был полностью занят ее болезнью. Арест в январе 1826 г. в Тульчине, где Фаленберг служил во 2-й армии, явился для него полной неожиданностью. Не желая волновать жену, прикованную к постели, Фаленберг уверяет ее, что едет в Бессарабию по

⁵⁹ М. Н. Волконская. Записки, 1914, стр. 212. Приложения.

⁶⁰ А. Е. Розен. Записки декабриста, стр. 200.

делам службы, а не в Петербург в Следственный комитет. А в Петербурге, в отчаянии от состояния жены, надеясь поскорее вернуться к ней, дает ложные показания: заявляет вопреки истине, что знал о «замыслах на цареубийство», и тем самым обрекает себя на каторгу. К тому же не только себя, но и А. П. Барятинского, принявшего его в Южное общество декабристов.

Однако подлость не принесла желанных результатов. В Читинском остроге Фаленберг узнал, что жена его, благополучно выздоровев, вышла замуж за другого...

Через пятнадцать лет после первой свадьбы Фаленберг женился вторично, в Сибири, на дочери казачьего урядника А. Соколовой, которая родила ему сына и дочь.

Якушкин, немало переживший молодую жену, так и не повидался с нею. Артамон Муравьев не дожил до возвращения на родину. Другие разлученные: Бригген, Тизенгаузен и Штейнгель — встретились с женами и детьми уже старцами, после 30-летней разлуки. При этом Штейнгель оставил в Сибири внебрачных сына и дочь, которым была «пожалована» фамилия Бароновы. Бригген после амнистии увез с собой сына, а двух дочек оставил в Туринском монастыре⁶¹.

Итак, поехали в Сибирь за осужденными не все женщины. Не у всех хватило любви, твердости духа или возможностей. Тем большего уважения заслуживают преданные, самоотверженные и мужественные.

⁶¹ См.: В. П. Соколов. Декабристы в Сибири. Новосибирск, 1946

Глава III

«ДАМСКАЯ УЛИЦА»

И не стыдно ли было бы нам падать духом, когда слабые женщины возвысились до прекрасного идеала героизма и самоотвержения? Поистине, когда я думаю об этом, я проникаюсь чистым и умиротворяющим душу восторгом. Это освежает мой дух и примиряет с человеческим родом, подчас таким надменным и низким.

А. А. Бестужев

В Центральном государственном архиве Октябрьской революции в Москве, в фонде Муравьевых, среди различных деловых бумаг, писем, справок, планов хранится уникальная вещь, которая могла бы стать великолепным музейным экспонатом: большой белый платок и на нем старательно и красиво переписанные черной тушью документы, связанные с отъездом А. Г. Муравьевой в Сибирь¹.

Скорее всего эту работу выполнила дочь Муравьевых Софья Никитична Бибикова (в Сибири все звали ее Нонушкой), свято хранившая декабристские реликвии. Но о ней речь впереди.

Первый столбец содержит уведомление от 14 декабря 1826 г. помощника Бенкендорфа А. Потапова о «высочайшем разрешении» Муравьевой ехать в Сибирь и условия, на которых это разрешено. В средней колонке письмо иркутского губернатора Цейдлера, врученное А. Г. Муравьевой в Иркутске 3 февраля 1827 г. Как известно, Цейдлер имел специальную инструкцию, согласно которой должен был всеми возможными средствами удерживать женщин от продолжения поездки. Рядом с письмом подписка Муравьевой в Чите «февраля 23-го дня 1827-го года» «в исполнение всего вышеизложенного в точности»: «Я, нижеподписавшаяся, имея непреклонное желание разделить участь мужа моего государственного преступника Никиты Муравьева, Верховным уголовным судом осужденного, и жить в том заводском, рудничном или другом

¹ ЦГАОР, ф. 1153, оп. 1, ед. хр. 124.

каком селении, где он содержаться будет, если то дозволится от коменданта Нерчинских рудников господина генерал-майора и кавалера Лепарского, обязуюсь по моей чистой совести наблюдать нижеподписанные предложенные мне им, г. комендантом, статьи; в противном случае и за малейшее отступление от поставленных на то правил, подвергаю я себя суждению по законам».

На третьей полосе новая подписка Муравьевой 24 сентября 1830 г. в Петровском заводе сверх обязательств, данных ею в феврале 1827 г.: «Имея желание жить в арестантской казарме вместе с мужем моим...»

Последний документ на платке — циркуляр Бенкендорфа от 6 декабря 1830 г. о «великодушии монарха» и разрешении прорубить окна в Петровской тюрьме.

Это, собственно, краткая схема первых каторжных лет жизни декабристов.

Поступавшие партии осужденных революционеров в начале распределяли по разным заводам Восточной Сибири. Так, Трубецкой, Волконский, Давыдов и пять их товарищей оказались в Благодатском руднике, в 9 верстах от Нерчинского завода и, главное, в стороне от дороги.

Благодатский рудник в те годы представлял собой деревню из одной улицы, расположенную на голом месте: лес на 50 верст кругом был вырублен, дабы в нем не могли укрываться сбежавшие каторжники. Тюрьма, тесная и грязная, состояла из двух комнат, соединенных сенями: в одной размещались беглые уголовники, пойманные и водворенные на место, в другой — разжалованные дворяне, декабристы.

Когда Е. И. Трубецкая в сентябре 1826 г. добралась до Иркутска, ее муж находился еще в пределах Иркутской губернии. Цейдлер все-таки не допустил к нему жену на том основании, что «при теперешнем распределении по заводам они могут иметь сообщение посторонними путями и даже получать и посылать своих доверенных людей и находить способы к доставлению писем и делать тому подобные самовольные поступки, которых и за строжайшим надзором предупредить не предстоит возможности»².

Нужно отдать должное проницательности иркутского губернатора. Действительно, Екатерина Ивановна, нахо-

² Б. Кубалов. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925, стр. 23—24.

дья в Иркутске, уже вступила в «недозволенную переписку» через сектанта-духобора, установила связь с известным сибирским купцом Е. А. Кузнецовым, который в дальнейшем стал одним из наиболее надежных посредников в нелегальных сношениях декабристов; передала письма возвращавшемуся в Петербург К. Воше.

Сестра Сергея Волконского отпустила на волю крепостного Григория Павлова, который приехал в Иркутск и успел передать барину вещи без ведома властей. «Человек сей,—сделал предположение генерал-губернатор Лавинский, после того как все раскрылось,—может быть, для того, собственно, в Иркутск отправлен, дабы получать и пересылать через него какие-либо сведения и т. п., следовательно, в предупреждении сей неуместности, я полагал бы выслать его обратно»³.

При всем этом, однако, сибирская администрация не могла не допустить женщин к мужьям, коль скоро существовало на этот счет царское распоряжение.

Трубецкая приехала первой. Увидев сквозь щель тюремного забора мужа, бывшего князя, в кандалах, в коротком оборванном тулупчике, подпоясанном веревкой, она упала в обморок.

«Екатерина Ивановна Трубецкая,—вспоминал Андрей Розен,—была не красива лицом, не стройна, среднего росту, но когда заговорит,—так что твоя краса и глаза—просто обворожит спокойным приятным голосом и плавною, умною и доброю речью, так все слушал бы ее. Голос и речь были отпечатком доброго сердца и очень образованного ума от разборчивого чтения, от путешествий и пребывания в чужих краях, от сближения со знаменитостями дипломатии»⁴.

Мария Волконская приезжает второй. Сергей, гремя кандалами, бежит к жене. «Вид его кандалов,—вспомнала через много лет Мария Николаевна,—так взволновал и растрогал меня, что я бросилась перед ним на колени и поцеловала сначала его кандалы, а потом и его самого»⁵. Такой поступок, очень соответствовавший приподнятому настроению, с которым юная Волконская ехала в Сибирь, свидетельствует о глубоком уважении ее к че-

³ Там же, стр. 22.

⁴ А. Е. Розен. Записки декабриста. Спб., 1907, стр. 152—153.

⁵ М. Н. Волконская. Записки, 1914, стр. 73.

ловеку, пострадавшему за «порыв чистого и бескорыстного патриотизма»⁶.

Назавтра состоялось «сошествие во ад»: узнав, где работают заключенные, Мария Николаевна уговорила стражника и с горящим факелом в руках спустилась в подземелье, в темный лабиринт.

...Хотя спертый воздух давит грудь, она идет быстро. И вдруг слышит приказ остановиться. «Я поняла, что это был офицер, который хотел удержать меня от разговора с узниками. Я погасила факел и бросилась бежать, так как видела вдали светящиеся точки. Это были наши узники, работающие на небольшом возвышении; они спустили мне лестницу, я влезла по ней, затем ее втащили обратно, и таким образом я увидела товарищей мужа, передала им известия из России, привезенные письма»⁷.

Легко представить себе впечатление, произведенное таким эффектным и действительно мужественным поступком!

Император Николай отнял у «невинных» все имущественные и наследственные права, разрешил тратить нищенские суммы; к тому же в своих расходах женщины ежемесячно отчитывались перед начальником рудников.

Начальник, грубый и жестокий Бурнашев, говорил откровенно:

— Черт побери, какие глупые инструкции дают нашему брату: содержать преступников строго и беречь их здоровье! Без этого смешного прибавления я бы выполнил как должно инструкцию и в полгода вывел бы их всех в расход⁸.

Ничтожная сумма держит Волконскую и Трубецкую на грани нищеты. Живут княгини в крестьянской избе со слюдяными окнами и дымящейся печью. Обед готовят и отправляют в тюрьму, чтобы поддержать узников. От ужинов отказываются. Часто ограничиваются супом и кашей. К тому же «бунтуют» девушки-горничные: сходятся с казаками, отказываются помогать своим барыням; в результате начальство отправляет их на родину.

Аристократка Трубецкая, привыкшая к изысканной кухне, иногда вынуждена была «сидеть на черном хлебе с квасом». Эта избалованная княгиня в Благодатском руд-

⁶ М. Н. Волконская. Записки, 1914, стр. 55.

⁷ Там же, стр. 75.

⁸ См.: Жены декабристов. М., 1906, стр. 33.

нике ходила в истрепанных башмаках и отморозила себе ноги, так как из теплых башмаков сшила шапочку товарищу мужа.

«Его (Трубецкого.— Э. П.) жена воистину очаровательна,— писал Якушкин о Екатерине Ивановне Матвей Муравьев-Апостол,— и соединяет с значительным умом и развитием неисчерпаемый запас доброты...»⁹ Доброта! Как это нужно было и Сергею Трубецкому, и многим его товарищам, особенно из нуждавшихся, которым в дальнейшем богатые Трубецкие помогали, чем могли; и тем «нищим и калекам», всегда заполнявшим дом Трубецких, когда этот дом появился...

В 1936 г. в Париже были обнаружены шестьдесят три письма Екатерины Ивановны Трубецкой к сестре Зинаиде (жене графа Лебцельтерна) за 1829—1854 гг. из Читы, Петровского завода и Иркутска. Среди писем сохранился и портрет Екатерины Ивановны, выполненный Николаем Бестужевым¹⁰. На портрете «в простом платье, с большим вышитым белым воротником, княгиня изображена сидящей, облокотившись на деревянный столик. Она причесана по тогдашней моде: широкая коса уложена корзинкой вокруг высокой черепаховой гребенки, спереди, с обеих сторон спускаются длинные, завитые локоны. Хорошо удалось портретисту-любителю ее широкое, простонародное лицо. Ни слезы, ни переживаемое горе не изменили его милого выражения. Знакомый толстый нос Козицких¹¹ не портит впечатления: все искупают «те же синие лучистые глаза, искрящиеся умом, сияющие добром и божьей правдой»¹².

...Мария Волконская помогает многим и хочет помочь буквально всем. Для ободранных полуголых уголовников Благодатского рудника покупает холст и заказывает из него рубахи. Бурнашев, всегда внимательно читавший отчет о расходах женщины, на этот раз рассердился не на шутку.

⁹ Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951, стр. 245—246.

¹⁰ О работе Н. А. Бестужева над портретной галереей декабристов и их жён в Сибири см. исследование И. С. Зильберштейна «Николай Бестужев и его живописное наследие» (Литературное наследство, т. 60, кн. II, М., 1956).

¹¹ Девица фамилия матери Е. И. Трубецкой.

¹² Цит. по кн.: И. С. Зильберштейн. Николай Бестужев и его живописное наследие, стр. 312—313.

— Вы не имеете права раздавать рубашки; вы можете облегчать бедность, раздавая по 5-ти или 10-ти копейки нищим, но не одевать людей, о которых заботится государство.

— В таком случае, милостивый государь,— отрезала Волконская,— прикажите сами их одеть, так как я не привыкла видеть полуголых людей разгуливающими по улице¹³.

Конечно, страдания физические, испытываемые женщинами, не приученными к труду и к тому, чтобы обслуживать даже самих себя, были ничто в сравнении с моральными. «Станным показалось бы,— пишет А. Е. Розен,— если бы я вздумал подробно описать, как они сами стирали белье, мыли полы, питались хлебом и квасом, когда страдания их были гораздо важнее и другого рода, когда видели мужей своих за работою в подземелье, под властью грубого и дерзкого начальства»¹⁴.

При каторжном житье никто не мог предвидеть что-нибудь наперед. Однажды Волконская и Трубецкая замечают Бурнашева со свитой. Выбегают на улицу и встречают своих мужей под конвоем. По деревне разносится слух: «Секретных судить будут!» Оказалось, что заключенные объявили голодовку, когда надсмотрщик тюрьмы запретил им общаться между собой и отобрал свечи. Но власти уступают. Конфликт на этот раз разрешается.

Или вдруг среди ночи выстрелы поднимают на ноги всю деревню: пытаются бежать уголовники-каторжники. Пойманных бьют плетью, чтоб узнать, где взяли денег на побег. А деньги-то дала Волконская. Но никто и под пытками не выдает ее...

Здоровье заключенных также не может не волновать женщин. По рапортам лекаря Благодатского рудника, «Трубецкой страдает болью горла и кровохарканьем. Волконский слаб грудью. Давыдов слаб грудью, и у него открываются раны»¹⁵.

На Благодатской каторге Трубецкая и Волконская прожили семь месяцев, когда в сентябре 1827 г., опасаясь «общего бунта всей Восточной Сибири», правительство соединило декабристов-каторжан в одном месте, в Читинском остроге.

¹³ См.: М. Н. Волконская. Записки, 1914, стр. 77.

¹⁴ А. Е. Розен. Записки декабриста, стр. 153.

¹⁵ М. Н. Волконская. Записки, 1914, стр. 179. Приложения.

Власти в Петербурге плохо знали географию и полагали, что рудники есть по всей Сибири (ведь декабристов приговорили к каторжным работам в рудниках). Но Чита представляла собой тогда бедную деревушку, и в ее окрестностях рудников не было. Поэтому узники чистили казенные хлева и конюшни, мели улицы, иногда выполняли земляные работы, трудились на мельнице, что, разумеется, было легче, чем работать на Благодатском или каком-нибудь другом руднике.

В Читу декабристов начали доставлять с января 1827 г. Через год там уже насчитывалось более семидесяти осужденных революционеров. И вместе с ними — восемь женщин. Первой здесь обосновалась Александра Григорьевна Муравьева, в ее доме поначалу остановились благодатские жительницы Волконская и Трубецкая; еще в мае 1827 г. приехали в Читу жены Нарышкина и Ентальцева, в марте 1828 г. к ним присоединились Н. Д. Фонвизина, А. И. Давыдова и П. Е. Анненкова-Гебль.

Теснота в остроге, кандалный звон (кандалы снимали только в бане и в церкви) раздражали и без того измученных людей. Но вместе с тем совместная жизнь имела много плюсов. «Каземат нас соединил вместе, дал нам опору друг в друге и, наконец, через наших ангелов-спасителей, дам, соединил нас с тем миром, от которого навсегда мы были оторваны политической смертью, соединил нас с родными, дал нам охоту жить, чтобы не убивать любящих нас и любимых нами, наконец, дал нам материальные средства к существованию и доставил моральную пищу для духовной нашей жизни». Так писал Михаил Бестужев¹⁶.

Заключенные в Читинском остроге жили артелью, все вещи и книги были общие. Средний годовой пай составлял 500 рублей. Малоимущие платили, сколько могли. Женатые вели самостоятельное хозяйство, но делали при этом крупные взносы в артель: Трубецкой, Волконский, Никита Муравьев — от двух до трех тысяч в год, Фонвизин, Нарышкин — до тысячи.

Женщины жили вблизи тюрьмы в простых деревенских избах, сами готовили еду, ходили за водой, рубили дрова, топили печь. Тут, правда, не всегда все проходило гладко. Полина Анненкова вспоминает: «...Дамы наши

¹⁶ Воспоминания Бестужевых. М.—Л., 1951, стр. 146.

часто приходили посмотреть, как я готовлю обед, и просили научить их то сварить суп, то состряпать пирог». Когда надо было чистить курицу, «со слезами сознавались, что завидуют моему умению все сделать, и горько жаловались на самих себя за то, что не умели ни за что взяться, но в этом была не их вина, конечно. Воспитанием они не были приготовлены к такой жизни... а меня с ранних лет приучила ко всему нужда»¹⁷.

Крепостной Муравьевой, Андрей Леляков, «мастерством кухмистер, находившийся при Муравьевой девять месяцев и стряпавший для нее кушанья, по убедительной ее просьбе учил ее своему ремеслу, в коем она довольно успела»¹⁸.

Все женщины по прибытии в Сибирь давали подписку об отказе от семейной жизни. Свидания с мужьями разрешались по часу два раза в неделю в присутствии офицера. Поэтому женщины часами сидят на большом камне против тюрьмы, чтобы иногда перекинуться словом с узниками.

Солдаты грубо прогоняют их, а однажды ударяют Трубецкую. Женщины немедленно отправляют жалобу в Петербург. А Трубецкая с тех пор демонстративно устраивает перед тюрьмой настоящие приемы: усаживается на стул и поочередно беседует с арестантами, собравшимися внутри тюремного двора. Беседа имеет одно неудобство: приходится довольно громко кричать, чтобы услышать друг друга.

Но зато сколько радости доставляло это заключенным! Александр Одоевский по поводу женских визитов сочинил восторженные стихи:

Вдруг ангелы с лазури низлетели,
Явились, как дочери земли,
И узникам с улыбкой утешенья
Любовь и мир душевный принесли.

Но каторга оставалась каторгой. Однажды, находясь в камере мужа, Александра Григорьевна Муравьева подверглась оскорблению со стороны пьяного офицера. На ее крик сбежались все заключенные, в числе которых был и ее брат, схватили взбешенного офицера. Тот отдал ко-

¹⁷ Воспоминания Полины Анненковой. М., 1929, стр. 152—153.

¹⁸ С. Шрайх. Из быта декабристов в Сибири. — В сб.: «Русское прошлое», № 1. Л., 1923, стр. 126.

манду часовым подти ему на помощь. С трудом удалось погасить конфликт и сдержать солдат от «подавления бунта»; за бунт же могли и казнить (вспомним судьбу декабриста Сухинова¹⁹).

Кстати, в течение года Александра Григорьевна жила в Чите рядом с братом Захаром, однако имела с ним единственное свидание, прощальное — перед выходом Чернышева на поселение.

В Чите женщины образуют небольшую колонию. Волконская пишет матери 26 сентября 1827 г.: «Со всеми дамами мы как бы составляем одну семью. Они приняли меня с распростертыми объятиями, так как несчастье сближает»²⁰.

Ей вторит Анненкова: «Все было общее — печали и радости, все разделялось, во всем друг другу сочувствовали. Всех связывала тесная дружба, а дружба помогала переносить неприятности и заставляла забывать многое»²¹.

Они быстро сдружились, разменялись прозвищами — свидетельством близости, доверия и непринужденных отношений: Нарышкина — Лизхен, Трубецкая — Каташа, Фонвизина — Визинка, Муравьева — Мурашка...

...Невеста, точнее, гражданская жена Ивана Анненкова приехала в Сибирь еще под именем мадемуазель Поль Гебль: «монаршей милостью» ей разрешено было соединить свою жизнь с «государственным преступником». В воспоминаниях, написанных после возвращения из Сибири, Анненкова, которую стали называть Полиной (или Прасковьей) Егоровной, очень живо, с колоритными подробностями, описывает, с каким трудом удалось ей добиться этого разрешения.

Весьма скоропалительный и вполне тривиальный по началу роман блестящего кавалергарда и молодой очаровательной француженки-модистки в необычных условиях перерос в любовь, ставшую не только темой разговоров в великосветских салонах того времени, но и сюжетом для романа (А. Дюма «Учитель фехтования», в котором мало правды и много фантазии) и оперы (первая редакция

¹⁹ И. И. Сухонов, отбывавший каторгу в Зерентуйском руднике, был приговорен к смерти за попытку поднять каторжан на восстание. Накануне казни повесился.

²⁰ Летопись Государственного литературного музея, кн. III. М., 1938, стр. 90.

²¹ Воспоминания Полины Анненковой, стр. 154.

«Декабристов» Ю. А. Шапорина называлась «Полина Гебль»)²².

Она родилась во Франции в июне 1800 г. в старинной дворянской семье, которую революция лишила и социальных и материальных привилегий. Семнадцати лет начинает работать в Париже в торговом доме Моно, двадцати трех — приезжает покорять Москву. Трудности подавляют только слабых людей, у сильных же, напротив, вызывают прилив энергии. Так случилось и с Полиной Гебль, которая всегда была не только жизнелюбива, но и умела бороться за «место под солнцем».

В это время поручику Ивану Александровичу Анненкову исполняется двадцать один год. Он строен, красив и силен, как Геркулес (с легкостью поднимает до трех пудов), отличный пловец и наездник, а главное, он знатен и богат.

Они познакомились за пять месяцев до восстания на Сенатской площади, когда Анненков уже был членом Северного общества декабристов. В апреле 1826 г. в Петропавловской крепости заключенный узнал о рождении дочери Александры.

Разгром восстания, арест произвели на Анненкова гнетущее впечатление и даже поставили на грань самоубийства. Полина Гебль, как всегда в трудную минуту, действовала настойчиво, смело и решительно. Не удастся устроить побег из крепости — она отправляется вслед за царем в Вязьму, на маневры, где Николай более доступен, и здесь правдами и неправдами вручает ему свое прошение. Положение мадемуазель Поль особенно щекотливо не только потому, что она — иностранная подданная: их отношения с Анненковым не узаконены. Но она «припадает к стопам» монарха, испрашивая, «как милости, разрешения разделить ссылку ее гражданского супруга»: «Я всецело жертвую собой человеку, без которого я не могу долее жить. Это самое пламенное мое желание».

Слова эти были правдой. Молодая женщина отказалась от своей родины, независимой жизни и всю себя отдала любимому мужу, семье. Именно в этом она увидела смысл своего существования. Она внесла в безрадостные будни мужа много света, веселья и добра.

Венчание состоялось в Чите, в апреле 1828 г. «Это

²² См.: Литературное наследство, т. 60, кн. II, стр. 304.

была любопытная и, может быть, единственная свадьба в мире, — вспоминал Н. В. Басаргин. — На время венчания с Анненкова спяли железа и сейчас по окончании обряда опять надели и увели обратно в тюрьму»²³.

Полина Егоровна, живая, подвижная, привычная к труду, хлопотала по хозяйству с утра до вечера, собственноручно готовила, не доверяя кухаркам, завела огород, что значительно улучшило питание заключенных. И все это — не теряя врожденного изящества и веселья. У нее был приятный голос, Анненкова любила попеть — даже русские романсы, хотя очень плохо знала по-русски. Она буквально разрывалась, расточая ласки и заботы всем окружающим.

Полина Егоровна рожала восемнадцать раз, из них благополучно только семь. Дети (к 1856 г. осталось в живых шестеро), муж с характером болезненно-нерешительным и деспотическим требовали внимания, времени и сил. К тому же Анненковы были стеснены и материально. Все это сказывалось на здоровье. На портрете, сделанном Н. Бестужевым в 40-е годы на поселении в Селенгинске, Анненкова выглядит немного грустной и усталой. С годами характер Ивана Александровича портился все больше, он становился безмерно раздражительным, нетерпимым, психически неуравновешенным, а Полина Егоровна, постаревшая, располневшая, все так же снисходительно относилась к недостаткам мужа, веселостью и мягкостью смирять его тяжелый нрав.

Елизавета Петровна Нарышкина, единственная дочь героя 1812 г. генерала Коновницына, сестра декабристов, в родном доме значила всё и все исполняли ее прихоти и желания. Держалась она несколько высокомерно и надменно, но при более близком знакомстве раскрывалась как добрый и благородный человек, беспредельно преданный мужу и его товарищам. О внешности Нарышкиной той поры можно судить по портрету Н. Бестужева, созданному в Петровском заводе в 1832 г., о котором Елизавета Петровна писала матери: «Мой слишком льстит, но, однако, я на нем похожа»²⁴.

Как и Анненкова, она всегда оставалась лучшим другом мужа: пять лет вместе с ним в Нерчинских рудни-

²³ Записки Н. В. Басаргина. Пг., 1917, стр. 122.

²⁴ Литературное наследство, т. 80, кн. II, стр. 190.

ках, пять лет на поселении в Кургане Тобольской губернии. Когда в 1837 г. М. М. Нарышкина по «высочайшему повелению» определили рядовым на Кавказ, Елизавета Петровна опять последовала за ним. Она пережила мужа на четыре года (похоронена в 1867 г. рядом с ним в Москве, в Донском монастыре).

Совсем другую жизнь прожила Александра Ивановна Давыдова. В отличие от бездетной Нарышкиной, у нее на родине осталась куча детей. Потому-то она и приехала позже других: надо было всех как-то пристроить. В Ленинграде, в Пушкинском доме, сохранилось письмо А. И. Давыдовой генералу Раевскому. «Вы меня и бедного брата Вашего не забыли, — пишет она, — извещали о детях наших, как отец и истинный брат... Муж мой много и часто горюет об детях наших, но надеется на бога и на Вас, так же как и я. Я уже посвятила всю себя бедному мужу моему, и сколько ни сожалею о разлуке с детьми моими, но утешаюсь тем, что выполняю святейшую обязанность мою»²⁵.

Первый «каторжный» ребенок, сын Вака (Василий), появился уже в Чите, в 1829 г. За Вакой последовали еще шестеро: Александра, Иван, Лев, Софья, Вера и Николай. Все требовали не только внимания и забот — к этому Александра Ивановна привыкла, но и денег. А денег в семье Давыдовых всегда не хватало. Да и здоровье не было богатырским. В сибирских письмах Давыдовых, хранящихся в Отделе рукописей Библиотеки имени В. И. Ленина, больше всего жалоб на слабое здоровье и безденежье. «Нашим горестям нет конца. День ото дня они прибавляются, и наше положение таково, что удерживаюсь вам описывать его, оно слишком поразит вас, — сообщает Александра Ивановна старшим дочерям из Петровского завода. — Отец ваш тоже крепится. Но один бог может поддержать нас!»²⁶.

Тяжело переживает она разлуку с детьми. Какая пытка для матери поздравлять дочь с именинами за шесть тысяч верст! Или получить портреты детей. «Как выросли, как милы, и нам с мужем их не видать!»²⁷ — жалуется Давыдова Н. Д. Фонвизиной.

²⁵ ИРЛИ, ф. 253 (Раевских), ед. хр. 14. Письмо от 22 апреля 1828 г.

²⁶ ОР ГБЛ, ф. 88, п. 1, ед. хр. 57. Письмо от 1 февраля 1838 г.

²⁷ ОР ГБЛ, ф. 319, п. 1, ед. хр. 83. Письмо от 27 июля 1835 г.

И вместе с тем мемуаристы единодушно отмечают «необыкновенную кротость нрава, всегда ровное расположение духа и смирение» Александры Ивановны²⁸. «Двенадцатилетние страдания всякого рода не истощили нашего терпения и покорности к воле всевышнего», — признается и сама Давыдова в письме к детям²⁹.

Несмотря на замечательные душевные качества, А. И. Давыдова не стала столь известна, как Волконская или Муравьева. Современники написали о ней совсем мало. Тем больший интерес и, может быть, ценность представляет отзыв о ней самого В. Л. Давыдова. «Без нее меня уже не было бы на свете, — писал Василий Львович из Петровского завода. — Ее безграничная любовь, ее беспримерная преданность, ее заботы обо мне, ее доброта, кротость, безропотность, с которою она несет свою полную лишений и трудов жизнь, дали мне силу все перетерпеть и не раз забывать ужас моего положения»³⁰.

Лучшим подтверждением слов Давыдова может быть акварельный портрет Николая Бестужева, запечатлевший скорбно-поэтический, благородный образ Александры Ивановны.

Декабрист Давыдов умер в октябре 1855 г. в Сибири, не дождавшись амнистии, которой смогла воспользоваться только его семья. Через тридцать лет в Каменку вернулась женщина, вступившая в свое второе пятидесятилетие, пережившая вместе с мужем Нерчинскую каторгу и многолетнюю ссылку. Да и Каменка стала другой. В 1861 г. сбылись мечты декабристов об отмене крепостного права. Реформа, как известно, не удовлетворила крестьян. В марте этого года Александра Ивановна сообщает сыну Василию о чтении манифеста в деревне и о неудовольствии крестьян реформой (в Каменку, вероятно, доходят отголоски волнений в соседних имениях): «Очень флегматически приняли. Многое не поняли. Только поняли, что еще два года должны работать помещику. Это им не понравилось, но покудова спокойно у нас»³¹.

В Каменке с Давыдовой познакомился П. И. Чайковский, сестра которого вышла замуж за сына декабриста.

²⁸ А. Е. Розен. Записки декабриста, стр. 158.

²⁹ ОР ГБЛ, ф. 88, п. 1, ед. хр. 56. Письмо не датировано.

³⁰ Из архива декабриста Василия Львовича Давыдова. Неизданные письма. — «Историк-марксист», 1926, № 1, стр. 179—180.

³¹ ОР ГБЛ, ф. 88, п. 1, ед. хр. 47. Письмо от 21 марта 1861 г.

В письмах к Н. Ф. фон Мекк Чайковский неоднократно с большим уважением и теплотой писал об Александре Ивановне: «Вся прелесть здешней жизни заключается в высоком нравственном достоинстве людей, живущих в Каменке, т. е. в семействе Давыдовых вообще. Глава этого семейства, старушка Александра Ивановна Давыдова, представляет одно из тех редких проявлений человеческого совершенства, которое с лихвою вознаграждает за многие разочарования, которые приходится испытывать в столкновениях с людьми. Между прочим, это единственная оставшаяся в живых из тех жен декабристов, которые последовали за мужьями в Сибирь. Она была и в Чите, и в Петровском заводе и всю остальную жизнь до 1856 года провела в различных местах Сибири. Все, что она перенесла и вытерпела там в первые годы своего пребывания в разных местах заключения вместе с мужем, поистине ужасно. Но зато она принесла с собой туда утешение и даже счастье для своего мужа. Теперь это уже слабеющая и близкая к концу старушка, доживающая последние дни среди семейства, которое глубоко чтит ее. Я питаю глубокую привязанность и уважение к этой почтенной личности»²².

А. И. Давыдова умерла в 1895 г., девяноста трех лет от роду.

Александра Васильевна Ентальцева еще в детстве лишилась родителей. После неудачного первого брака она стала женой артиллерийского подполковника Андрея Васильевича Ентальцева, командовавшего конноартиллерийской ротой, человека довольно угрюмого и сурового. Преданная мужу, Александра Васильевна последовала за ним в Сибирь. Здесь, в Читинском остроге, ей исполнилось тридцать восемь лет, но она сохранила красоту и веселость, которыми отличалась и в молодости. После нескольких месяцев Читинского острога Ентальцева попадает в дикий Березов, с суровым климатом, бесконечными ночами (Ентальцев, виновный «в знании об умысле на цареубийство, в принадлежности к тайному обществу с знанием цели и в знании о приготовлениях к мятежу», был осужден по седьмому разряду государственных преступников на год каторжных работ с последующим поселением в Сибири).

²² П. И. Чайковский. Переписка с Н. Ф. фон Мекк, т. 1. М.—Л., 1934, стр. 310.

С 1830 г. жизнь становится легче: Ентальцевых переводят в Ялutorовск. Вскоре, однако, перестают поступать деньги от родственников, надвигается нужда. К тому же Ентальцева до конца его жизни преследуют доносы, обвинения в противогосударственных замыслах, предосудительных беседах с местными жителями и даже в вооруженном заговоре. Поводом для последнего доноса послужило приобретение Ентальцевым старых екатерининских лафетов. «У Ентальцевых исковеркали в доме полы, пересмотрели помадные банки Александры Васильевны, отыскивая порох, которого, разумеется, не нашли»³³.

Бесконечные следствия, разбирательства, доносы, обыски, материальные невзгоды (Ентальцевым, кстати, неоднократно помогала М. Н. Волконская) подорвали здоровье Андрея Васильевича. Уже в конце 30-х годов у него появились симптомы душевной болезни, переросшей затем в тихое умопомешательство. Ентальцев умер в 1845 г., а Александра Васильевна прожила в Сибири еще десять лет, сильно нуждаясь. В данном случае царь крепко держал свое слово, и к женщинам был так же суров, как и к самим декабристам. Только после общей амнистии, уже при новом царе, Ентальцева вернулась в Москву, где умерла в 1858 г. в полном одиночестве, хотя имела дочь (та была воспитана во вражде к матери в семье первого мужа).

...На четвертом году заключения с узников сняли кандалы. Николай Бестужев сделал из них женщинам кольца, которые они с гордостью носили. М. К. Юшневская, не видевшая мужа в кандалах, через десять лет после этого обещает брату мужа переслать «железное кольцо, оправленное в золото. Оно будет сделано из желез, которые носили все наши страдальцы», а также «железный крестик, сделанный из выломанного кусочка железа у окошечной решетки из того номера и того каземата, в котором жил твой добрый брат и я с ним»³⁴.

После снятия кандалов комендат С. Р. Лепарский стал разрешать узникам выходить из тюрьмы под конвоем. Мужья начали каждый день навещать жен. Потом и другим заключенным разрешили ходить в дома к женам.

³³ Декабристы. Материалы для характеристики. М., 1907, стр. 125.

³⁴ Письма декабриста Алексея Петровича Юшневого и его жены Марии Казимировны из Сибири. Киев, 1908, стр. 122—123.

тым, но только по одному человеку в каждый дом и не иначе как по записке дамы, просившей коменданта под каким-нибудь предлогом позволить такому-то посетить ее³⁵.

Комендант Читинского, а затем Петровского острогов Станислав Романович Лепарский, как известно, сыграл положительную роль в жизни декабристов³⁶. Николай I ошибся, назначив этого добросовестного и честного служаку-генерала тюремщиком декабристов. Лепарский был «законник», но при этом «благородный, добрый, деликатный, умный». «Все, что от него зависело к облегчению нашему, часто и к удовольствию, — все было им допущено, все позволено», — писал Николай Бестужев³⁷.

Острог в Чите с трудом умещал всех узников. Поэтому уже в 1828 г. царь распорядился построить новую тюрьму для декабристов в Петровском заводе. И хотя к лету 1830 г. строительство не было закончено вполне, комендант Лепарский получил приказ перевести туда до осени всех заключенных. Переход из Читы в Петровский завод красочно описан в воспоминаниях многих декабристов.

Бездетные женщины — Нарышкина, Фонвизина, Волконская — в собственных экипажах следовали за партиями заключенных. Трубецкая, Муравьева, Давыдова и Анненкова с детьми приехали прямо на место. Во время перехода женское общество пополнилось еще двумя энтузиастками — Анной Васильевной Розен и Марией Казимировной Юшневской.

При вступлении декабристов в Петровский завод все женщины уже стояли у дома Александры Григорьевны Муравьевой, приветствуя узников. А через год, в сентябре 1831 г., декабристы отпраздновали еще одну свадьбу: к Василию Ивашеву приехала невеста Камилла Ле-Дантю. По этому случаю бывший князь и восторженный поэт Одоевский сочинил очередную торжественную оду «На приезд в Сибирь к жениху»...

³⁵ См.: Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951, стр. 119—120.

³⁶ О С. Р. Лепарском см.: В. Тимошук. Станислав Романович Лепарский, комендант Нерчинских рудников и Читинского острога. 1759—1838 гг. Биографический очерк. — «Русская старина», 1892, № 7.

³⁷ Н. А. Бестужев. Статьи и письма. М. — Л., 1933, стр. 260—261.

Об Ивашевой-Ле-Дантю написано немало³⁸. «Это было прелестное создание во всех отношениях», — вспоминала Мария Волконская³⁹. Они сдружились еще по письмам. В Петровском заводе Мария Николаевна помогала молодой француженке освоиться, в ее доме невеста жила до свадьбы. Один из родственников Ивашева так рекомендовал Камиллу будущему мужу, сохранившему о ней юношески смутные воспоминания: «Простота и любезность столько непринужденны, столько естественны, что нельзя не предугадать, нельзя не ручаться за счастье, которое тебе предназначается»⁴⁰. Акварельный портрет Н. Бестужева, запечатлевший Камиллу в год приезда в Петровский завод, вполне подтверждает такие лестные характеристики.

«Женитьба на ней, — продолжает Волконская, — была большим счастьем для Ивашева», который до этого находился в «совершенно отчаянном положении». Отчаяние довело декабриста до крайности — до безнадежной мысли о побеге. И в этот критический момент своей жизни В. П. Ивашев узнает не только о любви к нему молодой и прелестной девушки, когда-то жившей в доме его родителей вместе с матерью-гувернанткой, но и о готовности ее приехать к нему в Сибирь.

В роли свахи выступила любимая сестра Ивашева — Е. П. Языкова. Теперь, когда сын генерала, богатый помещик и кавалергард с будущим, превратился в «государственного преступника», лишенного и политических и имущественных прав, огромная разность социального положения не имела значения. Бедная гувернантка с полного благословения родителей могла стать женой отпрыска старинного и богатого дворянского рода. К тому же Камилла действительно оказалась обаятельной, скромной и благородной женщиной, прекрасной женой и матерью, достаточно хорошо образованной и не без талантов (она была очень музыкальна, как и В. П. Ивашев, прекрасно играла на фортепьяно и цела, особенно удавались ей дуэты с Марией Волконской).

Брак Ивашевых при всей его случайности оказался очень удачным. В годовщину свадьбы, 16 сентября 1832 г.,

³⁸ См.: О. К. Буланова. Роман декабриста. Декабрист В. П. Ивашев и его семья (из семейного архива). М., 1933.

³⁹ М. Н. Волконская. Записки, 1914, стр. 193.

⁴⁰ О. К. Буланова. Роман декабриста, стр. 193.

Камилла сообщала матери: «Год нашего союза, матушка, прошел, как один счастливый день»⁴¹.

Но, увы, счастье недолговечно: через восемь лет, тридцати одного года, Камилла Петровна умерла в результате преждевременных родов. Овдовевший Ивашев был в отчаянии: «Нет у меня больше моей подруги, бывшей утешением моих родителей в самые тяжелые времена, давшей мне восемь лет счастья, преданности, любви, и какой любви...»⁴² Смерть жены не только лишила Ивашева душевного покоя, но и убила физически: он скончался скоропостижно через год, в день ее смерти.

В Туринске, где Ивашевы жили на поселении с 1836 г., они оставили по себе самые добрые воспоминания помощью бедным, добросердечием, простотой, трудолюбием.

Заботы о трех малолетних детях (старшей дочери Марии в год смерти отца исполнилось пять лет) взяли на себя Басаргин и Пущин. Через полгода, в июле 1841 г., их увезла мать Камиллы Петровны, жившая в Туринске с 1838 г. В дальнейшем потомство декабриста, дети и внуки, оставят заметный след в русском освободительном движении.

Вернемся в Петровский завод, который в начале 30-х годов был такой дырой, что о его местонахождении не знали даже в III отделении. «Можешь себе представить,— писала дочери Лизе мать Василия Ивашева,— что я там ничего не могла узнать; наши несчастные дети так позабыты, что там не могли даже приблизительно указать эту местность»⁴³.

«Петровский завод был в яме, кругом горы, фабрика, где плавят железо,— совершенный ад. Тут ни днем ни ночью нет покоя, монотонный, постоянный стук молотка никогда не прекращается, кругом черная пыль от железа»⁴⁴. Так описывает место заключения декабристов Полина Аяненкова.

Теперь в Петровском заводе женщин было бы одиннадцать, но А. В. Ентальцева в апреле 1828 г. из Читы вслед за мужем отправилась на место ссылки в Березов.

Еще до отъезда в Петровский завод декабристки обра-

⁴¹ О. К. Буланова. Роман декабриста, стр. 209.

⁴² Там же, стр. 351—352.

⁴³ Там же, стр. 166.

⁴⁴ Воспоминания Полины Аяненковой, стр. 176.

тились к шефу жандармов с просьбой разрешить им жить в тюрьме, не разлучаясь с мужьями. Разрешение было получено, и 30 сентября 1830 г. Лепарский рапортовал Бенкендорфу: «Я дозволил всем девяти женам (Ентальцева была уже в Березове, невеста Ивашева еще не приехала.— Э. П.) государственных преступников, при команде моей живущим, по настоятельной просьбе первых проживать в казарме с своими мужьями».

28 сентября 1830 г. Е. И. Трубецкая сообщает матери, А. Г. Лаваль, в Петербург: «Эта жизнь от свидания до свидания, которую нам приходилось выносить столько времени, нам всем слишком дорого стоила, чтобы мы вновь решились подвергнуться ей: это было свыше наших сил. Поэтому все мы находимся в остроге вот уже четыре дня. Нам не разрешили взять с собой детей, но если бы даже позволили, то все равно это было бы невыполнимо из-за местных условий и строгих тюремных правил... Я живу в очень маленькой комнатке с одним окном, на высоте сажени от пола, выходит в коридор, освещенный также маленькими окнами. Темь в моей комнате такая, что мы в полдень не видим без свечей. В стенах много щелей, отовсюду дует ветер, и сырость так велика, что пронизывает до костей»⁴⁵.

Н. Д. Фонвизина пишет в тот же день: «Вы себе и представить не можете этой тюрьмы, этого мрака, этой сырости, этого холода, этих всех неудобств. То-то чудо божие будет, если все останутся здоровы и с здоровыми головами, потому что так темно, что заняться совершенно ничем нельзя»⁴⁶.

Опасения Фонвизиной насчет «здоровых голов» были не напрасны: из пятидесяти узников Петровского завода впоследствии двое (Я. Андреевич и А. Борисов) сошли с ума. Да и сама Наталья Дмитриевна страдала от нервных припадков, приступов непреодолимого страха.

И женщины тут же начинают борьбу с петербургской и сибирской администрацией за облегчение условий заключения. Н. В. Басаргин вспоминал позднее, как дамы, вступаясь за заключенных, в лицо называли коменданта Лепарского тюремщиком, добавляя, что ни один порядоч-

⁴⁵ С. Я. Штрайх. Декабристы на каторге и в ссылке (26 неизданных писем).— В сб.: Декабристы на каторге и в ссылке. М., 1925, стр. 41—42.

⁴⁶ Там же, стр. 44.

ный человек не согласился бы принять эту должность без того, чтобы не стремиться к облегчению участи узников. Когда генерал возражал, что его за это разжалуют в солдаты, те, не замедлив, отвечали: «Ну что ж, станьте солдатом, генерал, но будьте честным человеком».

Старые связи декабристок в столице, личное знакомство некоторых из них с царем удерживали иногда тюремщиков от произвола. Обаяние молодых образованных женщин, случалось, укрощало и администрацию, и уголовников. Волконская, Трубецкая, Муравьева, Нарышкина, Фонвизина засыпают письмами Петербург и Москву, рассчитывая на близость родственников ко двору: старик Чернышев, сын и зять которого в Сибири, не лишился царской милости; состоит при дворе мать и сестра Сергея Волконского; на балы к графине Лаваль по-прежнему съезжается «весь Петербург»; у Е. Ф. Муравьевой друзья в литературном и ученом мире, среди которых Василий Андреевич Жуковский, близкий к Николаю, жена министра финансов Канкрин — родственница Екатерины Федоровны и сестра декабриста Артамона Муравьева...

1 октября 1830 г. А. Г. Муравьева пишет отцу: «Итак, дорогой батюшка, все, что я предвидела, все, чего я опасалась, все-таки случилось, несмотря на все красивые фразы, которые нам говорили. Мы — в Петровском и в условиях в тысячу раз худших, нежели в Чите.

Во-первых, тюрьма выстроена на болоте, во-вторых, здание не успело просохнуть, в-третьих, хотя печь и топят два раза в день, но она не дает тепла; и это в сентябре. В-четвертых, здесь темно: искусственный свет необходим днем и ночью; за отсутствием окон нельзя проветривать комнаты.

Нам, слава богу, разрешено быть там вместе с нашими мужьями; но как я вам уже сообщала, без детей, так что я целый день бегаю из острога домой и из дому в острог, будучи на седьмом месяце беременности. У меня душа болит за ребенка, который остается дома один; с другой стороны, я страдаю за Никиту и ни за что на свете не соглашусь видеть его только три раза в неделю, хотя бы это даже ухудшило наше положение, что вряд ли возможно...

Если бы даже нам дали детей в тюрьму, все же не было бы возможности их там поместить: одна маленькая комнатка, сырая и темная и такая холодная, что мы все

мерзнем в теплых сапогах, в ватных капотах и в колпаках...

...Я сообщаю это тебе потому, что я не могу выносить, что тебя под старость этак обманывают...»⁴⁷

Вероятно, старика Чернышева неверно информировали, и Александра Григорьевна старается раскрыть ему глаза. Поэтому в конце письма она добавляет: «Извести меня, дорогой батюшка, получишь ли ты это письмо от 1 октября, чтобы я знала, разрешено ли мне сообщать вам правду».

Г. И. Чернышев этого письма не получил. Его задержал Бенкендорф со следующим указанием: «Сие письмо не выдавать, а женам написать, что напрасно они печалят своих родных, что мужья их посланы для наказания и что все сделано, что только человеколюбие и снисхождение могло придумать, для облегчения справедливо заслуженного наказания. Государь, получив от Лепарского рапорт, сам уже предписал, дабы были окошки для лучшего свету, что жены могут жить с мужьями хоть уже, а для детей нельзя построить помещение, ибо нельзя знать, сколько будет сих несчастных жертв необдуманной любви»⁴⁸.

В дальнейшем «сии несчастные жертвы необдуманной любви» будут неоднократно фигурировать в официальных документах, так же как будут повторяться мотивы о справедливости наказания и о милосердии государя. Именно таково письмо шефа жандармов коменданту Петровской тюрьмы от 27 ноября 1830 г.: «В письмах от жен государственных преступников после перевода из Читы в Петровский завод — к родным и даже посторонним лицам — содержатся, кажется, преувеличенные о дурном будто бы помещении их в сем остроге известия, кои должны крайне встревожить и опечалить несчастных родственников их и произвести неблагоприятное впечатление на посторонних лиц. Я счел долгом доложить о сем государю, который повелел просить вас, дабы внушили состоящим в ведомстве вашем женам государственных преступников, что им не следовало бы огорчать родителей своих и чужих родственников плачевным описанием участи, коей их мужья со своими соучастниками подвергнуты в наказание, ими заслуженное, коей нельзя переменить...

⁴⁷ Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина, стр. 248—249.

⁴⁸ Декабристы на каторге и в ссылке, стр. 47.

Жены должны помнить убедительные пламенные просьбы, с которыми обращались ко мне и другим особам о разрешении ехать под какими бы то ни было условиями, должны покориться смиренно своей судьбе безропотно и безропотно пользоваться дарованною им возможностью разделять и услаждать участь своих мужей»⁴⁹.

В наставлении генералу Лепарскому Бенкендорф снова говорит и об августейшем милосердии и снисхождении, и о «несчастных жертвах любви необдуманной». Ясно, что письма «жен государственных преступников» беспокоят не только родственников, своих и чужих, но и более широкий круг людей, в том числе и III отделение, и самого царя. Письма Муравьевой либо Трубецкой с красноречивым описанием их тюремного жилища или портрет заключенного Одоевского, «сидящего в своем номере в полумраке, как в пещере»⁵⁰, посланный в Петербург отцу — князю Одоевскому Анной Васильевной Розен, конечно же, довольно широко распространялись. Ведь рано или поздно все происходившее в Сибири становилось известным в Москве и Петербурге.

К тому же женщины и не думали униматься, невзирая на все увещевания и угрозы. И вскоре были вознаграждены за это. «Наши дамы подняли в письмах такую тревогу в Петербурге, — пишет Михаил Бестужев, — что, наконец, разрешено прорубить окна на улицу в каждом номере»⁵¹.

Правда, сделано это было лишь в мае 1831 г., т. е. больше чем через полгода после прибытия декабристов в Петровский завод. К тому же окна узкие, под самым потолком, с решеткой, как в конюшне. Но все-таки окна прорубили, и не по царскому милосердию, как утверждал шеф жандармов, а, вне сомнения, под давлением общественного мнения, неудовольствия среди достаточно широкого круга родственников, друзей и знакомых, информированных женами декабристов.

Приехав в Сибирь, женщины окружили узников лаской и заботой, взяли на себя все хозяйственные обязанности: закупали продукты, готовили еду, шили для всех узников, не только для своих мужей. «Довести до сведе-

⁴⁹ Декабристы на каторге и в ссылке, стр. 11—12.

⁵⁰ А. Е. Розен. Записки декабриста, стр. 172.

⁵¹ Воспоминания Бестужевых, стр. 155.

ния Александры Григорьевны о каком-нибудь нуждающемся, — вспоминает И. Д. Якушкин, — было всякий раз оказать ей услугу, и можно было оставаться уверенным, что нуждающийся будет ею успокоен»⁵². Ежедневно Муравьева посылала в каземат несколько блюд, забывая часто об обеде для себя и обожаемого Никиты. Однажды в присутствии Якушкина горничная доложила Александре Григорьевне, что из каземата приходили за салом, но та отказала, потому что сала оставалось очень мало. Муравьева тут же приказала отослать в каземат все, что у них было.

С. И. Кривцов меньше года провел в Читинском остроге, но запомнил его на всю жизнь. В июне 1828 г., вскоре после отъезда на поселение, он пишет сестре о Муравьевых, Александре Григорьевне и Никите Михайловиче: «Я не в состоянии, милая сестра, описать тебе все ласки, которыми они меня осыпали, как угадывали и предупреждали они мои малейшие желания... Александре Григорьевне напиши в Читку, что я назначен в Туруханск и что все льды Ледовитого океана никогда не охладят горячих чувств моей признательности, которую я никогда не перестану к ней питать»⁵³.

А вот слова А. Е. Розена о женщинах: «Они были нашими ангелами-хранителями и в самом месте заточения; для всех нуждающихся открыты были их кошельки, для больных просили они устроить больницу»⁵⁴.

Сергей Трубецкой в Петровском заводе говаривал часто: «На что нам окна, когда у нас четыре солища!», имея в виду, кроме своей жены, Нарышкину, Фонвизину и Розен, живших в одном с ним тюремном отделении»⁵⁵.

Женщины умели поддержать павших духом, успокоить возбужденных и расстроенных, утешить огорченных. Иван Пуцун пишет о Муравьевой: «Непринужденная веселость с доброй улыбкой на лице не покидала ее в самые тяжелые минуты первых годов нашего исключительного существования»⁵⁶.

⁵² Из переписки декабристов. — «Голос минувшего», 1915, № 4, стр. 187—188.

⁵³ М. Гершензон. Декабрист Кривцов и его братья. М., 1914, стр. 203.

⁵⁴ А. Е. Розен. Записки декабриста, стр. 151.

⁵⁵ Там же, стр. 170.

⁵⁶ «Голос минувшего», 1915, № 4, стр. 191.

Женщины не только утешали, они как бы цементировали, сплачивали узников. Женский фермент сыграл огромную роль в каторжной жизни декабристов.

Уже самый факт приезда женщин в Сибирь, моральной поддержки осужденных значил очень много. Об этом больше всех и лучше всех говорили и писали сами декабристы, при этом с такой восторженностью, характерной для их времени, которая в наши дни кажется даже чрезмерной. Вспомним Бестужевых, Розена, Якушкина, Одоевского...

«Слава страны, вас произрастившей! — восклицает с пафосом А. П. Беляев. — Вы стали, поистине, образцом самоотвержения, мужества, твердости, при всей вашей юности, нежности и слабости вашего пола. Да будут незабвенны имена ваши!»⁵⁷

Естественно, что сплачивающая роль женщин увеличилась с появлением семейных очагов, а затем и первых «каторжных» детей, которые считались воспитанниками всей колонии. С тех пор как женам разрешили жить в тюрьме, по вечерам собирались вместе. Сергей Волконский — хороший рассказчик. Его жена поет и играет на фортепьяно. Иногда читают вслух. «Явилась мода читать в их присутствии (т. е. в присутствии женщин. — Э. П.) при собрании близкого кружка, образовавшегося вокруг каждого женатого семейства, литературные произведения не слишком серьезного содержания, и то была самая цветущая пора стихотворений, повестей, рассказов и мемуаров»⁵⁸.

Женщины воодушевляли на это — немалая заслуга перед историей! Так, Николай Бестужев посвятил А. Г. Муравьевой рассказ «Шлиссельбургская крепость». По ее же настоянию он написал воспоминания о К. Ф. Рылееве. Поэтическая муза немало обязана Марии Волконской...

После того как женатые построили свои дома и стали жить в них вместе с женами, в Петровском заводе образовалась целая улица, названная Дамской и запечатленная на акварельном рисунке Николая Бестужева.

Духовная жизнь декабристов на каторге была весьма интенсивной. Сами декабристы вспоминали о «каторжной академии». Через много лет, 6 октября 1860 г., А. Бе-

⁵⁷ А. П. Беляев. Воспоминания. Спб., 1882, стр. 216.

⁵⁸ Воспоминания Бестужевых, стр. 158.

ляев писал Е. Оболенскому: «Ты справедливо сказал, что Чита и Петровский были поистине чудной школой нашей и основой нашего умственного и духовного воспитания. Какие вопросы там ни обсуждались, какие идеи там ни разрабатывались тогда еще без малейшей надежды на их осуществление»⁵⁹.

Между узниками существовала договоренность читать в «академии» все, написанное каждым из декабристов. И поскольку в сибирском изгнании оказались самые талантливые, образованные и благородные люди России той поры, легко себе представить характер и содержание их чтений и бесед.

А. И. Одоевский знакомил товарищей с историей русской литературы, Ф. Б. Вольф — с начатками физики, химии и анатомии. Никита Муравьев прочел лекции по военной истории, Николай Бестужев — по истории русского флота и т. д.

Конечно, к таким занятиям женщины не допускались. Да они и не были к этому подготовлены. В их присутствии читались работы «не слишком серьезного содержания». Но, вне сомнения, все идейные споры, не прекращавшиеся в среде революционеров, возвращение в мыслях к пережитому, оценки прошлого не могли пройти мимо женщин-соузниц.

В связи с этим вполне уместен вопрос об участии женщин в идейных спорах, о причастности их к идеологии декабризма. Академик М. В. Нечкина считает, что «жены вникали в причины ссылки мужей и в суждении о них становились на их сторону»⁶⁰.

Конечно, женщины, мало осведомленные о прошлой идейной жизни собственных мужей, на каторге значительно приблизились к ней. Разделяя наказание революционеров, отмечая каждый год вместе с ними «святой день 14 декабря», они становились их соучастниками. «Вообрази, как они мне близки, — пишет М. К. Юшневская из Петровского завода деверю, — живем в одной тюрьме, терпим одинаковую участь и тешим друг друга воспоминаниями о милых любезных родных наших»⁶¹.

⁵⁹ Цит. по кн.: И. С. Зильберштейн. Николай Бестужев и его живописное наследие, стр. 74.

⁶⁰ М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. II. М., 1955, стр. 438.

⁶¹ Письма декабриста Алексея Петровича Юшневского и его жены Марии Казимировны из Сибири, стр. 33.

Уже с самого начала публичной поддержкой осужденных декабристов, добровольным изгнанием женщины создавали общественное мнение, которое впоследствии укрепляли, открыто признавая высокое благородство революционеров, рассматривая их выступление как проявление бескорыстного служения отечеству.

Большая заслуга женщин и в том, что они, находясь в Сибири, связывали узников с внешним миром, с родными.

Власти изолировали самих декабристов и хотели всех заставить забыть имена осужденных, изжить их из памяти. Но вот приезжает Александра Григорьевна Муравьева и через тюремную решетку передает Пушкину стихи Пушкина. «Воспоминание поэта — товарища Лицея, — вспоминал Иван Пущин через двадцать семь лет после происшедшего, — точно озарило заточение, как он сам говорил, и мне отрадно было быть обязанным Александре Григорьевне за эту утешительную минуту»⁶². Стихотворные строки «Во глубине сибирских руд...» рассказали декабристам о том, что они не забыты, что их помнят, им сочувствуют.

Родные, друзья пишут узникам. Им же запрещено отвечать (право на переписку они получили только с выходом на поселение). В этом сказались все тот же расчет правительства на изоляцию декабристов. Этот замысел разрушили женщины.

Родители В. Ивашева до декабря 1827 г. практически не имели известий о сыне. «Неизгъяснимо горько, мой друг, — пишет Петр Никифорович Ивашев сыну 23 сентября 1827 г., — что никакой нет вести о тебе, беспреестанно просить господ начальствующих давать нам сведения — страшишься обеспокоить и навлечь на себя, может быть, негодование, — сами не вспоминают о страждущих...»⁶³.

Е. П. Нарышкина вернула стариков Ивашевых к жизни, прислав в декабре первое письмо из Читы. В дальнейшем за Василия Ивашева писали и Нарышкина, и Фонвизина, но особенно часто и особенно сердечно — Волконская. «О сударыня, — писала ей Лиза Языкова, — Вам и добрейшей госпоже Нарышкиной обязана я, что сохра-

⁶² «Голос минувшего», 1915, № 4, стр. 191.

⁶³ О. К. Буланова. Роман декабриста, стр. 69.

нила их (родителей.— Э. П.): без Ваших писем горе и беспокойство, наверно, сломили бы их...»⁶⁴.

Женщины пишут от своего имени, копируя иногда письма самих декабристов, получают для них кор. респонденцию и посылки, выписывают газеты и журналы, русские и иностранные. И эта деятельность принимала общественный характер, ибо информация о сибирских изгнанниках распространялась далеко за пределы родственного круга.

Каждой женщине приходилось писать десять, а то и двадцать писем в неделю. Особенно обширный круг корреспондентов был у Волконской и Трубецкой, лично знакомых со многими родственниками каторжан: их «норма» доходила и до тридцати писем «в почту».

Нагрузка эта была столь весомой, что иногда женщинам не оставалось времени писать собственным родителям и детям. «Не сетуйте на меня, добрые, бесценные мои Катя, Лиза, за краткость письма моего,— пишет Давыдова дочерям.— У меня столько хлопот теперь, и на этой почте столько писем мне писать, что я насилу выбрала время для этих нескольких строк»⁶⁵.

И какая это была переписка! Почта из Петербурга в Сибирь отправлялась раз в неделю. При этом письма проходили тройную цензуру: комендант (читал иногда до ста писем «в почту»!), канцелярия иркутского генерал-губернатора, III отделение. Полтора-два месяца пути. Российское бездорожье. Разливы рек или метели. Перепутанные адреса.

Неудивительно поэтому, что письма иногда путешествовали месяцами. Девять писем написала Мария Волконская скончавшейся свекрови, а сама в течение трех месяцев получала от родных поцелуй умершему в Чите ребенку. В день кончины Чернышевой-матери пришло письмо от Александрины, в котором она спрашивала: «Бедная маменька. Что делается теперь у вас?»

Часто письма пропадали. И не только на сибирских почтах, но и в столицах.

28 ноября 1836 г. Екатерина Сергеевна Уварова сообщила брату Лунину из Петербурга в село Урик, где он уже был на поселении: «Твои письма № 8 от 27

⁶⁴ Там же, стр. 85.

⁶⁵ ОР ГВЛ, ф. 88, п. 1, ед. хр. 57, Письмо от 8 января 1838 г.

сентября и № 9 от 4 октября, вложенные в один пакет, были потеряны жандармом. Но это несчастье отвел ин дворник (последнее слово во французском тексте Уварова написала именно так, по-русски!), который на другой день, то есть в воскресенье 15-го этого месяца, пришел рассказать мне о пакете, который он нашел, подметая улицу. К счастью для меня, этот славный человек умел читать»⁶⁶.

Но, несмотря на цензурные препоны, женщины не ограничивались сухой информацией родным об их близких, писали тепло и сердечно.

Уварова не устает воехизщаться «чудесными письмами» «сестры по изгнанию» Марии Волконской, которая обладает «великолепным искусством», позволяющим ее корреспондентке как бы увидеть своего брата⁶⁷. «И эта женщина, — восклицает Уварова в одном из писем брату, — действительно величественная, которая соблаговолила взять на себя нашу переписку, которая оставила высокое социальное положение, отца и мать и, больше того — своего ребенка и которая единственная, кажется, не ведает того, что она сделала, и никогда не упомянет о своих жертвах, которая написала мне в последний раз, что, чтобы преподать сыну урок мудрости, она отвела его в тюремный двор, — она создает самую трогательную из элегий, вызывающую слезы у каждого, кому я ее передаю...»⁶⁸ Копию письма М. Н. Волконской Екатерина Сергеевна посылает тетушке Е. Ф. Муравьевой, «зная, какое удовлетворение оно ей принесет»⁶⁹.

Согласно правилам, «жены преступников, живущие в остроге или вне его стен, не могут посылать писем иначе, как вручая их открытыми коменданту. Всякое письменное сообщение иным способом воспрещается».

Известно, однако, что и «преступники» и их жены находили много способов, чтобы нарушить эти правила.

Иван Пущин, едва прибыв в Сибирь, сообщил отцу и сестрам нелегально, через фельдъегеря Желдыбина: «Буду всячески стараться и законно и незаконно к вам писать — удавалось — авось удастся и оттуда — Лепарский

⁶⁶ ИРЛИ, ф. 368, оп. 1, № 22 (перев. с франц.).

⁶⁷ Там же. Письмо М. Н. Волконской от 26 июня 1837 г. (перев. с франц.).

⁶⁸ Там же, № 21. Письмо от 28 февраля 1836 г. (перев. с франц.).

⁶⁹ Там же, № 22 (перев. с франц.).

отличный человек». С той же оказией Пущин предупреждал сестру: «Будем между строками писать лимонным соком... Однако будь осторожна с лимоном, ибо Муханов мне сего дня сказал, что уже эта хитрость открыта...»⁷⁰.

«Открытой» на этот раз оказалась и пущинская оказия...

В ноябре 1827 г. на сибирском тракте в десяти верстах от города Мологи проезжие крестьяне подобрали оброненный мешок с вещами и письмами. Дознанием было установлено, что письма принадлежали «государственным преступникам» И. Пущину, П. Муханову и А. Поджио, вез же корреспонденцию (и обронил) фельдъегерь Желдыбин, сопровождавший в Сибирь эту партию декабристов и возвращавшийся оттуда. Из найденных писем обнаружилось еще одно должностное преступление Желдыбина; в Ярославле, по пути в Сибирь, он якобы разрешил свидания: Екатерине Уваровой — с Мухановым, а жене и теще Якушкина — с Пущиным.

В январе 1828 г. началось разбирательство «дела о поступке фельдъегеря Желдыбина», которого взяли под арест и держали в таковом состоянии в течение года. Допросы сняли с содержателей почтовых лошадей и их работников, а также с людей Уваровой — крепостного и вольнонаемного, находившихся при барыне в Ярославле в ожидании проезда Лунина. На беседу к ярославским жандармам была вызвана и Екатерина Сергеевна. Узнав об обвинении невинного человека (хотя это и был фельдъегерь, не отличавшийся гуманностью), Уварова посчитала своим долгом заступиться за него. «Генеральша Уварова, — отмечено в деле, — сведав, что фельдъегерь Желдыбин предан военному суду», обращается по инстанциям «с убедительнейшею, настоятельнейшею просьбою» о помиловании Желдыбина, «уверяя под клятвою, что он отнюдь невинен и что ей ужасна мысль быть виновницею его несчастья...»⁷¹

В данном случае Желдыбин, действительно, был «невинен»: свидание в Ярославле произошло не по умыслу его, а по недосмотру. Удивительно вообще, как этот

⁷⁰ Дело «О государственных преступниках. Об отправленной и удержанной переписке их» находится в ЦГАОР (1-я экспедиция III отделения, № 61, к 15-й части).

⁷¹ Там же, л. 118—118 об.

фельдъегерь, жестокий человек, по единодушным отзывам всех декабристов, согласился отвезти незаконную корреспонденцию преступников к родным. Тем более что в прошлом он отверг 3500 рублей, предложенных родственниками Муравьевых, Анненкова и Торсона за разрешение видаться по пути в Сибирь⁷². Начальству были известны эти заслуги Желдыбина, поэтому после года ареста и дознания его вернули на прежнюю службу.

Для нелегальной переписки декабристы и их жены использовали коробки с двойным дном, ящики для табака и т. п. В «секретных же случаях» недостатка не было. Вероятно, главными посредниками между каторжанами и их родственниками выступали сибирские купцы.

Когда уже в 1841 г. на поселении в селе Урик М. С. Лунин был вторично арестован и заперт в Акагуе, началось дознание, откуда к нему попали ружья, пистолеты и пороховые припасы (Лунин был страстный охотник), запрещенные инструкциями. По предположению Руперта, эти вещи мог доставить Лунину купец Николай Кузнецов, который ко времени ареста декабриста выехал из Восточной Сибири в неизвестном направлении⁷³.

Посредничество Кузнецова не вызывает сомнений. Правнучка Никиты Муравьева — А. Бибикова не раз видела его в Москве в доме Софьи Никитичны: «К бабушке Софье Никитишне еще приезжал иногда бывший сибирский купец-миллионер, потом разорившийся — Кузнецов. Он был одним из посредников по передаче денег Никите Михайловичу, и при этом единственным честным посредником. Бабушка встречала его радостно и с почтением, а он для этих посещений одевал парадные клетчатые брюки в обтяжку, огромный шелковый галстук бабочкой, крахмальные воротнички, подпиравшие подбородок, завивал кок на голове и был очень похож на Далматова в «Свадьбе Кречинского»⁷⁴.

В мае 1832 г. Бенкендорф обращал внимание сибирских властей на верхнеудинского купца Шевелева, по-

⁷² См.: В. Гонцова-Верникова. Из жизни декабристов на каторге и в ссылке в 1827 году.— В сб.: Декабристы на каторге и в ссылке, стр. 62.

⁷³ См.: С. В. Окунь. Декабрист М. С. Лунин. Л., 1962, стр. 258.

⁷⁴ А. Бибикова. Из семейной хроники.— «Исторический вестник», 1916, № 11, стр. 414.

лучившего из Петровского завода ящик с тайными письмами⁷⁵. Вероятно, его выдал провокатор Медокс.

Преданные люди находились и среди служащих и дворовых: горничные, повара, гувернантки курсировали в Сибирь и обратно до той поры, пока это не бросилось в глаза шефу жандармов. Заинтересовало Бенкендорфа и дело Христины Шель, которая в связи со смертью Александры Муравьевой везла вещи покойной в Москву, к ее свекрови. 20 декабря 1832 г. шеф распорядился, чтобы все нанимавшиеся на работу в Петровский завод жили там «по крайней мере три года», а по возвращении в Россию подвергались тщательному осмотру⁷⁶.

Даже вполне официальные лица — чиновники на государственной службе — способствовали нелегальным сношениям декабристов. Так, в 1835 г. возникло «подозрение на канцеляриста почтовой конторы Скопина в провозе будто бы им писем от государственных преступников»⁷⁷. Действительно, Скопин, бедный человек, часто ездил в Вятку, Москву, Санкт-Петербург, заворачивая перед этим в Петровский завод. 23 марта 1835 г. его обыскали в Вятке, нашли какие-то письма на имя Реброва, Елисеева, Юдина; подозреваемый отвечал сбивчиво, однако в непосредственных и предосудительных связях с петровскими жителями уличен не был.

Выше уже говорилось о Варваре Шаховской как о главной посреднице в нелегальных сношениях декабристов. Среди ее писем в Отделе рукописей Библиотеки имени В. И. Ленина сохранилось несколько, в которых есть слова, написанные особым составом между строчками: о свиданиях с декабристами, проезжавшими через Верхнеудинск (где тогда жила Шаховская), и т. п. Разумеется, об этом не мог не знать муж ее сестры — Александр Николаевич Муравьев. Раскаявшийся декабрист, попав в сибирскую ссылку без лишения чинов и званий, заваливал верноподданническими письмами царя и Бенкендорфа. «Чистосердечное раскаяние» дало быстрые результаты: уже в ноябре 1827 г. Муравьев был допущен к государственной службе. Однако при всем этом он не забывал бывших товарищей, стремился облегчить их

⁷⁵ Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 24, оп. 3, № 103, к. 5.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ ГАИО, ф. 24, оп. 3, № 219, к. 10.

участь, в доме Муравьева находили приют жены, направлявшиеся на каторгу к мужьям.

Известно, что многие родственники осужденных просили о свидании. «Ехать может, но с тем, чтобы не возвращаться в Россию», — ответил Николай I матери Василия Ивашева⁷⁸. Мать Камиллы Петровны именно так и поступила: в 1838 г. она перебралась к детям в Туринск, на поселение. В том же 1838 г. Ивашевых навестила сестра Василия Петровича — Е. П. Языкова, пробравшаяся в Сибирь тайно, с казанскими купцами⁷⁹. Позднее, когда строгости в отношении декабристов несколько поубавились, их навещали сестра Волконского, дочь М. К. Юшневской (вместе со всем своим семейством), сыновья Якушкина, дети Давыдовых и многие другие.

Родные и знакомые, столичные чиновники, направлявшиеся с ревизией в Сибирь, ехали нагруженные посылками и письмами. И Михаил Лунин имел все основания писать о том, что у сибирских изгнанников отняли «звание, имущество, здоровье, отечество, свободу, но не могли отнять у них любовь народную. Она обнаруживается благоговением, которым окружают их огорченные семейства; религиозным чувством, которое питают к женам, разделяющим заточение мужей своих; ревностью, с которой собирают письма, где обнаруживается животворящий дух изгнанников»⁸⁰.

Ссылка революционеров не привела к их изоляции, на что надеялось правительство, она будила общественное мнение, вызывала сочувствие и поддержку.

Долгие годы, проведенные вместе с мужьями в заточении, были для женщин трудной, но хорошей школой, не только обогатившей их житейским опытом, но и развившей в них чувство активного протеста.

⁷⁸ Г. М. Толстой. Поездка в Туринск к декабристу В. П. Ивашеву. — «Русская старина», 1890, № 11, стр. 331.

⁷⁹ Этому эпизоду посвящена указанная статья Г. М. Толстого.

⁸⁰ М. С. Лунин. Сочинения и письма, Ред. и примеч. С. Я. Штрайха, Пг., 1923, стр. 66.

«ОНИ БЛАГОСЛОВИЛИ НАС В НОВЫЙ ПУТЬ...»

Они бросили все: знатность, богатство, связи и родных, всем пожертвовали для высочайшего нравственного долга, самого свободного долга, какой только может быть. Ни в чем не повинные, они в долгие двадцать пять лет перенесли все, что перенесли их осужденные мужья...

Ф. М. Достоевский

1832 год был годом окончания каторжного срока для двадцати заключенных Петровского завода, осужденных по пятому разряду. Из женатых уезжал Андрей Розен с семьей.

«Государственного преступника» сопровождал «статейный список», составленный Лепарским. В графе «Приметы» записано следующее: «Ростом 2 аршина 9½ в[ершка]. Лицом бел, волосы на голове, бровях светло-русые, нос продолговатый, глаза голубые, талии стройной». В графе «Холост или женат»: «Женат на Анне Васильевой, дочери статского советника Малиновского, имеет детей — сыновей Евгения, дворянина, и Кондратия, рожденного в Сибири. Первый находится в России, а второй при матери»¹.

Прощались со слезами — от предстоящей разлуки и трогательной заботы товарищей. «Дамы наши крепко боялись за ее (А. В. Розен.— Э. П.) здоровье, за состояние, в коем она была с маленьким ребенком, в ожидании пометь скоро другого...»² Всех больше беспокоилась А. Г. Муравьева: прислала складной дорожный стул, предложила тысячу вещей, уговаривала при плавании через Байкал взять корову, дабы младенец в любое время мог иметь парное молоко... К. П. Торсон сделал для маленького Розепа морскую койку. Н. А. Бестужев — винты и пряжки, превратившие ее в надежную висячую люльку.

¹ А. И. Дмитриев-Мамонов. Декабристы в Западной Сибири. Спб., 1905, стр. 142.

² А. Е. Розен. Записки декабриста. Спб., 1907, стр. 178.

Сын Кондратий, названный в честь казненного Рылеева, родился в сентябре 1831 г. в Петровском заводе. Второй сын появился на свет по пути в Курган, в деревне Фирстово под Тобольском.

...Розен познакомился с Анной Васильевной в 1822 г. через сослуживца — И. В. Малиновского, ее брата. Она говорила и читала по-английски и по-французски всю лучшую иностранную литературу, а из русских писателей восхищалась Карамзиным и Жуковским. А. В. Малиновская-Розен выросла в высококультурной семье, среди книг, ученых разговоров и дискуссий. Ее отец был хорошо известен не только своей образованностью, но и передовыми взглядами, антикрепостническими настроениями.

В 1822 г. у Анны Васильевны уже не было ни отца, ни матери. Дети Василия Федоровича Малиновского остались на попечении родственников. Поженились Розены за восемь месяцев до восстания на Сенатской площади — в апреле 1825 г. «С невестой моей, — вспоминает Андрей Евгеньевич, — был я соединен не одним обручальным кольцом, но единодушием в наших желаниях и взглядах на жизнь»¹. Отметим значительное преувеличение в этой фразе: о главном, т. е. о принадлежности Розена к тайному обществу, его невеста не была осведомлена.

Анна Васильевна не отличалась красотой. Об этом можно судить по ее портрету, сделанному Николаем Бестужевым накануне отъезда Розенов из Петровского завода. Она привлекала к себе другим: самоотверженностью и твердостью характера, безграничной женской преданностью. Судя по ее сибирским письмам, опубликованным еще в 1915 г., Анна Васильевна отличалась завидной терпимостью, уравновешенностью, свидетельствующими о душевной стойкости этой женщины. Ее письма спокойны и благородны, без жалоб и стонов. В Сибири ее беспокоит только разлука с сыном-первенцем, неосуществимая мечта взять его к себе: «Вот в чем состоит все наше желание. Относительно каких-либо жизнеудобностей на поселении не должно и беспокоиться, ибо жить несколькими градусами севернее или южнее не есть большая разница для людей, не поставляющих своего блажен-

¹ А. Е. Розен. Записки декабриста, стр. 39.

ства в одних только чувственных наслаждениях», — пишет она брату в июле 1831 г.⁴

«Мы, слава богу, постоянно здоровы и довольны...», «здоровье мое совершенно, о здоровии Розена и говорить нечего, он всегда здоров и спокоен», «...а скажу просто, что я совершенно счастлива, как только можно того желать...»⁵

Трудно представить, что эти письма написаны в ка-торжном Петровском заводе.

В Кургане Розены прожили пять лет, занимаясь хозяйством, безвозмездным лечением нуждавшихся. В 1837 г. их посетил здесь Василий Андреевич Жуковский, сопровождавший в поездке по Сибири 19-летнего наследника престола, будущего Александра II. Хлопоты поэта заставили Николая I произнести знаменательную фразу: «Путь в Россию ведет через Кавказ». И Андрея Розена вместе с Нарышкиным, Назимовым, Лорером и Лихаревым отправляют под пули — рядовыми на Кавказ, сражаться против горцев.

Вместе с Розеном через всю страну с четырьмя детьми едет преданная ему Анна Васильевна. В Тифлисе, после многолетней разлуки, встречаются Розены со старшим сыном, воспитанным в доме В. Д. Вальховского. Генерал и начальник Главного штаба Кавказского отдельного корпуса, некогда однокашник и приятель Пушкина (как и Ваня Малиновский) по Лицею, потом замешанный в декабристских делах и попавший в «Алфавит декабристов», не побоялся оказать самый радушный прием опальному родственнику, хотя знал, что генерал Н. Н. Раевский (младший), командир Нижегородского драгунского полка, был посажен на гауптвахту за то, что пригласил к обеду разжалованного в рядовые Захара Чернышева.

В 1839 г. А. Е. Розен получил разрешение по болезни выйти в отставку и жить безвыездно, под надзором полиции на родине, близ Нарвы. В 1856 г. Андрей Евгеньевич и Анна Васильевна поселились в имении жены на Украине. Все мысли Розена были направлены на улучшение быта крестьян. В устроенной им школе он много

⁴ Переписка Анны Васильевны и Андрея Евгеньевича Розен с Иваном Васильевичем Малиновским. — «Голос минувшего», 1915, № 7, стр. 172.

⁵ Там же, стр. 175.

лет учил крестьянских детей. В связи с реформой 1861 г. Андрея Евгеньевича избрали мировым посредником Изюмского уезда Харьковской губернии, и исполнял он эту должность ревностно и безвозмездно (как и все, что делал) в течение шести лет. Декабрист, переживший сибирскую каторгу и ссылку, конечно же, стал знаменитостью в своих краях. О нем писали в газетах, его интервьюировали. В 1883 г. газета «Южный край», рассказывая о Розене, отметила: «Андрей Евгеньевич со своей женой представляет идеал супружеского счастья. Через два года ему предстоит праздновать «диамантовую свадьбу»⁶.

Дожить до «диамантовой свадьбы» им не пришлось: Анна Васильевна умерла 24 декабря 1883 г. восьмидесяти шести лет. Лишь на четыре месяца ее пережил муж...

После отъезда А. В. Розен в Петровском заводе осталось девять женщин: Анненкова, Волконская, Давыдова, Ивашева, Муравьева, Нарышкина, Трубецкая, Фонвизина, Юшневская. Через несколько месяцев — восемь: 22 ноября 1832 г. умерла Александра Григорьевна Муравьева.

Ее смерть потрясла всех своей нелепостью и трагичностью. Екатерина Уварова откликнулась из Петербурга: «У меня было много горя, дорогой брат! И однако вот первое, которое заставило меня усомниться в доброте божьей. Эта смерть разбила сразу столько сердец...»⁷

Не только потому, что Александре Григорьевне исполнилось всего лишь двадцать восемь лет. И не только потому, что она стала первой жертвой Петровского завода. Муравьева была всеобщей любимицей. Ни одна из декабристок не удостоилась таких восторженных похвал в воспоминаниях современников, как она. Даже женщины, весьма строгие к представительницам своего пола, и такие разные, как Мария Волконская и Полина Анненкова, здесь единодушны: «Святая женщина, которая умерла на своем посту»⁸.

Александрина Муравьева была олицетворением извечного женского идеала, редко достижимого в жизни: нежная и страстная возлюбленная, самоотверженная и пре-

⁶ А. Розен. В ссылку (записки декабриста). М., 1900, стр. 11.

⁷ ИРЛИ, ф. 368, оп. 1, № 18. Письмо от 13 января 1833 г. (перев. с франц.).

⁸ Труды Государственного исторического музея, вып. II. М., 1926, стр. 127.

данная жена, заботливая, любящая мать. «Она была воплощенная любовь» (И. Д. Якушкин)⁹. «В делах любви и дружбы она не знала невозможного» (И. И. Пущин)¹⁰.

Очень верно охарактеризовал академик Н. М. Дружинин ее жизнь как «непрерывное душевное горение, которое постепенно, но неуклонно подтачивало ее внутренние силы»¹¹. Воспитанная в патриархальных традициях, А. Г. Муравьева была исключительно сильно привязана к своей семье. Любовь к мужу перерастала в сосредоточенное обожание. Такой же силы чувства испытывала она к детям. И при подобном характере и сердце сколько тяжелых потрясений перенесла она с 1826 г.: внезапный арест мужа, а затем брата, расставание с родителями, сестрами, а главное — разлука с тремя детьми; через несколько месяцев после ее отъезда — смерть сына; в 1828 г. — смерть матери; через три года — отца; в Петровском заводе умирают двое младенцев; оставшиеся у бабушки девочки — больны, а Нонушка — слабая и болезненная — держит ее в постоянном напряжении.

При всей своей страстной привязанности к семье Муравьева никогда не замыкалась в ее рамках. «Отличительная черта в Александре Григорьевне была теплота сердца, разливавшаяся почти независимо от нее самой на всех ее окружающих»¹². Но когда все принимаешь слишком близко к сердцу — быстро стареешь. Неудивительно поэтому, что за полгода до смерти она писала Е. Ф. Муравьевой: «Я старею, милая маменька, Вы и не представляете себе, сколько у меня седых волос»¹³.

Никита Муравьев стал седым в тридцать шесть лет — в день смерти жены.

Гроб сколотил Николай Бестужев. На могиле, в которой покоятся Александра Григорьевна и двое ее детей, поставили памятник и часовню с неугасимой лампадой. Лампада эта светила даже через тридцать семь лет, когда жив был еще декабрист Горбачевский, не захотевший уехать из Петровского после амнистии. Однаж-

⁹ «Голос минувшего», 1915, № 4, стр. 189.

¹⁰ Там же, стр. 191.

¹¹ Н. М. Дружинин. Семейство Чернышевых и декабристское движение. — В сб.: Ярополец. М., 1930, стр. 21.

¹² «Голос минувшего», 1915, № 4, стр. 187.

¹³ И. С. Зильберштейн. Николай Бестужев и его живописное наследие. — Литературное наследство, т. 60, кн. II. М., 1956, стр. 292.

ды, это было в 1849 г., Горбачевский встретил на могиле Муравьевой молящегося человека, назвавшегося генералом Черкасовым. «Черкасов говорит ему, что счастлив, что имел возможность преклонить колена перед могилой, где покоится прах женщины, которой он давно в душе поклоняется, слыша о ней столько доброго по всему Забайкалью»¹⁴.

Через десять с лишним лет после смерти Александры Григорьевны, когда в 1843 г. умер ее муж, А. И. Давыдова писала детям: «Новое несчастье поразило нас, и так неожиданно! Вспомните, что была для нас незабвенная Александра Григорьевна, и вы поймете, что мы должны были почувствовать, узнав о кончине доброго Никиты Михайловича и о совершенном сиротстве бедной Нонушки... Я не могу вспомнить обо всем этом без слез, а мысль об Нонушке не покидает меня»¹⁵.

К сожалению, Н. А. Некрасов не сумел написать продолжение «Русских женщин». Сохранился лишь черновой план третьей части, посвященной А. Г. Муравьевой, где поэт собирался рассказать о жизни декабристок в Чите и Петровском заводе¹⁶.

Александра Григорьевна завещала похоронить ее на родине, рядом с могилой отца. В январе 1833 г. сестра А. Г. Муравьевой — С. Г. Чернышева-Кругликова обращается с просьбой об этом к Бенкендорфу, а Е. Ф. Муравьева — к А. Н. Голицыну. Одновременно с этим Екатерина Федоровна просит разрешения взять к себе осиротевшую после смерти матери внучку, а также переписываться с младшим сыном, срок каторги у которого закончился. На все три просьбы Муравьевой «его императорское величество изволил отозваться» отказом:

«1-е) Что перевезение тела невестки г-жи Муравьевой в Москву никак дозволено быть не может.

2-е) Что равномерно не может быть дозволено г-же Муравьевой взять к себе малолетнюю ее внучку Софью, родившуюся в Сибири, ибо несообразно было бы воспитание ее вместе с сестрами, у г-жи Муравьевой находящимися, которые принадлежат к дворянскому сословию, между тем как она рождена в податном состоянии».

¹⁴ «Голос минувшего», 1915, № 4, стр. 192.

¹⁵ ОР ГБЛ, ф. 88, п. 1, ед. хр. 5. Письмо от 13 мая 1843 г.

¹⁶ См.: К. И. Чуковский. Некрасов. Статьи и материалы. Л., 1926.

3-е) Что как второй сын г-жи Муравьевой, Александр, добровольно отказался от дарованной ему высочайшей милости быть обращенным на поселение и сам просил о дозволении оставаться с старшим братом своим в Петровском заводе, то неминуемо должен он подвергнуться и всем тем правилам, коим подлежат находящиеся в означенном Заводе государственные преступники, а потому и не может он иметь дозволение переписываться с родными своими»¹⁷.

На обратной стороне документа рукою С. Н. Муравьевой (Библиковой) сделана помета: «Свидетельство жестокости и сухости сердца покойного государя Николая Павловича. Прости ему, господи, и упокой его душу! И прости, как простили мы, пострадавшие»¹⁸.

После первого отказа Е. Ф. Муравьева упорствовала и вновь получила резолюцию царя: «Совершенно невозможно»; царь боялся перевезения тела декабристки из-за неминуемой огласки и «многих неблагоприятных толков».

Своей смертью А. Г. Муравьева купила облегчение условий заключения для оставшихся в живых. Через два месяца из Петербурга пришло разрешение женам ежедневно видаться с мужьями у себя дома, а не жить в казематах. Затем все мужчины ежедневно по несколько человек и в том же порядке, как в Чите, начали выходить из тюрьмы.

Примерно в то же время, в ноябре 1832 г., неожиданно был объявлен царский указ о «милости» осужденным в связи с рождением великого князя Михаила: 20-летний срок каторги сокращался до пятнадцати лет, 15-летний — до десяти, осужденные по четвертому разряду на восемь лет каторги тут же отправлялись на поселение. В числе последних восемнадцати человек из женатых были Фонвизин и Нарышкин.

Нарышкины в начале 1833 г. уехали в Курган, где уже жил Розен с семьей. Отъезд Фонвизинных задержался из-за болезни Михаила Александровича на год. Страже, сопровождавшей «преступников», выдавали особое наставление:

«— Ни на какое время не отлучаться от преступников и не оставлять их ночевать одних;

¹⁷ ЦГАОР, ф. 1153, оп. 1, ед. хр. 13.

¹⁸ Там же.

— без уважительных причин не останавливаться и не допускать преступников разговаривать с посторонними людьми или делать неприличные поступки, но следовать прямо в назначенное место»¹⁹.

...Отставной генерал-майор Фонвизин, член Северного общества декабристов, был осужден по четвертому разряду как виновный «в умысле на царевбийство согласием, в 1817 г. изъявленным, в участии в умысле бунта принятием в тайное общество членов». Местом поселения Фонвизинных был назначен Енисейск, затем Красноярск, с 1838 г. — Тобольск.

М. А. Фонвизин был старше жены почти на двадцать лет. И вместе с тем находился под ее сильным нравственным влиянием. Это становится понятным, когда узнаешь, насколько незаурядной личностью была Наталья Дмитриевна.

М. Д. Францева, дочь сибирского чиновника, сблизившаяся с Фонвизиной еще ребенком и сохранившая к ней любовь и привязанность до конца жизни, пишет: «Наталья Дмитриевна была замечательного ума, необычайно красноречива и в высокой степени духовного религиозного развития. В ней много было увлекательного, особенно когда она говорила... Память у нее была удивительная... Характера она была твердого, решительного, энергичного, но вместе с тем очень веселого, несмотря на то, что жила больше внутренней жизнью, мало обращая внимания на суждения или пересуды людские»²⁰.

Другие воспоминания, документы, переписка Фонвизиной подтверждают в основных чертах такую характеристику, весьма лестную для Натальи Дмитриевны.

С ранней юности Н. Д. Фонвизина отличалась необычайной склонностью к религиозному экстазу, пренебрежением к светским условиям и восторженной любовью к природе (такой, кстати, она осталась и в старости). Шестнадцати лет она пыталась бежать в монастырь, но неудачно, после этого вышла замуж, удивив всех своим выбором: двоюродный дядя, почти 40-летний генерал... Вероятно, в основе этого поступка уже лежало стремление к жертвенности: дядя поразил воображение юной пле-

¹⁹ А. И. Дмитриев-Мамонов. Декабристы в Западной Сибири, стр. 145—150.

²⁰ Воспоминания о декабристах М. Д. Францевой. — «Исторический вестник», 1917, кн. III, стр. 699.

мянницы своим благородством: он спас ее отца от неминуемого разорения.

Считается, что Н. Д. Фонвизина стала прообразом пушкинской Татьяны. По крайней мере сама Наталья Дмитриевна отождествляла себя с этим литературным персонажем. В письме И. И. Пущину (своему второму мужу) она писала: «Ваш приятель Александр Сергеевич, как поэт, прекрасно и верно схватил мой характер, пылкий, мечтательный и сосредоточенный в себе, и чудесно описал первое его проявление при вступлении в жизнь сознательную»²¹.

Меньше всего Наталья Дмитриевна думает о житейском благополучии. Все ее помыслы — о религии. Религиозность Фонвизиной, доходившая до фанатизма, была столь глубока, а познания в богословии столь обширны, что под ее влияние попал тобольский священник. Больше того, Наталья Дмитриевна занялась «внутренним преобразованием» мужа и преуспела в этом деле: из человека, равнодушного к религии, он превратился в верующего.

Вероятно, страстная религиозность Фонвизиной произвела сильное впечатление и на молодого Достоевского, который познакомился с декабристкой в Сибири и с тех пор относился к ней с большой симпатией и уважением. «С каким удовольствием я читаю письма Ваши, драгоценнейшая Наталья Дмитриевна. Вы превосходно пишете их, или, лучше сказать, письма ваши идут прямо из вашего доброго человеколюбивого сердца, легко и без натяжки», — пишет Ф. М. Достоевский в 1854 г.²² Он делится с нею самыми сокровенными мыслями, сообщает свой «символ веры».

Достоевский лучше, чем кто-либо другой, мог знать, что за человек Наталья Дмитриевна Фонвизина, поддерживавшая его в одну из самых трудных минут.

Спустя двадцать пять лет после декабристов на каторгу везли петрашевцев²³. В декабре 1849 г. они пробывали

²¹ В. Шенрок. Одна из жён декабристов. — «Русское богатство», 1894, кн. XI, стр. 105.

²² Ф. М. Достоевский. Письма, т. I. М. — Л., 1928, стр. 142.

²³ См. об этом сообщение С. В. Житомирской «Встречи декабристов с петрашевцами», написанное главным образом на основе документов из фонда Фонвизиных, хранящегося в Отделе рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина (Литературное наследство, т. 60, кн. I. М., 1956).

около недели в Тобольске — в общей тюрьме вместе с уголовниками, многие без всяких материальных средств. Декабристки добились («умолили», по словам Достоевского) тайного свидания с узниками. «Мы увидели этих великих страдалиц, добровольно последовавших за своими мужьями в Сибирь. Они благословили нас в новый путь, перекрестили и каждого оделили Евангелием — единственная книга, позволенная в остроге. Четыре года пролежала она под моей подушкой в каторге»²⁴. Евангелие это в дальнейшем сохранялось в семье писателя как реликвия. В Евангелие же были вложены деньги. В письме брату от 22 февраля 1854 г. Федор Михайлович вспоминал: «Что за чудные души, испытанные 25-летним горем и самоотвержением. Мы видели их мельком, ибо нас держали строго. Но они присылали нам пищу, одежду, утешали и ободряли нас»²⁵.

В Тобольске петрашевцев распределяли по губерниям и заводам. В связи с этим декабрист Е. П. Оболенский сообщал брату, обеспокоенному судьбой петрашевца Н. С. Кашкина: «Везде — по пространству всей Сибири начиная от Тобольска — в Томске, Красноярске, Иркутске и далее, за Байкалом — он найдет наших, которые все, без исключения, будут ему помощниками и делом и словом...» Далее Оболенский советует писать «прямо к Катерине Ивановне Трубецкой»²⁶.

С. В. Житомирская публикует большое и весьма интересное письмо Н. Д. Фонвизиной брату мужа, в котором Наталья Дмитриевна описывает в подробностях свои встречи с петрашевцами в остроге, в том числе и с самим М. В. Петрашевским: «Боже мой, в каком ужасном положении нашла я несчастного! Весь опутан железом, больной, истощенный... Он успел сказать мне многое, но такое, что сердце мое облилось кровью...»²⁷

Узнав об отправлении Ф. М. Достоевского и С. Ф. Дурова в Омск, Н. Д. Фонвизина в тридцатиградусный мороз едет за Иртыш, чтоб проводить их. Фонвизина и сопровождавшая ее М. Д. Францева долго ждали в поле, пока

²⁴ Ф. М. Достоевский. Дневник писателя за 1873 г. — В кн.: Ф. М. Достоевский об искусстве. М., 1973, стр. 193.

²⁵ Ф. М. Достоевский. Письма, т. 1, стр. 135.

²⁶ Цит. по ст.: С. В. Житомирская. Встречи декабристов с петрашевцами, стр. 618.

²⁷ Там же, стр. 619.

из-за опушки леса не показались две тройки — с жандармами и заключенными. Тройки остановились — об этом женщины заранее уговорились с жандармами. Арестанты были одеты в полушубки и меховые малахаи, «вроде шапок с наушниками», «тяжелые кандалы гремели на ногах»²⁸. «Мы наскоро с ними простились, боясь, чтобы кто-нибудь из проезжающих не застал нас с ними, и успели только им сказать, чтоб они не теряли бодрости духа, что о них и там будут заботиться добрые люди»²⁹.

И в дальнейшем Фонвизины принимали участие в судьбе петрашевцев. Наталья Дмитриевна переписывалась с Достоевским и после возвращения из Сибири, в имении Фонвизинных-Пушкиных в Марьино подолгу жилал Дуров.

Когда истек срок каторги у Достоевского и Дурова, большую помощь оказала им другая декабристская семья — Анненковых. В доме зятя Анненковых — К. И. Иванова, старшего адъютанта Отдельного сибирского корпуса, они прожили почти месяц перед отправлением в Семипалатинск. Оттуда Достоевский писал Полине Егоровне 18 октября 1855 г.: «Я всегда буду помнить, что с самого прибытия моего в Сибирь Вы и все превосходное семейство Ваше брали и во мне и в товарищах моих по несчастию полное и искреннее участие». Знакомство с Ольгой Ивановной Анненковой-Ивановой «будет всегда одним из лучших воспоминаний моей жизни... Ольга Ивановна протянула мне руку, как родная сестра, и впечатление этой прекрасной, чистой души, возвышенной в благородной, останется светлым и ясным на всю мою жизнь... Я с благоговением вспоминаю о Вас и всех Ваших»³⁰.

Помощь декабристов, их жен, детей петрашевцам как бы символизирует связь и преемственность двух революционных поколений — дворянского и разночинского. Для женщин же эта связь была проявлением их политического роста, переходом к более активным формам борьбы.

Помощь Н. Д. Фонвизиной и декабристам и петрашевцам основывалась прежде всего на ее религиозно-нравственных представлениях о любви к ближнему. Однако вера Фонвизиной не предполагала бездеятельности, по-

²⁸ Воспоминания М. Д. Францевой. — «Исторический вестник», 1888, кн. VI, стр. 629.

²⁹ Там же.

³⁰ Ф. М. Достоевский. Письма, т. 1, стр. 162—163.

корности. На всякое притеснение властей она отвечает протестом, приводя в изумление безропотную мать: «Откуда почерпнула она такую самонадеянность, что пишет так неприятно о начальстве!»³¹ Наталья Дмитриевна ведет себя с вызовом. Не стесняется атаковать начальство резкими письмами, позволяет себе самовольные отлучки с места поселения.

В августе 1850 г. Фонвизина вместе с Ж. А. Муравьевой (женой А. М. Муравьева) и несовершеннолетней дочерью Анненковых Ольгой едет из Тобольска в Ялуторовск, чтоб навестить тамошнюю колонию декабристов, в том числе и вдову Ентальцева, задержанную в Сибири после смерти мужа. Поездка совершается без ведома и разрешения властей. Фонвизина получает выговор и предписание генерал-губернатора Горчакова (кстати, дальнего родственника) дать подписку о невыезде с места поселения. Наталья Дмитриевна делает это только после личного уведомления Горчакова, написанного по ее настоянию.

В Отделе рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина, в фонде Фонвизиных хранится переписка по поводу этой самовольной отлучки. Тобольский губернатор К. Ф. Энгельке 15 ноября 1850 г. сообщает Н. Д. Фонвизиной о «строгом внушении» за «таковой неуместный поступок». Наталья Дмитриевна шлет в Петербург жалобу на то, «что местное начальство делает ей стеснения». В ответ «статс-секретарь его императорского величества у приема прошений» князь А. Ф. Голицын сообщает: «Ныне генерал-адъютант граф Орлов уведомил меня, что по всеподданнейшему докладу его помянутого прошения г-жи Фонвизиной, государь император высочайше повелеть соизволил: объявить ей, что она, на основании существующих постановлений, должна подлежать всем тем ограничениям, коим подчинен ее муж»³². Эти документы, вероятно не без участия Н. Д. Фонвизиной, попали в вольные издания князя-эмигранта П. В. Долгорукова³³.

На долю Натальи Дмитриевны Фонвизиной выпало немало тяжких испытаний. В числе их — вечная разлука

³¹ В. Шенрок. Одна из жен декабристов, стр. 123.

³² ОР ГБЛ, ф. 319, карт. 5, ед. хр. 28.

³³ О связях декабристов с вольными русскими изданиями см.: Н. Я. Эйдельман. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966; он же. Герцен против самодержавия. М., 1973.

А. Г. Муравьева

Акварель П. Ф. Соколова. 1825 г.

М. Н. Волконская

Акварель Н. Бестужева. Читинский острог. 1828 г.

Е. И. Трубецкая

Миниатюра на слоновой кости Н. Бестужева.
Читинский острог. 1828 г.

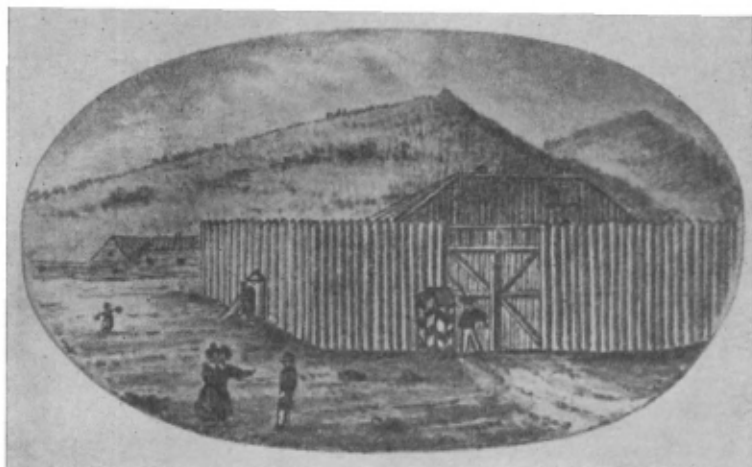
Е. Ф. Муравьева с сыном Никитой

Художник Ж.-Д. Монье. Начало 1810-х годов

М. К. Юшневская

Акварель Н. Бестужева. Петровский завод. 1838—1839 гг.

**Жены декабристов перед острогом. Акварель А. Якубовича.
Чита, 1829—1830 гг.**

Дом Трубецких в Чите

А. И. Давыдова

Акварель Н. Бестужева. Петровский завод. 1830—1839 гг.

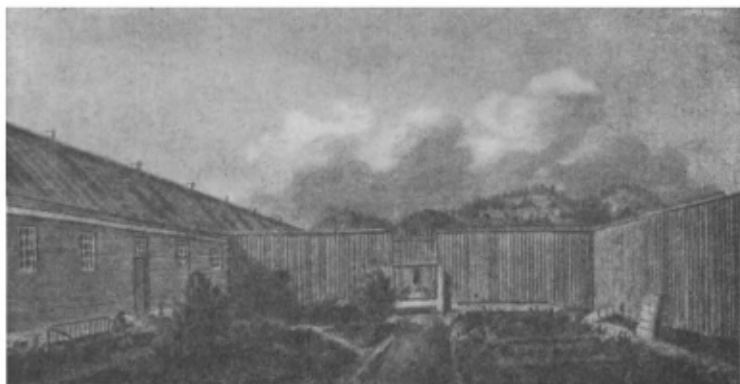

К. П. Ивашева

Акварель Н. Бестужева. Петровский завод. 1831 г.

А. Е. и А. В. Розен в камере Петровского острога.
Акварель Н. Бестужева. Петровский завод. 1830 г.

Внутренний вид одного из отделений Петровского острога.
Акварель Н. Бестужева. Петровский завод. 1832 г.

Е. П. Нарышкина

Акварель Н. Бестужева. Петровский завод. 1832 г.

А. В. Розен

Акварель Н. Бестужева. Петровский завод. Июль 1832 г.

А. Г. Муравьева

Акварель Н. Бестужева. Петровский завод. 1832 г.

Н. Д. Фонвизина

Акварель М. С. Знаменского. Тобольск. 40-е годы XIX в.

П. Е. Анненкова

Акварель Н. Бестужева. Петровский завод. 1836 г.

Е. С. Уварова

Фотография с портрета 1830-х годов.
Предоставлена Т. М. Уваровой

М. Н. Волконская

Акварель Н. Бестужева. Петровский завод. 1837 г.

с родителями и детьми. Бабушка, М. П. Апухтина, на попечении которой остались два маленьких внука Митя и Миша, не смогла дать им хорошее воспитание. Неважным воспитателем оказался и их дядя И. А. Фонвизин, бесконечно преданный брату и его семье. Мальчики росли бездельниками и шалопаями, не имевшими никаких привязанностей к родителям и смотревшими на переписку с ними как на тяжкую повинность. Естественно, что это был дополнительный источник страданий для Фонвизиных. Последним же ударом для родителей явилась ранняя смерть сыновей — двадцати пяти и двадцати шести лет (в Сибири Фонвизина рожала дважды, но оба ребенка погибли). Наталье Дмитриевне нечем было утешиться.

«Иметь сына, и не знать его, и лишиться его, не узнавши, не иметь возможности сохранить о нем даже воспоминание, не иметь понятия ни о взгляде его, ни о голосе, ни о фигуре, ни о характере, и, говорят, что это легче!.. Ах нет! Я лишилась сына навеки и совершенно, и в прошедшем и в будущем, лишилась всего без остатка — это ужасно! Только матери, находящиеся в моем положении, могут понять мое горе, но и у них остаются хотя воспоминания, а у меня и тех нет: горе, горе и горе!»²⁴

Всегда склонная к истеричности, болезненному самоанализу, мистицизму, Фонвизина все больше погружается в мир религии, смиряя молитвами приступы крайнего отчаяния. Но энергичная натура и дух протеста берут верх над религиозным фанатизмом, заставляя Наталью Дмитриевну делать добро окружающим ее земным, грешным людям. Декабристы, ссыльные поляки-революционеры, петрашевцы получают от нее утешение и материальную поддержку: продукты, деньги, теплые вещи.

В 1853 г. в результате хлопот И. А. Фонвизина его брату разрешили досрочно покинуть Сибирь (кстати, за счет брата) и поселиться безвыездно в имении Марьино Бронницкого уезда Московской губернии. Наталья Дмитриевна последовала за мужем через месяц в сопровождении жандарма, старой няни, разделявшей изгнание, М. Д. Францевой и двух приемных девочек. Едва она прибыла в Москву, как явился чиновник от генерал-губернатора с требованием о немедленном отъезде в Марьи-

²⁴ Жены декабристов. М., 1906, стр. 187—188.

но. Михаил Александрович прожил здесь недолго: он скончался 30 апреля 1854 г. Энергичная вдова два года занималась расстроенным хозяйством, а в начале 1856 г. тайно, под видом поездки в свои отдаленные имения, отправилась к друзьям в Сибирь. Этому предшествовала переписка со старым другом мужа — Иваном Ивановичем Пушным, вполне красноречиво доказывающая, что «любви все возрасты покорны». В 1857 г. по велению сердца (а также по совету чудотворной иконы!) 52-летняя Н. Д. Фонвизина сочеталась браком с 59-летним декабристом. Ее дом в Марьине, а потом в Москве всегда славился радушием и гостеприимством, в нем находили приют друзья (здесь умер в 1865 г. декабрист П. С. Бобрищев-Пушкин). Нуждавшиеся, страпники и юродивые получали теплый угол и кусок хлеба.

И сегодня в центре Бронниц, у старинного собора, можно увидеть могильные памятники, поставленные Н. Д. Фонвизиной. Под ними покоятся три декабриста: Михаил Александрович Фонвизин и его брат Иван, Иван Иванович Пушин. И даже здесь Наталья Дмитриевна действовала с вызовом: в царствование Николая I, до амнистии декабристов, до возвращения изгнанникам чнов и званий, она смело назвала Михаила Александровича «генерал-майором»...

К концу 1835 г. осужденным по первому разряду «государственным преступникам» указом царя срок каторги был уменьшен на два года, осужденные по второму разряду, которым оставалось шесть месяцев тюрьмы, освобождались тут же, однако переписка между Петербургом и Иркутском по поводу поселения шла как раз полгода. Срок третьеразрядников истек 14 декабря 1835 г. Среди последних был Штейнгель, но и он несколько месяцев ждал указа о месте поселения.

По указу 1835 г., на поселение выходили девятнадцать человек, в том числе женатые Аннепков, Ивашев, Волконский и Никита Муравьев. Иван Аннепков с семьей получил Туринск (как и Ивашев), с 1840 г. жил в Тобольске. Волконские и Никита Муравьев с дочерью обосновались под Иркутском в селе Урик.

«Милые мои Катя и Лиза, — пишет А. И. Давыдова дочерям 12 июня 1836 г. — Я не имею ни духу, ни времени много писать к вам сегодня. Хочу нагладиться на милую Нонушку перед ее отъездом, побыть побольше с

Никитой Михайловичем»³⁵. Многие, как Муравьев с Давыдовыми, расстались навсегда.

Последними, летом 1839 г., в разряд ссыльнопоселенцев были переведены Давыдов, Трубецкой и Юшневский. Давыдовых отправили в Красноярск, Трубецких и Юшневских — под Иркутск (в села Оек и Малая Разводная).

Итак, большая декабристская семья разрушилась. Всех разбросали по разным уголкам Сибири. «Петровский завод крепко опостылел нам, а бог знает, не придется ли о нем горевать, — такова судьба наша!» — пишет А. И. Давыдова Фонвизиным 6 июня 1838 г., накануне освобождения с каторги³⁶.

Действительно, как ни парадоксально это звучит, на каторге заключенным в каком-то смысле жилось легче, чем в самых разных, часто весьма отдаленных и диких, уголках Сибири. Разобщенность с друзьями и единомышленниками, произвол местных властей, бескультурье, отсутствие медицинской помощи, скудное питание... Всегда горе, невзгоды и житейские трудности легче переносить с друзьями, чем в одиночку. «Признаюсь вам, — пишет Александра Ивановна Фонвизиной уже из Красноярска, — что пескоро сроднюсь я с теперешнею жизнью. Привыкли быть в Чите и Петровском как бы в кругу родных столько лет, не перестану жалеть о прежнем образе жизни»³⁷. Еще через полгода, в мае 1840 г., родным: «Здоровье наше вообще изрядно: весна началась здесь очень рано, и дети пользуются ею с великою радостью. В первый раз мы были все, тому два дни, за городом, и дети счастливы были как нельзя более: рвали, выкапывали цветы и, возвратясь, сажали в своем садике. Но они все сожалеют о Петровском. Там были у них маленькие друзья и мы все жили, как одно семейство»³⁸.

Подневольная жизнь, суровый климат, переживания, беспокойства, нужда — все это, конечно, не проходило бесследно. Поэтому так часто в письмах женщин слышались жалобы на раннюю старость. «Нынешней зимой мы все немного в семье пострадали — от простуды, а мы, я думаю, с мужем — от старости, — пишет 37-летняя Давыдо-

³⁵ ОР ГБЛ, ф. 88, п. 1, ед. хр. 51.

³⁶ Там же, ф. 319, п. 1, ед. хр. 83.

³⁷ Там же. Письмо от 26 ноября 1839 г.

³⁸ Там же, ф. 88, п. 1, ед. хр. 62.

ва.— В Сибири она как-то скорее приходит, не для туземцев, а для такого рода переселенцев, как мы: из товарищей мужа трех не найдете без седых волос и заметных морщин, хотя стариков не много. Если бы кто из знакомых наших в России увидел нас теперь, то уж верно бы не узнал»³⁹.

Амнистия, а вместе с нею разрешение вернуться на родину, пришла тогда, когда ее уже и не ждали: через тридцать лет после воцарения Николая. По желанию нового царя, манифест вез в Сибирь Михаил Волконский, сын декабриста, уже служивший чиновником в Сибири и оказавшийся в Москве. Однако тех, к кому манифест относился, в живых осталось совсем мало. К 1856 г. в Западной Сибири жили тринадцать декабристов (в том числе Бригген, Якушкин, Штейнгель). В Восточной Сибири — двадцать один человек, считая троих осужденных по Оренбургскому процессу⁴⁰ (в том числе Трубецкой, Волконский, Фаленберг)⁴¹.

Сибирскую ссылку пережили восемь из одиннадцати декабристок: первой умерла А. Г. Муравьева (1832 г.), еще в Петровском заводе; через семь лет после нее — К. П. Ивашева, на поселении в Туринске; Е. И. Трубецкая похоронена в 1854 г. в Иркутске, в одной могиле с тремя детьми.

Раньше других в Европейскую Россию вернулись А. В. Розен и Е. П. Нарышкина с мужьями, отправленными на Кавказ в 1837 г. Давыдова, Ентальцева и Юшневская приехали на родину вдовами, схоронив в Сибири мужей, ради которых отправились в добровольное изгнание. К тому же Ентальцеву и Юшневскую не выпускали из Сибири десять лет после смерти мужей.

Освобождение по амнистии вызвало бурю возмущения прежде всего в среде самих декабристов: они по-прежнему оставались под полицейским надзором, им запрещалось жить в столицах. Мнение прогрессивной общественности выразил А. И. Герцен на страницах «Полярной звезды»: «...Не хватило великодушия дать амнистию про-

³⁹ ОР ГБЛ, ф. 319, п. 1, ед. хр. 83.

⁴⁰ Процесс 1827 г. по делу участников оренбургского кружка — революционной организации декабристского типа.

⁴¹ См.: Б. Кубалов. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925, стр. 175.

сто, без оговорок; а прощаются они с разными уловками насчет раскаяния, поведения, да еще на основании особых правил...

Надо по крайней мере двадцать пять лет ссылки, чтоб русский император мог почти-простить политического преступника. Да оно уже, конечно, и не опасно! Когда политический преступник был обвинен, вероятно, он уже был не дитя, а после такого долгого наказания правительство может быть уверено, что прощает старика незадолго до смерти»⁴².

...Сергей Григорьевич Волконский вернулся из Сибири в капун семидесятилетия. Марии Николаевне исполнилось пятьдесят, что по тем временам означало старость. Но все же ей оставалось еще семь лет жизни — в кругу детей, внуков, с мыслями о прожитом и пережитом.

Природа щедро одарила Волконскую, дав ей своеобразную красоту, ум и отчасти характер, отшлифованный хорошим воспитанием, полученным в семье Раевских, чтением книг (она владела, как родным, английским и французским языками, «пустых» же книг никто не видал в ее руках); замечательный голос и музыкальные способности.

Зинаида Волконская писала когда-то, что жизнь Марии Николаевны «запечатлена долгом и жертвою». О совести и долге много говорит и сама декабристка. Накапуне отъезда в Сибирь она сообщает «нежным, хорошим, чудесным и замечательным сестрам» о том, что счастлива, потому что «довольна собой»⁴³. А вот что пишет она В. Ф. Вяземской, жене поэта, прожив полгода в Благодатском руднике⁴⁴: «С тех пор как я уверена, что не смогу вернуться в Россию, вся борьба прекратилась в моей душе. Я обрела мое первоначальное спокойствие, я могу свободно посвятить себя более страдающему. Я только и думаю о той минуте, когда надо мной сжалятся и заключат меня вместе с моим бедным Сергеем; видеть его лишь два

⁴² «Полярная звезда на 1857 г.», кн. III. М., 1966, стр. 15, 16.

⁴³ См.: *О. И. Попова*. История жизни М. Н. Волконской. — В кн.: Звенья, кн. 3—4. М. — Л., 1934, стр. 60.

⁴⁴ Письма М. Н. Волконской В. Ф. Вяземской, хранящиеся в ЦГАЛИ, переведены с французского и опубликованы Т. Г. Цявловской; см. ее ст.: Мария Волконская и Пушкин (новые материалы). — В кн.: Прометей. Историко-биографический альманах, № 1. М., 1966.

раза в неделю очень мучительно; и верьте мне, что счастье найдешь всюду, при любых условиях; оно зависит прежде всего от нашей совести; когда выполняешь свой долг, и выполняешь его с радостью, то обретаешь душевный покой»⁴⁵.

Когда читаешь первые сибирские письма Марии Николаевны, создается впечатление, что молодая женщина, натура романтически-страстная и горячая, пытается убедить не только близких, но и прежде всего себя в правильности своего поступка, в прочности чувства к Сергею Волконскому. «...Чем несчастнее мой муж, тем более он может рассчитывать на мою привязанность и стойкость», — пишет она 12 февраля 1827 г. свекрови⁴⁶. Даже в этих письмах, в которых Волконская беспрерывно пишет о муже («я совершенно счастлива, находясь подле Сергея»⁴⁷, «Я довольна своей судьбой, у меня нет других печалей, кроме тех, которые касаются Сергея»)⁴⁸, чувствуется больше жертвенности и гордыни, чем самоотречения во имя любви (как у Александрины Муравьевой).

Самыми тяжелыми были семь месяцев в Благодатском руднике. Затем — три года в Читинском остроге. И за эти три года — три тяжкие утраты: в январе 1828 г. умирает двухлетний Коля Волконский, оставленный далеко на родине на попечении родственников; в сентябре 1829 г. — смерть любимого и уважаемого отца, простившего непокорную дочь перед смертью («это самая удивительная женщина, которую я когда-либо знал» — его последние слова); наконец в августе 1830 г. умирает дочь Софья, не прожившая и дня...

А Мария Николаевна все старается держаться. Еще в 1829 г. из Читы она пишет брату Николаю: «Я достигла цели моей жизни»⁴⁹ (Николай Раевский, кстати, первое письмо сестре прислал только в 1832 г., но и в этом письме чувствуются прежние враждебность и непримиримость к Сергею Волконскому). Эту же мысль о «душевном удов-

⁴⁵ Т. Г. Цяловская. Мария Волконская и Пушкин, стр. 63.

⁴⁶ Письма М. Н. Волконской из Сибири (1827—1831) к свекрови и невестке. — В кн.: Русские прописки, т. 1. М., 1915, стр. 5.

⁴⁷ Там же, стр. 54.

⁴⁸ Труды Государственного исторического музея, вып. II. М., 1926, стр. 25 (неизданные письма М. Н. Волконской. Примеч. О. И. Поповой).

⁴⁹ Там же.

летворении, спокойствии» Мария Волконская повторяет и в письме родителям Василия Ивашева 27 сентября 1830 г. из Петровского завода: «Наконец достигла я цели последних четырех лет моей жизни, а именно — соединиться в остроге с моим мужем»⁵⁰.

В Петровском заводе появляются дети: в 1832 г. сын Миша, через три года — дочь Елена. Личная жизнь наполняется совсем другим содержанием. Меняются и ее письма: теперь уже в них нет ничего о муже, все — о детях.

В самом деле, Волконская прекрасная мать: неустанно печется о здоровье детей, руководит их воспитанием, затем образованием. Сдержанный и иронический Михаил Лунин, наблюдаяший Марию Николаевну в этой роли, создает настоящий гимн материнству: «После двух недель, проведенных на охоте, я отправился к NN. Было поздно. Она обычно убаюкивает свою малютку Нелли, держа ее на руках и напевая своим молодым голосом старый романс с ритурнелем. Я услышал последние строфы из го-стиной и был опечален тем, что опоздал. Материнское чувство угадывает. Она взяла свечу и знаком показала, чтобы я последовал за нею в детскую [...] Мать, счастливая отдыхом дочери, казалась у постели одним из тех духовных существ, что бодрствуют над судьбою детей»⁵¹.

Но в ней горит еще и общественный темперамент. И. Г. Прыжов, проведенный несколько лет на каторге и поселении в Петровском заводе, записал в 1870-х годах рассказ старожилы М. С. Добрынина о М. Н. Волконской: «Эта женщина должна быть бессмертна в русской истории. В избу, где мокро, тесно, скверно, лезет, бывало, эта аристократка — и зачем? Да посетить больного. Сама исполняет роль фельдшера, приносит больным здоровую пищу и, разузнав о состоянии болезни, идет в каземат к Вольфу, чтоб он составил лекарство»⁵².

Можно сказать, что в какой-то степени жепщины-декабристки предвосхитили общественное движение, мощно развившееся в 70-х годах, — хождение в народ. Только

⁵⁰ О. К. Буланова. Роман декабриста. М., 1933, стр. 166.

⁵¹ М. С. Лунин. Сочинения и письма. Пг., 1923, стр. 32, 34. Письмо Е. Уваровой от 25 ноября 1837 г.

⁵² Л. Н. Пушкарёв. Неизвестная работа И. Г. Прыжова о декабристах в Сибири. — В кн.: Литературное наследство, т. 60, кн. I, стр. 636.

«хождение в народ» декабристок было вполне органичным, естественным проявлением их теплого, участливого отношения к простым людям, среди которых они оказались в Сибири. Им не приходилось, подобно народникам, для этого уходить из дому, рвать с родными. Помощь народу просто входила в их жизнь: помощь деньгами, медикаментами, безвозмездное лечение, обучение грамоте.

Во многих декабристских семьях, особенно бездетных, воспитывались дети-сироты или дети из многодетных бедных семей. Эти воспитанники получали не только материальное обеспечение, но и хорошее образование.

С народом декабристкам приходилось общаться прежде всего в собственных семьях — через прислугу, крепостных. Как говорилось выше, царь не разрешил лишить декабристок права на крепостных людей. Но для того чтобы взять крепостных в Сибирь, требовалось их согласие. Бывали случаи, когда прислуга выражала желание вернуться на родину. В декабре 1827 г., например, в III отделении велась переписка в связи с просьбой «девок» Авдотьи Пугачевой и Прасковьи Ивановой и крестьянина Андрея Лелякова, живших с А. Г. Муравьевой в Чите, отпустить их домой⁵³. В большинстве же случаев отношения складывались по-другому. Няня Фонвизинных, Матрена Павловна, все сибирские годы провела вместе с господами и вернулась на родину с ними. Такой же честностью и преданностью отличалась Анисья Петровна у Нарышкиных. Вполне естественно, что женщины хлопотали о вольной своим слугам, и Мария Волконская в их числе.

Конечно, не надо идеализировать эти отношения. Хотя и «бывшие», лишённые политических и имущественных прав, «государственные преступники» оставались господами, барами, пусть добрыми, хорошими. Характерно ведь, что местные жители называли «Дамскую улицу» «барской» или «княжеской»⁵⁴.

... С 1836 г. Волконские живут в 18 верстах от Иркутска, в селе Урик: Николай I снизошел к просьбе умиравшей княгини и сократил срок каторги ее сыну на три года.

⁵³ См.: *С. Штрайх*. Из быта декабристов в Сибири. — В сб.: «Русское прошлое». № 1. Л., 1923.

⁵⁴ См.: Воспоминания Полины Апвеновой, М., 1929, стр. 195. Приложение.

Жизнь становится значительно легче. Красота 30-летней Марии Николаевны не тускнеет. Одоевский воспевает ее в стихах, Лунин — в прозе⁵⁵.

«Дорогая сестра! Я прогуливался по берегу Лигары с изгнанницей, чье имя уже внесено в отечественные летописи. Сын ее (красоты рафаэлевской) резвился пред нами и, срывая цветы, спешил отдавать их матери <...> Но величественное зрелище природы было только обстановкой для той, с кем я прогуливался. Она осуществляла мысль апостола и своей личной грацией, и правдивой красотой своего характера»⁵⁶.

Но слишком долго, томительно медленно, без надежды на освобождение тянулись годы в изгнании. Незаметно, постепенно меняются и характер, и взгляды на жизнь. Двенадцать лет в Сибири — и вот еще одно письмо Марии Волконской сестре Елене: «...Я совершенно потеряла живость характера, вы бы меня в этом отношении не узнали. У меня нет более ртути в венах. Чаще всего я апатична; единственная вещь, которую я могла бы сказать в свою пользу, — это то, что во всяком испытании у меня терпение мула, в остальном мне все равно, лишь бы мои дети были здоровы»⁵⁷.

Заметим сразу, что Мария Николаевна сгущает краски. Не говоря уже о несокрушимой энергии в личных, семейных делах, Волконская не утратила интереса и к жизни окружающих ее людей, товарищей мужа. Наиболее яркий и убедительный пример тому — участие в трагической истории с вторичным арестом Лунина.

В марте 1841 г. Михаила Лунина, продолжавшего в Сибири «действия паступательные» против властей, внезапно, среди ночи, арестовали и увезли из Урика, где он жил на поселении. Событие чрезвычайное и по его исключительности, и по предполагаемым последствиям. Естественно, что оно вызвало волнения, страхи, опасения, тем более что товарищи Лунина читали, многие хранили его противоправительственные сочинения, а некоторые помогали их создавать.

Известие об аресте Лунина быстро распространилось среди сибирских изгнанников. Вскоре об этом узнали в

⁵⁵ См.: *В. Эйдельман*. Лунин. М., 1970, стр. 250—253.

⁵⁶ *М. С. Лунин*. Сочинения и письма, стр. 31.

⁵⁷ Цит. по ст.: *Т. Г. Цявловская*. Мария Волконская и Пушкин, стр. 71.

Москве и Петербурге. Екатерина Федоровна Муравьева с конца марта перестала получать письма от сыновей. «Я писала в Петербург, чтоб узнали отчего это, — сообщает она в волнении Н. Н. Шереметевой, — мне отвечали, что письмо есть, но оно остановлено, потому что они пишут, что жалеют об Луи[ине]. В это же почти время проезжал Рупер[т] и уверял меня, что мои все спокойны и один только Лу[шин] и что его дело совсем кончено <...> А в прошедшее воскресенье 25-го мая я получила письма от Кат[ерины] Серг[еевны] Ува[ровой] и Веры Алексеевны, в которых они меня умоляют как можно скорее приехать в Петербург, не теряя время, и опять повторяют, что письмо ко мне остановлено, и больше ничего не говорят...»⁵⁸.

На самом деле Никита Муравьев оказался в самой непосредственной опасности, так как помогал кузену в составлении его сочинений. Однако дело ограничилось арестом П. Громницкого, другого декабриста, секретарствовавшего у Лунина...

...В конце марта в окрестностях Иркутска еще лежал снег, было холодно. Небольшая группа людей в стороне от почтовой дороги поджидала кибитку, в которой увозили из города Лунина. Хотели проститься и падать на него теплое пальто, в которое Мария Николаевна спешно зашла ассигнации...

Лунина отвезли на верную смерть в Акатуй, изолировали от внешнего мира, строжайше запретили переписку. Волконские, однако, нашли (как и Луин) верные пути для тайных сношений.

«Его (Лунина. — Э. П.) отъезд нас сильно опечалил, — вспоминала Мария Николаевна. — Я отправила ему книги, шоколад для груди и под видом лекарств — чернила в виде порошка, а в нем несколько стальных перьев, так как у него было все отнято, причем строго было запрещено писать или читать что-либо, кроме Библии»⁵⁹.

Переписка продолжалась до смерти Лунина в 1845 г. «Ваши письма, сударыня, — писал Михаил Сергеевич, — возбуждают мою бодрость и скрашивают суровые лишения моего заключения. Я Вас люблю так же, как и мою сест-

⁵⁸ ОР ГБЛ, ф. 340 (Шереметевых), М., 6955.

⁵⁹ М. Н. Волконская. Записки, 1914, стр. 101—102.

ру. У нас считается заслугой быть в сношениях с противником власти»⁶⁰.

И эта заслуга принадлежала двум женщинам — Марии Волконской и Екатерине Уваровой. После смерти Лунина они поддерживали отношения между собой, и пераз Мария Николаевна и ее семья выполняли просьбы сестры Лунина: распорядиться его имуществом (главным образом книгами), поставить памятник на могиле.

И все-таки Волконская сильно изменилась с годами. Еще в разгар своего увлечения ею Лунин писал сестре: «Красивая М... только добрая и прекрасная женщина, которую извело за 13 лет ссылки дурацкое общество», «она далеко не постигает моего тяжелого положения и не знает, что нужно для выхода из него»⁶¹.

Так было через тринадцать лет. Через пятнадцать, двадцать она все больше устремляется к земному благополучию, и главным образом не для себя, а для детей. Правдами и неправдами определяет сына Мишу в Иркутскую гимназию. Потом вся семья перебирается в город. Иркутский дом (теперь он, как и дом Трубецких, стал музеем) опальная княгиня стремится превратить в первый салон города. И Марию Николаевну мало волнует, что ее муж, князь по рождению, ходивший в смазных сапогах, любивший побеседовать с мужиками о жизни и часто возвращавшийся домой в одежде, пропитанной запахами базара и запорошенной соломой, совсем не подходит к этому салону. Мария Николаевна на свой лад и наперекор мужу устраивает судьбу красавицы-дочери: едва той исполняется пятнадцать лет, выдает замуж за преуспевающего сибирского чиповника Молчанова.

В мае 1855 г. И. Д. Якушкин писал Наталье Дмитриевне Фонвизинной: «Марью Николаевну я очень давно не видел, она все хворает и, говорят, за последнее время ужасно похудела; положение ее точно не завидно, она на этом свете как будто одна-одинешенька; здесь у нее положительно нет ни одного близкого человека. Детей своих она, кажется, страстно любит и беспрестанно сокрушается о Нелипке, которая в Москве со своим мужем, разбитым параличом и отданным под уголовный суд, а бедная

⁶⁰ Цит. по кн.: С. Я. Гессен и М. С. Коган. Декабрист Лунин и его время. Л., 1926, стр. 280.

⁶¹ М. С. Лунин. Общественное движение в России. Письма из Сибири. М.—Л., 1926, стр. 32, 34.

эта Целинька несет свой крест прекрасно; но каково же матери, положившей тяжелый крест на дочь свою; перед такой действительностью самые ужасные повести бледны»⁶².

Таков был финал сибирской жизни М. Н. Волконской.

Она умерла двумя годами раньше старика Волконского. И оба — после бурной и тяжелой жизни — покоятся вместе, в Черниговской области, в селе Воропки...

Вернувшись на родину, Мария Николаевна начала писать воспоминания о пережитом. Получился бесхитростный и сдержанный рассказ о ее жизни с момента замужества и восстания декабристов до возвращения из Сибири.

С первых же слов повествования становится ясно, что брак Волконских был заключен не по любви. Однако самого Волконского Мария Николаевна называет «достойнейшим и благороднейшим из людей». С таким же почтением она пишет и о единомышленниках мужа, давая им высокую нравственную оценку.

В записках Волконской нет эффектных мест, зато есть масса живых эпизодов и деталей, метко схваченных женским глазом, весь ее рассказ поражает искренностью и правдивостью.

Работая над поэмой о декабристах, Н. А. Некрасов попросил Михаила Волконского познакомить его с воспоминаниями матери. Михаил Сергеевич читал вслух (Некрасов не знал французского языка, на котором писала Волконская), а поэт, слушая его, вскакивал с места, закрывал лицо руками...

И до сих пор записки Марии Николаевны Волконской нельзя читать без волнения.

Волконская писала только для сына. Он же, к 1904 г. весьма преуспевающий чиновник, не без колебаний взялся за издание воспоминаний матери. Однако записки, появившиеся впервые в печати в 1904 г. на французском языке, имели такой успех, что через два года издание пришлось повторить. И в дальнейшем они переиздавались неоднократно. Может ли быть лучшая оценка написанного?

Еще одна декабристка внесла свою лепту в мемуарную литературу о дворянских революционерах — Полина Егоровна Анненкова.

⁶² Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина, М., 1951, стр. 423.

В 1861 г. М. И. Семевский, будущий издатель «Русской старины» и активный собиратель декабристских материалов, попросил П. Анненкову написать воспоминания. В то время Анненковы жили в Нижнем Новгороде (здесь оба супруга и скончались). Полина Егоровна была уже видной дамой местного общества (с 1861 г. Иван Александрович исполнял должность Нижегородского уездного предводителя дворянства); помимо светских обязанностей на ней по-прежнему лежали и обязанности семейные. Но все это не помешало ей с большим энтузиазмом откликнуться на предложение Семевского. Поскольку Анненкова так и не освоила русский язык, она диктовала воспоминания дочери Ольге по-французски, та их записывала, переводя на русский. И появились еще одни декабристские мемуары.

М. И. Семевский опубликовал их в журнале «Русская старина» в 1888 г. — уже после смерти Полины Егоровны. Публикацию тормозил зять Анненковых — генерал-майор К. И. Иванов, который, как мы помним, когда-то в молодые годы, будучи в меньших чинах, не побоялся приютить в своем доме ссыльного Достоевского... В дальнейшем «Воспоминания Полины Анненковой» неоднократно выходили отдельной книгой.

В отличие от Волконской, Анненкова начинает свой рассказ с детства, проведенного во Франции, и обрывает его переездом в Петровский завод.

Воспоминания Анненковой были замечены критикой и оценены как любопытнейший памятник мемуарной литературы: «Для истории декабристов они, правда, дают весьма мало нового, но интересны благодаря самой личности Анненковой и ярким картинкам частной жизни того времени... Свежей, молодой жизнью веет от этих мемуаров, продиктованных шестидесятилетней старухой»⁶³.

Когда-то Полина Гебль вернула к жизни декабриста Анненкова; в написанных ею воспоминаниях Анненков и его товарищи прожили жизнь вторично.

Прав Достоевский: декабристки «всем пожертвовали для высочайшего правдивного долга» и, неповинные, «перенесли все, что перенесли их осужденные мужья». Мария Волконская и Полина Анненкова запомнили и сохранили для истории все то, что видели и пережили за долгие годы сибирского изгнания.

⁶³ «Русская мысль», 1888, кн. IV, стр. 213—214.

Глава V

СЕСТРА ДЕКАБРИСТА

...Ты — моя сестра и, следовательно, так же как и я, не подвержена чувству страха... Меньше слов, больше дела.

М. Лунин

Особое место среди женщин-декабристок принадлежит сестре Михаила Лунина — Екатерине Сергеевне Уваровой. Подобно Н. Д. Фопвизиной и М. Н. Волконской, Уварова в своих действиях перешла от исполнения личного долга к более активным формам борьбы. Не случайно Лев Толстой, собирая материалы к роману о декабристах, так интересовался ею. «Что за женщина была Катерина Сергеевна? Когда умерла? Остались ли дети?» — спрашивал он декабриста П. Н. Свистунова¹. И тот отвечал: «Екатерина Сергеевна пламенно любила брата; была восторженница и первоклассная музыкантша; у нее были два сына — старший, гусар, женат был на кн. Горчаковой, дочери сибирского генерал-губернатора, и умер за границей помещанным, о другом сыне ничего верного не знаю»².

Имя Михаила Лунина известно главным образом благодаря его «действиям наступательным» уже на каторге, в Сибири. В ту пору единственным корреспондентом узника была его сестра. На ее имя присланы знаменитые «Письма из Сибири», а затем «Взгляд на русское тайное общество» и «Разбор донесения Следственной Комиссии», в конечном счете стоившие Лунину головы.

... Она была третьим ребенком в семье богатого помещика, отставного бригадира Сергея Михайловича Лунина. Родилась 8 марта 1791 г. — на три года позже старшего брата Михаила и через два года после Никиты (20 ноября 1805 г. 16-летний корнет Кавалергардского полка Никита Лунин был смертельно ранен при Аустерлице).

¹ Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 62. М., 1953, стр. 459.

² Тайные общества в России в начале XIX в. М., 1926, стр. 202—203.

Дядюшка Луишилы, будущий товарищ министра народного просвещения и будущий отец двух декабристов, Михаил Никитич Муравьев, поздравляя сестру и ее мужа с рождением дочери, писал: «Любезный друг и брат Сергей Михайлович и милая сестрица матушка Федосья Никитишна! Вы исполнили нас радостью, разделив с нами ту, которую вам бог послал. Поздравляю вас усерднейше с Катинькою... Любезный Сергей Михайлович положит труды свои для призвания здоровья к своей Фешиньке. Экономия его потерпит от этого приятного недосугу. Но улыбка Катиньки заплотит. Новое упражнение Надежде Никифоровне пестовать николевскую барышню с голубыми глазами...»³ «У вас клавишины. Надобно, чтоб маминька приготавлилась быть учительницею Катиньки и бегло читала Жордани, Колицци, Плейеля. Этот последний сочинитель музыки весьма славится между охотниками»⁴.

Через год Федосья Никитишна умерла: ей так и не пришлось обучать дочь музыке. А у Катеньки действительно обнаружился талант, она восхищала Петербург игрой на клавинодах, и редкий благотворительный концерт, не говоря уже о музыкальных вечерах в великосветских салонах, проходил без ее участия. Много лет спустя Екатерина Сергеевна сообщала брату в Сибирь о своей «постоящей знаменитости» в Тамбове: «Только и шуму, что о моем мнимом таланте, который я называю моим старым грехом... Я пользуюсь славой соединять и приводить в гармонию все враждебные партии в салоне нашего предводителя князя Гагарина на музыкальных вечерах»⁵.

Второй матерью для Луишиных стала жена дяди — Екатерина Федоровна Муравьева, «добродота которой превосходит все, что можно вообразить»⁶. Дом Муравьевых был «средоточием всего возвышенного, отличного, лучшего в обществе и литературе, сборным местом всех достоинств, заслуг, дарований: Батюшков здесь воспитывался, Державин, Дмитриев, Карамзин, Жуковский один за другим принадлежали к этому семейству...»⁷ После смерти

³ ОПИ ГИМ, ф. 445, ед. хр. 55, л. 19—19 об.

⁴ Там же, л. 49 об.—50.

⁵ ИРЛИ, ф. 368, оп. 1, № 23. Письмо от 2 февраля 1840 г. (перев. с франц.).

⁶ Там же, № 21. Письмо Е. С. Уваровой М. С. Луину от 10 апреля 1836 г. (перев. с франц.).

⁷ «Московские ведомости», 1848, № 51.

М. Н. Муравьева центром притяжения стал его сын — «беспокойный Никита», «умный и пылкий» (по словам Пушкина). Литературные собрания у Муравьевых все больше приобретали политическую окраску, становились очагом декабризма.

Екатерина Лунина также принадлежала к этому семейству. Здесь она познакомилась с Пушкиным, Петром Вяземским, братьями Александром и Николаем Тургеневыми.

«Она была лучше, чем красавица, — умная, милая, изящная вся в брата», — писал о сестре Лунина его приятель Оже⁸. «Восторженница» и «в высшей степени энтузиастка», «добрейшая и просвещенная женщина», «великолепнейшая музыкантша» — такой вспоминают Екашерипу Сергеевну современники. Воспитанная на просветительской литературе XVIII столетия, поклонница Руссо и г-жи Сталь, она получила хорошее нравственное воспитание, в основе которого лежало чувство любви и сострадания к людям, стремление помочь ближнему.

В августе 1814 г. Екатерина Лунина выходит замуж за 34-летнего полковника Федора Александровича Уварова. «Невеста была в бриллиантах от ног до головы», — записал кузен Луниных поэт К. Н. Батюшков. Блестящий кавалергард, участник наполеоновских войн и Отечественной войны 1812 г., имевший ранения и награды, хорошо образованный и начитанный, владевший французским, немецким и английским языками, — таким был Уваров. Правда, при всех своих достоинствах он отличался «неприятным обхождением» и посему не пользовался любовью товарищей. Но последнее обстоятельство не нарушало счастливой и безмятежной жизни супругов.

Брата Михаила Е. С. Уварова просто обожает. Когда тот уезжает во Францию, Екатерина Сергеевна, счастливая жена и мать (в 1816 г. она родила первого сына, Александра, через четыре года — Сергея), пишет ему в Париж: «Несмотря на счастье, которое меня окружает, отсутствие твое причиняет мне тяжелые минуты... Я сама упрекаю себя за свои слезы...»⁹.

Роковые события 1825—1826 гг. внезапно и резко все переменяли: единственного брата арестовали и по делу декабристов приговорили к пятнадцати годам каторги.

⁸ «Русский архив», 1877, кн. I, № 4, стр. 525.

⁹ Там же, кн. II, № 5, стр. 57.

Бороться за брата Уварова начала сразу же после его ареста: добилась свидания в Петропавловской крепости, в Выборгский тюремный замок переслала необходимые вещи, деньги, книги (кстати, все книги, за исключением Нового завета, вернули, а письмо, «присланное к преступнику Лунину с майором Акуловым», отобрали и доставили генерал-губернатору Закревскому).

А тем временем Уваров, едва Лунина лишили всех прав, поскакал в Тамбов и по доверенности жены, единственной законной наследницы, ввел себя во владение имением «государственного преступника». Дальнейшие события развивались весьма драматически: оказалось, что Лунин еще в 1819 г. составил завещание, по которому все свое имущество передавал двоюродному брату. Прошения Уваровой поражают: кажется невероятным, что такая женщина, даже под диктовку мужа, могла писать любые гнусности, лишь бы оспорить завещание брата. В конце концов по личному распоряжению Николая I имущество Лунина перешло в ее руки. Однако в самый разгар постыдной тяжбы муж Уваровой, камергер и действительный статский советник, внезапно и бесследно исчез, оставив Екатерину Сергеевну «вдовой и не вдовой», с двумя малолетними детьми, с расстроенным хозяйством и долгами («Уварову что ни дай, он все проживет», — говорили о нем знакомые) ¹⁰.

Судебная тяжба, затем таинственное исчезновение мужа произвели неизгладимое впечатление на глубоко верующую женщину. Всю свою дальнейшую жизнь она искупала «грех», и искупала не только молитвой, но прежде всего делая людям добро. Нравственно-религиозные устои Уваровой, велевшие ей любить всех: брата, мужа, детей, крестьян, не способствовали достижению непосредственных результатов, но вместе с тем вселяли в нее заряд такой силы, что, помимо ее воли, логика любви и христианского мученичества приводила к протесту: ей запрещают любить брата — она борется за него, запрещают говорить о нем — она говорит, не думая об опасности.

¹⁰ Таинственное исчезновение Ф. А. Уварова породило несколько версий о его дальнейшей судьбе. Наиболее устойчивой и неопровергнутой до наших дней осталась гипотеза об идентичности личностей Ф. А. Уварова и сибирского старца Федора Кузьмича (личность которого связывали также и с царем Александром I). См. книгу К. В. Кудряшова «Александр I и тайна Федора Кузьмича» (Пг., 1923).

Когда декабристов начали отправлять в Сибирь, Екатерина Сергеевна поселилась в Ярославле, через который везли заключенных, надеясь в последний раз увидеть брата.

28 ноября 1827 г. ярославский губернатор доносил управляющему Министерством внутренних дел: «Приехавшая в Ярославль г. Уварова действительно проживает здесь и теперь на постоянном дворе, но по какой надобности, вовсе не было мне известно, а как ныне усмотрено мною, для чего она здесь жительство имеет, то и принял я против намерения ее надлежащие меры»¹¹.

В результате слежки выяснилось, что «генеральша Уварова» под видом богомолья часто ездит в село Тимохино, расположенное на почтовом тракте между Ярославлем и Костромой, а там поселен ее дворовый человек Герасим Карпов с вещами, предназначенными для Лунина. Генеральше сделали серьезное внушение, и 1 февраля 1828 г., по донесению ярославского губернатора, она отбыла в Петербург. Однако в апреле, когда Лунина везли через Ярославль, Екатерина Сергеевна вновь оказалась там. Это выясняется из неизвестного ранее рапорта жандармского подполковника Шубинского: «Сего апреля 24-го числа по утру в 5-м часу привезли государственных преступников четырех человек при фельдъегере Захарове с жандармами, которых часа через полтора повезли далее к Костроме. В числе сих преступников находился Луний, родной брат генеральши Уваровой, по сие время проживающей в Ярославле. Непостижимо, почему она тотчас узнала и всеми способами рвалась увидеться с братом своим»¹².

Генерал Волков, начальник второго округа корпуса жандармов, далее сообщает: «Г. Шубинский послал туда для наблюдения адъютанта своего Верговского, который нашел фельдъегера Захарова в затруднительном положении, что он не находил возможности и средств укрыться от усилий генеральши Уваровой, которая бросалась перед ним на колени, давала деньги, умоляя о дозволении к свиданию, но он не допустил ее, и преступников тотчас повезли»¹³.

¹¹ ЦГАОР, ф. 109, 1-я экспедиция, 1826 г., № 61 (к 15-й части), л. 63—63 об.

¹² ЦГАОР, ф. 109, СА, оп. 3, 1827 г., № 1375, л. 1.

¹³ Там же.

Генеральша на коленях! Ради любви к брату она идет на унижение и даже нарушение закона. Такое повторится с ней и после.

Уварова не повидалась с братом, но говорила с его товарищами — Пушным и Мухановым.

И. И. Пущин переслал отцу и сестрам свой дневник путешествия в Сибирь, где, в частности, были такие строки: «Я имел дорогой две прелестные минуты, о коих я должен с вами побеседовать и коими я наслаждался со всею полнотою моего сердца»¹⁴. В Ярославль узников привезли к вечеру; и сразу же человек Уваровой приходит справиться об их нуждах. Затем сама Екатерина Сергеевна «какими-то судьбами» добивается свидания с Мухановым, которого она знает. А жена Якушкина с матерью вызывают Ивана Ивановича Пущина...¹⁵ С тем же фельдъегерем, который вез дневник Пущина, Муханов писал сестре: «Если вы увидите К. С. Уварову, сделайте одолжение, свидетельствуйте ей мое почтение и благодарите ей за ласки и добродушное обращение»¹⁶.

Где бы ни находилась Екатерина Сергеевна — в Москве, Петербурге или Берлине, она писала в Сибирь каждую неделю, за чрезвычайным исключением. Сначала — в Нерчинские рудники, затем в Иркутск и на Акатуйскую каторгу. За восемнадцать лет каторги и ссылки у Лунина могло бы скопиться более восьмисот писем. Много позже в столицу вернулось сто семьдесят девять из них (в 1925 г. потомки Уваровой сдали в архив ее бумаги), которые и поныне хранятся в Пушкинском доме в Ленинграде¹⁷.

Письма эти интересны не только как исторический источник, но и как яркий человеческий документ.

«Мой дорогой и горячо любимый брат! — пишет Уварова из тамбовского имения Екатериновка на Нерчинскую каторгу. — Вчера отмечали твой праздник с крестьянами. Все крестьяне — мужчины и женщины — собрались в риге. Они получили свою долю мяса и прежде всего

¹⁴ И. И. Пущин. Записки. М., 1927, стр. 99.

¹⁵ А. В. Якушкина до этого виделась с мужем в течение семнадцати часов. Об этом сам декабрист рассказывал товарищам.

¹⁶ ЦГАОР, ф. 109, 1-я экспедиция, 1826 г., № 61 (к 15-й части), л. 75.

¹⁷ ИРЛИ, ф. 368, оп. 1, № 16—24. Письма Е. С. Уваровой М. С. Лунину за 1831—1841 гг. (здесь и далее перев. с франц.).

вина... Один из твоих людей делал земной поклон всякий раз, когда священник упоминал о страждущих и плененных... За столом мы еще раз пили за твое здоровье, обращаясь к твоему портрету, который висит на почетном месте над канapé в салоне, служащем одновременно гостиной и столовой, когда мы собираемся всей семьей. Ты находишься здесь между тетей и Никитой и Александром Муравьевыми»¹⁸.

Екатерина Федоровна Муравьева шлет целые обозы в Сибирь с продовольствием, вещами, книгами для сыновей Никиты и Александра. Уварова не отстает от нее. Генерал-губернатор Восточной Сибири Броневский сообщал в Петербург: «Почтенные, исполненные родственной нежности и доброты госпожи Муравьева и Уварова сильно заботятся предупреждать всякие нужды Муравьевых и Лунина»¹⁹. Собравшись вместе, племянница и тетка беспрерывно говорят «о Сибири и дорогих объектах нашей любви, не боясь наскучить одна другой»²⁰.

Просвещенная помещица и добрый человек, Екатерина Сергеевна считает своим долгом заботиться о крестьянах. «Я не могу тебе передать,— пишет она брату,— сколько страдаю я за неимущих с тех пор, как долгое пребывание в деревне столкнуло меня со всей нищетой бедного народа, абсолютно лишенного всяких средств к жизни при плохом урожае»²¹. Во время голода она раздает крестьянам все, до последнего скирда, а когда в ее деревне вспыхивает бунт, не шлет за жандармами, просит восстановить порядок «прежде всего тем, чтоб продолжать кормить нуждающихся», забрасывает власти прошениями о помощи голодающим. «Ах, боже мой! В быстрой жизни позволено обо всем забыть, но не о тех, которые страдают. Нищета наших деревень крайняя...»²²

Конечно, сочувствие мужикам, умиравшим от голода, не идет у Екатерины Сергеевны дальше простой благотворительности. Но ведь и на это не так уж многие были способны: другие предпочитают покупать миллионную мебель, в то время как их крестьяне едят мякину, снимают солому с крыш...

¹⁸ ИРЛИ. ф. 368, оп. 1, № 16. Письмо № 172 от 9 ноября 1831 г.

¹⁹ «Русская старина», 1899, № 11, стр. 328—329.

²⁰ ИРЛИ, ф. 368, оп. 1, № 17. Письмо № 178 от 27 января 1832 г.

²¹ Там же, № 16. Письмо № 157 от 20 июля 1831 г.

²² Там же, № 23. Письмо без номера от 17 июля 1840 г.

Екатерина Уварова принадлежит к высшему свету. Однако изгнанный из общества Лунин остается для нее лучшим из людей. Она не устает восторгаться им: «Сколько величия и божественного милосердия скрыто в твоём поучительном поведении... Великий бог! Какими мелкими кажемся мы здесь, позволяя себе жаловаться, роптать на упадок духа, ставший обычным, в то время как ты несешь свою судьбу с мужеством... мужеством, более редким и достойным, чем то, что позволяет пренебрегать смертью на полях сражений...»²³ Она восхищается письмами брата: «Я их читаю и перечитываю, я их истолковываю»²⁴.

Любовь и уважение к опальному брату Уварова старается привить детям. Тщательно собирает все воспоминания, даже легенды о декабристе. В одном из писем Екатерина Сергеевна рассказывает о полковнике Кринском, некогда служившем с Луниным: он «воздал тебе хвалу столь же верную, сколь и лестную. Он сообщил Саше (племяннику Лунина.— Э. П.), что ты не только владел польским в совершенстве, но и писал стихи на этом языке и стихи твои были таковы, что Мицкевич отнесся к ним благосклонно. Это победа, о которой ни Саша, ни я, ни ты не знали еще...»²⁵

В другом письме передаются рассказы Александра Уварова о «дяде Михаиле Луине, пришедшие к нему с разных сторон», которые он выслушивает «с некоторым чувством гордости за свою близость к этой знаменитости — военной и даже всеобщей. Одним словом — твои дела на устах у всех, от гвардейского полка и казармы до салонов и даже дворца. Хотя я почти не знаю никого из военного начальства, но как только они узнают, что я сестра Лунина, подходят ко мне поговорить о тебе. Один служил с тобой, другой был под твоим начальством, третий служил с тем, другим, который служил с тобой, но знал тебя по устному преданию так, будто знал сам и близко. Одним словом, материалов больше чем достаточно для нескольких томов мемуаров. И должна ли я говорить тебе, что все это сплошная похвала тебе?

Каждый на свой манер, но все сходятся в одном, что Лунин — редкий человек. Это провозглашает и поэт Пушкин —

²³ Там же, № 21. Письмо № 356 от 28 февраля 1836 г.

²⁴ Там же, № 22. Письмо № 394 от 12 декабря 1836 г.

²⁵ Там же, № 21. Письмо № 339 от 1 ноября 1835 г.

кин, и самый прозаический служака. А что касается уса-
чей, служивших в твоём эскадроне... они плакали навз-
рыд, когда тебя потеряли! Славные люди! Они плачут еще,
вспоминая о тебе!»²⁶

Она думает не только о родном брате, но и о кузне-
нах Муравьевых.

«16 декабря 1832 г. Из С.-Петербурга — в Петров-
ский завод.

В каком волнении ожидала я решения о нашем доро-
гом кузене Александре! Если, как я опасалась, он гото-
вится разделить тюрьму своего брата на поселении, тетя
не простит мне этого никогда, если б я не приняла до-
статочно активного участия, чтобы добиться ему предо-
ставления выбора. Я действовала без его согласия. Но
посуди сам, могла ли я действовать по-другому?»²⁷

...Петербург, приемная шефа жандармов, десятиминут-
ная аудиенция — и «милостивое разрешение»: Александр
Муравьев, освобожденный от каторжных работ указом
1832 г., может выбирать место для поселения в Сибири.
Но слезы матери, унижительные хлопоты кузины оказа-
лись напрасными: Александр отказался от «дарованной
ему высочайшей милости» и по особому и опять «высо-
чайшему разрешению» остался в рудниках до окончания
срока каторжных работ брата Никиты...

Уже десять лет томятся узники в сибирских казема-
тах. Десять лет каторжания Луния не имеет права на
переписку. Это делает за него «сестра по изгнанию» Ма-
рия Волконская. И десять лет сестра Лунина безрезульт-
атно хлопочет об облегчении его участи.

Наконец, указом Сената от 14 декабря 1835 г. Михаил
Луний объявлен «государственным преступником, нахо-
дящимся на поселении». Сестре его это освобождение с
каторги приносит не только громадную радость, но и но-
вые заботы и переживания. Прощение Уваровой о поселе-
нии брата близ Иркутска, в селе Урик «удостоилось вы-
сочайшего снисхождения». К сообщению об этом Екатери-
на Сергеевна приложила 2200 рублей для устройства на
новом месте.

Луний начинает писать сам. Уже первые его письма
обращают на себя внимание жандармов. Лунину неинте-

²⁶ ИРЛИ, ф. 368, оп. 1, № 21. Письмо № 363 от 17 апреля 1836 г.

²⁷ Там же, № 18. Письмо № 215.

ресна «родственная переписка» с новостями о кузинах и тетушках: «В ссылке, как скоро переменялись обстоятельства, я опять начал действия наступательные». В письмах сестре он разворачивает целую программу, «чтобы обозначить органические вопросы быта общественного, которые разрешать необходимо».

Когда непокорному декабристу запрещают официальную переписку, он находит другие пути. Екатерине Сергеевне доставляют с тайной оказией письмо от брата²⁸.

«Ссылка. 15 сентября 1839 г.

Дражайшая. Ты получишь две приложенные при сем тетради. Первая содержит письма первой серии, которые были задержаны, и несколько писем второй, которых, очевидно, ждет та же участь. Ты позаботишься пустить эти письма в обращение и размножить их в копиях. Их цель нарушить всеобщую апатию. Вторая тетрадь содержит «Краткий обзор Тайного общества». Эта рукопись, составленная мною с целью представить вопрос в его настоящем свете, должна быть напечатана за границей... Ты можешь отослать ее Николаю Тургеневу через его брата Александра или поручить ее какому-нибудь верному человеку из иностранцев... В обоих случаях прими необходимые предосторожности: не посвящай родных и друзей в тайну; сговаривайся только устно, с глазу на глаз, с людьми, внушающими полное доверие... Я надеюсь, что ты исполнишь мое желание, не поддаваясь влиянию детского страха, которому у нас подвержены мужчины более, чем женщины, и который делает тех и других подобными стаду баранов».

На письме сохранилась помета Уваровой: «19 февраля. Москва. День моего приезда. Ответено ночью с 19-е на 20-е». Значит, сестра также прибегает к тайной оказии!

За первым секретным письмом последовали другие.

«Ссылка. 13/1 декабря 1839 г.

Дражайшая... Тебе передадут при сем Разбор... Прошу тебя переправить его за границу способами, указанными в моем предыдущем письме... Пустят также в обращение несколько рукописных экземпляров между своими знакомыми и друзьями в России. Вернейшим способом достигнуть нашей цели было бы, чтобы ты сама поехала весной за границу под предлогом лечения на водах...

²⁸ М. С. Лукин. Общественное движение в России. Письма из Сибири. М.—Л., 1926, стр. 31.

Я надеюсь, что ты свято исполнишь волю сосланного брата, дающего тебе доказательство уважения и дружбы, привлекая тебя к своим работам, предпочтительно перед другими лицами. Тот краткий срок, который нам осталось прожить на этом свете, не будет потерян, если мы его употребим на служение делу правды. Не позволяй морочить себя болтовней тем, которые проповедуют осторожность, чтобы замаскировать свой кретинизм. Верх осторожности для мужчины, при данных обстоятельствах, сделаться жандармом и полицейским шпионом...

Распространяй Письма и Обзор среди твоих знакомых, начиная с министров. Мои письма читают на почте и снимают с них копии. Ты не отвечаешь за нескромность бюрократов... Наконец, ты — моя сестра и, следовательно, так же как и я, не подвержена чувству страха...»²⁹

«Ссылка. 28/16 января 1840 г.

Дражайшая. Ты должна была получить: 1) Обзор, 2) Письма из Сибири, 3) Разбор. Прошу уведомить меня о получении этих трех рукописей, включив их названия в одну или несколько последовательных фраз в твоих официальных письмах. Я надеюсь, что мое желание об издании этих рукописей будет свято выполнено»³⁰.

И на этом письме помета Уваровой: «Получено 1 марта в Москве».

Письма Лунина столь красноречивы, что, кажется, не нуждаются ни в каких комментариях. Но выполняла ли сестра волю брата? Распространяла противоправительственные рукописи или нет?

Александр Тургенев — тот самый, к посредничеству которого рекомендовал прибегнуть Лунин, 31 марта 1840 г. записал в своем дневнике: «Обедал с Чаадаевым у Катерины Федоровны Муравьевой. Дружеская беседа, главным образом о Луине. Тараторка-сестра вредит ему, а он — другим, ибо и их почитают того же мнения». 18 июня 1840 г.: «С Уваровой — выговаривал ей болтовню ее». 25 августа 1841 г.: разговор о Муравьевых, об Уваровой, о Луине»³¹.

Декабрист Д. Завалишин утверждал в своих воспоминаниях о Луине, что его письма сестре расходились

²⁹ М. С. Лунин. Общественное движение в России. Письма из Сибири, стр. 33—35.

³⁰ Там же, стр. 37.

³¹ Цит. по: И. Боричевский. Пушкин и «нераскаянные» декабристы. — «Звезда», 1940, № 8-9, стр. 264—265.

в копиях по Петербургу, «где очень были рады высказать чужими словами то, чего сами не смели сказать от себя»³².

В сборник сибирских писем, предназначенных для распространения, Лунин включил свой ответ троюродной сестре, жене министра финансов, графине Канкриной (разумеется, не называя адресата): «Милостивая государыня! Письмо, которое Вам угодно было написать, возбудило во мне чувства, сиздавна чуждые моему сердцу...

Я радуюсь, что мои письма к сестре Вас занимают... Гласность, какую пользуются мои письма через многочисленные списки, обращает их в политическое орудие, которым я должен пользоваться на защиту свободы...»³³

К сожалению, Лунин преувеличивал степень распространения рукописей. Светские знакомые Уваровой — не тот круг людей, среди которых идеи Лунина встретили бы сочувствие и поддержку. Вне России же при жизни декабриста вообще ничего не было напечатано, хотя долго распространялись слухи, даже среди ссыльных, что причина его вторичного ареста — издание рукописей за границей. Только двадцать лет спустя сочинения Лунина напечатал Герцен в своей «Полярной звезде».

Не захотела или не смогла Екатерина Сергеевна исполнить волю брата? Об этом остается только гадать...

Судя по официальным бумагам, Уварова делала брату «наставления». О ее попытках «утихомирить» говорится и в воспоминаниях Михаила Бестужева: Лунин дразнил «белого медведя», не обращая внимания на мольбы обожавшей его сестры. Самое интересное, что ни в одном из сохранившихся писем Екатерины Сергеевны к брату об этом нет ни слова. Может быть, Михаилу Сергеевичу не хотелось хранить такие?

Уварова достаточно умна и тонка, чтоб понимать, сколь разные они с братом: «Мы здесь жалуемся на то, что проливной дождь заставил перенести праздник в Петергофе на другой день. А ты, без конца борющийся с губительным климатом, ты жалуешься только на то, что нарушает твое одиночество. Ты не чувствуешь себя достаточно уединенным в Сибири!»³⁴

³² Д. Завалишин. Декабрист М. С. Лунин. — «Исторический вестник», 1880, кн. 1, стр. 149.

³³ М. С. Лунин. Сочинения и письма. Пг., 1923, стр. 60.

³⁴ ИРЛИ, ф. 368, оп. 1, № 22. Письмо от 3 июля 1837 г.,

Лунин — революционер, борец. Уварова — добрая христианка и верноподданная своего монарха. Она считает праведником и мучеником «государственного преступника» Лунина и в то же время верит в милосердие и справедливость государя, отправившего его на каторгу. Екатерина Сергеевна — просто честный и добрый человек. Поэтому-то, не понимая брата и не разделяя его убеждений, но чувствуя многое сердцем, она всячески облегчает его участь, обеспечивает всем необходимым не только для физического существования, но и для духовной жизни. В 1832 г. Уварова добилась разрешения внести в ломбард или разменный банк 30 000 рублей с тем, чтобы проценты с этого капитала шли на содержание Лунина в Сибири. В архиве хранятся многочисленные расписки коменданта Петровского завода Лепарского о получении на имя Лунина писем с вложением тысячи рублей. Сибирские купцы для Михаила Сергеевича возят из Петербурга или Москвы пудами кофе, сахар, табак, свечи, десятками — бутылки «Chateau la Fite» высокого качества. В своих заботах сестра доходит до того, что отправляет в Сибирь четырехместный экипаж и даже фортепьяно. Екатерина Сергеевна пересылает брату большую и исключительно ценную библиотеку латинских, греческих и французских авторов. От нее Лунин требует присылки журналов и газет, текущей литературы, необходимых ему для составления противоправительственных сочинений.

Когда 27 марта 1841 г. Лунина схватили и отправили в Акатуйскую каторжную тюрьму, Уварова, не зная с точностью, жив ли брат и где он находится, так же упорно, как прошедшие пятнадцать лет, шлет ему письма, деньги, посылки.

В Государственном архиве Иркутской области сохранилось распоряжение иркутскому губернатору, подписанное Бенкендорфом через три месяца после ареста и исчезновения декабриста: «Несколько писем действительной статской советницы Уваровой к брату ее, государственному преступнику Лунину, были отосланы с моего разрешения, и я считаю возможным оные ему выдать, не нарушая принятых в отношении к Лунину, в исполнение высочайшей воли, мер строгости»³⁵.

³⁵ ГАИО, ф. 24, оп. 3, № 6, к. 30, л. 159.

В 1841 г. на имя Михаила Лунина пришло двадцать одно письмо, сто девяносто рублей, девять посылок. В 1842 г. — тридцать писем, семь посылок, более восьмисот рублей. Не приходится сомневаться, что отправителем в большинстве случаев была его преданная сестра.

Лунин умер 3 декабря 1845 г. скоропостижно и загадочно. В Сибири долго ходили слухи, что его убили.

Уварова узнала о смерти брата только через четыре месяца. В Пушкинском доме сохранился такой документ:

«Е. С. Уварова, Петербург, дом графини Канкриной — В. Я. Руперту, генерал-губернатору Восточной Сибири. Милостивый государь Вильгельм Яковлевич!

Тяжкая болезнь, постигшая меня в Берлине, заставила окружающих меня долгое время скрывать горестную весть о кончине несчастного брата моего Михаила Лунина. Я только что оправилась и возвратилась в Россию, что причина, почему я столь замедлила обратиться к Вашему превосходительству с покорною просьбою не оставить Вашим начальническим распоряжением...»²⁶ Уварова просит все вещи и книги Лунина передать Марии Волконской, а недвижимое имущество покойного — ее мужу для последующей передачи «в пользу нуждающихся». С помощью Волконских она поставила памятник на могиле брата-декабриста.

Смерть брата произвела сильное впечатление на Екатерину Сергеевну. Через два с лишним года, в октябре 1848 г., она пишет своей подруге А. В. Плетневой: «Что касается меня, дорогая Саша, я не могу сказать, сколько мое сердце печально. Несмотря на счастливое возвращение Сергея (сына. — Э. П.), я не могу радоваться — мое сердце как будто лишилось этой способности. Я обвиняю себя в неблагодарности к провидению за огромные благодеяния, но как я ни стараюсь, я не могу больше ничему радоваться»²⁷.

Сама Екатерина Сергеевна признается, что это необычное для нее состояние. Ведь она лунинской породы — деятельная, энергичная, а потому и сильная. Такой она остается и теперь, хотя ей уже под шестьдесят. Чаще всего она живет в Дерпте или Берлине («Эта бедная женщина в Берлине, где ее сын надоедает Гумбольдту и

²⁶ ИРЛИ, ф. 187, д. 86.

²⁷ Там же, ф. 234 (Плетнева), оп. 4, № 195.

всем университетским ученым своим арабским языком», — иронизировал когда-то Михаил Лунин в письме из Акагуя С. Г. Волконскому)³⁸.

3 апреля 1854 г. Е. С. Уварова пишет из Дерпта С. Г. Волконскому в Иркутск: «... Я живу в этом городе, куда с божьей помощью вскоре придет моя невестка Мария, так как мой сын Александр находится в лагере со своим полком. Сын Сергей собирается держать докторский экзамен, а, кроме того, в видах экономии, вызванной расстройством нашего состояния, мы сочли пужным выбрать этот город, который предоставляет все возможности для умственного развития и где жизнь наименее дорогая»³⁹.

Через много лет после смерти брата Екатерина Сергеевна помнит не только о нем, но и о близких ему людях. Привязанная «всем сердцем» к семье Волконских, переписывается с ними, посылает деньги для поддержания старого преданного слуги Лунина — Василича и его семейства.

Последнее из известных писем Е. С. Уваровой в конце 1856 г. адресовано П. А. Вяземскому: «Если у Вас сохранился какой-то интерес к старинной знакомой, которая знала Вас и восхищалась Вами во времена более счастливые и — увы! — давно прошедшие, я скажу Вам, князь, что мой старший сын Александр по-прежнему военный, женат на Наталье Горчаковой, племяннице защитника Севастополя, и что я имею счастье быть бабушкой двух очаровательных малюток. Мой младший сын Сергей, посвятивший себя исключительно науке, сдал экзамен на доктора филологии и истории в университете в Дерпте, где он и находится сейчас со мною в целях защиты своей диссертации...»⁴⁰

Музыка, искусство, как и в молодости, наполняют жизнь старой женщины. С русскими студентами, живущими в Дерпте, она репетирует любительские спектакли; посылает в Веймар великой княгине Марии Павловне одну из своих музыкальных композиций...

Екатерина Сергеевна умерла в 1868 г., повидав многое за свою долгую жизнь.

³⁸ Письмо опубликовано в кн.: С. Я. Гессен и М. С. Коган. Декабрист Луний и его время. Л., 1926, стр. 270—271.

³⁹ ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, № 252.

⁴⁰ ЦГАЛИ, ф. 195 (Вяземских), оп. 1, № 2908.

Она родилась в царствование Екатерины II, пережила ее сына Павла и двух внуков — Александра I и Николая I.

Она знала Пушкина и пережила его гибель.

Она знала Никиту Муравьева и Петра Вяземского, Сергея Муравьева-Апостола и Василия Жуковского, Сергея Волконского и Бенкендорфа и видела, как одни уходили «в никуда», а другие — в министры...

Она видела первую железную дорогу в России и, конечно же, была против нее, потому что «с доброй тройкой» и «русским удалством» можно ездить почти с такой же скоростью, но с большей безопасностью...

Она была современницей первого в России организованного революционного выступления — восстания декабристов.

Она дожила до 1856 г., когда царь Александр II дал амнистию революционерам, но когда среди живых уже не было наиболее близких ей Михаила Лунина и Никиты Муравьева.

Она дожила до крестьянской реформы, освободившей крестьян от крепостной зависимости, о чем тщетно мечтал ее брат.

Екатерина Сергеевна Уварова была обыкновенной помещицей. Но ей адресованы сибирские письма Лунина — одно из замечательнейших революционных сочинений. Она была монархисткой, но боготворила брата и тогда, когда его объявили врагом ее монарха, и не побоялась сохранить для потомков рукописи, стоявшие нескольких лет каторги.

В одном из писем Уваровой брату в Сибирь есть такие слова: «Как знать, не использует ли, действительно, однажды кто-нибудь мои воспоминания — и тогда я останусь в памяти потомков как сестра Лунина и смогу подать руку служанке Мольера»⁴¹.

Екатерина Уварова не претендовала на какую-либо историческую роль — и осталась в истории русского освободительного движения.

⁴¹ ИРЛИ, ф. 368, оп. 1, № 21. Письмо № 363 от 17 апреля 1836 г.

Глава VI

ДЕТИ

Няньки у меня никогда не было. Меня качали, пиячили, учили и воспитывали декабристы... Лично для меня они были незаменимы, я их потом везде искала, мне их недоставало в жизни...

Ольга Анненкова

А. И. Герцен называл своих сверстников детьми декабристов, подчеркивая тем самым огромное нравственное влияние первых русских революционеров на следующие поколения.

А как это влияние сказалось на детях самих декабристов? Какими они выросли?

«Первые мои воспоминания — тюрьма и оковы. Но несмотря на всю суровость этих воспоминаний, они лучшие и самые отрадные в моей жизни»¹. Так начинается свои записки дочь декабриста Ивана Анненкова — Ольга.

Она родилась в мае 1830 г. в Чите. Годом раньше там же появились на свет Вася Давыдов и Нонушка Муравьева, в феврале 1830 г. — Саша Трубецкая, в Петровском заводе в 1831 г. — Владимир Анненков, Александра Давыдова, Кондратий Розен, в 1832 г. — Миша Волконский, Вася Розен... «Несчастные жертвы любви необдуманной».

«Образ жизни наших дам, — вспоминал Иван Якушкин, — очень отзывался и на них; находясь почти ежедневно в волнении, во время беременности подвергаясь часто неблагоприятным случайностям, многие роды были несчастливы, и из 25 родивших в Чите и Петровском было 7 выкидышей; зато из 18 живорожденных умерли только четверо, остальные все выросли»².

Новорожденных принимал Фердинанд Богданович Вольф, который не только врачевал своих товарищей, но и исполнял обязанности акушера. Дети становились общей радостью и общей заботой. Их нянчат, лечат, учат и воспитывают сообща. Материальные лишения не ощу-

¹ Воспоминания Полины Анненковой. М., 1929, стр. 183.

² Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951, стр. 137.

щались детьми: все, что получалось кем-то из России, делилось между ними поровну; иногда привезенные вещи разыгрывались в лотерею, доставляя немалую радость малышам. Тяжело заболела Оля Анненкова — от ее постели не отходят Вольф и Артамон Муравьев, сменяя друг друга. В 1844 г. Ольге исполнилось четырнадцать лет, а ее крестный Муравьев «ничего не забыл, даже ее первые фразы»³. В 1840 г. осиротели трое детей Ивашевых — пяти, четырех и двух лет, они остались на попечении старой бабушки, к тому же плохо владевшей русским языком. Заботу о детях тут же взяли на себя товарищи отца: Н. В. Басаргин и И. И. Пущин. «Грустно, больно мне будет с ними расставаться, — писал Басаргин. — Но моя обязанность — забыть о себе и думать об их счастье. Я уверен, что родные их не откажутся хоть изредка говорить об них со мной. Это будет одним из величайших утешений, потому что, где бы они ни были, я не перестану мысленно следить за их судьбой»⁴.

И действительно, со своей крестницей Марией Ивашевой Басаргин был в постоянной переписке, несколько раз виделся с нею. Когда та выходила замуж — прислал ей свое благословение...

«Нигде дети не могли быть окружены более неустанным попечением, как в Чите и Петровском; тут родители их не стеснялись никакими светскими обязанностями и, не развлекаясь никакими светскими увеселениями, обращали беспрестанно внимание на детей своих», — продолжает Якушкин⁵.

С детьми занимаются русским языком и несколькими иностранными, музыкой, знакомят их с начатками словесности и истории. Саша Трубецкая и Вася Давыдов прекрасно рисуют. Первые учителя — родители и их товарищи. Ольгу Анненкову музыке учил П. Н. Свистунов. Первые уроки русского языка давал ей В. А. Бечаснов. Н. А. Панов постоянно рассказывал басни и даже выписал для нее первое издание басен Крылова. На поселении, в Туринске, уроки музыки продолжала вести Камилла Петровна Ивашева, ее мать обучала француз-

³ Воспоминания Полины Анненковой, стр. 193.

⁴ О. К. Буланова-Трубникова. Три поколения. М.—Л., 1928, стр. 68.

⁵ Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина, стр. 138.

скому. Михаил Луний учил Мишу Волконского английскому языку и, даже оказавшись на каторге в Акатуе, продолжал заботиться об успехах своего бывшего воспитанника. «Занятия Миши дают мне пищу для размышления в глубине темницы,— писал он Марии Николаевне.— В настоящее время главный предмет — это изучение языков. Помимо французского и английского, латинский и немецкий являются безусловной необходимостью... Есть еще один язык, греческий, но время его настанет позднее. Заклинаю Вас говорить всегда по-французски или по-английски с Мишей и никогда по-русски... Одна беседа стоит десяти уроков... Попросите выслать подбор... руководств по истории, географии, математике и т. д.»⁶ В письме к самому Мише (написанному и посланному так же нелегально, как и предыдущее) Луний поучал воспитанника: «Не читай книги, случайно могущие попасть в твои руки. Ты должен знать, что мир переполнен глупыми книгами и что число полезных книг очень невелико. Как только ты получаешь новую книгу, первым делом ты должен подумать, какую пользу может она принести тебе. Если ты найдешь, что она не включает ничего, кроме пустых рассказов или скучных рассуждений, то отложи ее в сторону и возмись за свою грамматику или за какую-нибудь другую хорошую книгу, которая дает полезные сведения»⁷.

На шестнадцатый год изгнания по «высочайшей воле» (и по случаю бракосочетания наследника Александра Николаевича) начал пересматриваться вопрос «о детях, рожденных в Сибири от сосланных туда государственных преступников, вступивших в брак в дворянском состоянии до постановления о них приговора». «Из сострадания к их родителям, пожертвовавшим всем для исполнения супружеских обязанностей», разрешалось принять детей в казенные учебные заведения, но при условии, что дети не будут носить фамилии отцов и станут именовать по их отчествам, т. е. не Трубецкими, а Сергеевыми, не Муравьевыми, а Никитиными и т. д.

На царскую «милость» согласились только Давыдовы. Трубецкие, Волконские и Муравьев отказались. «Отнятие у дочери моей фамильного ее имени поражает существо

⁶ Письма опубликованы в кн.: С. Я. Гессен и М. С. Коган. Декабрист Луний и его время. Л., 1926, стр. 272—273.

⁷ Там же, стр. 269.

невинное и бросает тень на священную память матери и супруги. Отдача дочери моей в чужие руки довершила бы ее сиротство», — писал В. Я. Руперту Никита Муравьев⁸. Мария Волконская в письме брату Александру более откровенно изливала «крик сердца» своего: «Отказаться от имени отца — это такое унижение, подвергнуть которому своих детей я не могу взять на себя»⁹.

Прошло два года. Никита Муравьев умер, его дочь осталась круглой сиротой. Четырнадцатилетнюю девочку с фельдъегерем отправляют к бабушке, в Москву. «Дай бог ей найти в том мире, где она скоро будет, по крайней мере часть тех забот и расположения, которые окружали ее до сих пор», — писал Якушкин; — что кажется достоверным в настоящий момент, это то, что Катерина Федоровна будет очень рада иметь ее в Москве: надо надеяться, что провидение позаботится о бедной девочке и поможет ей найти путь среди всех горестей, которые окружают ее»¹⁰.

Девочку тут же определяют в Екатерининский институт под фамилией «Никитина», что дает Марии Волконской повод для справедливого возмущения: «Если честные люди находят искренно, что мы хорошо сделали, последовав за нашими мужьями в изгнание, то вот награда Александрине, этой святой женщине, которая умерла на своем посту для того, чтобы заставить дочь свою отречься от имени своего отца и своей матери»¹¹.

Однако Софья Муравьева не отреклась. Она не откликнулась на фамилию «Никитина», и ее звали по имени. Существует рассказ о посещении института императрицей Александрой Федоровной, которая спросила девочку: «Почему, Новушка, ты мне говоришь «тадам», а не называешь «тапан», как все девочки?» И та ответила: «У меня есть одна только мать, и та похоронена в Сибири»¹².

Подобно тому как когда-то Александра Григорьевна Муравьева своей смертью купила облегчение участи живых, так теперь ее дочь прокладывала дорогу другим: вскоре двух девочек Трубецких приняли в Иркутский ин-

⁸ ОР ГБЛ, ф. 233, л. 10, ед. хр. 38. Письмо от 19 апреля 1842 г.

⁹ М. Н. Волконская. Записки, 1914, стр. 206. Приложения.

¹⁰ Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина, стр. 300.

¹¹ Труды Государственного исторического музея, вып. II, М., 1926, стр. 127.

¹² С. Волконский. О декабристах. Пг., 1922, стр. 70.

ститут под фамилией отца; когда в 1846 г. Мишу Волконского (с разрешения шефа жандармов и родственника А. Ф. Орлова) определяли в Иркутскую гимназию, вопрос о перемене фамилии уже не ставился.

Пример окружающих, прежде всего родителей, часто имеет решающее значение в воспитании. Дом Трубецких всегда «набит слепыми, хромыми и всякими калеками»¹³. Поэтому, наверное, у их сына Вани, которому только десять лет, «премного бедных, за которыми ухаживает»¹⁴. Старшая Саша — «добра как ангел»; «чудная девочка до того привязана к родителям, что не хочет решиться их оставить; преумнейшая особа и одарена многими талантами»¹⁵. Когда Саше было только два года, Якушкин предсказывал: «Добрая Катерина Ивановна... занимается своей Сашинькой беспрестанно, и к тому же так благоразумно, что Сашинька теперь уже премилое дитя и, наверно, будет преблаговоспитанная девушка»¹⁶.

В воспитании Миши и Нелли Волконских решающее слово принадлежало матери. Дети идут путем земного преуспеяния. Для красавицы Нелли — это замужество (только третий брак ее оказался прочным; два первых мужа скоро умерли). Для Миши — служебная карьера. В год амнистии он был уже чиновником особых поручений при сибирском генерал-губернаторе¹⁷.

Амнистия вернула детям декабристов утраченные привилегии: отцовские фамилии, дворянство, титулы. Дети выросли, женились, вышли замуж, у них появились собственные дети — внуки декабристов. Но кем бы они ни стали, детские годы, проведенные среди честных и благородных людей с возвышенными идеалами, не могли пройти бесследно.

Ольга Анненкова, «эта прекрасная, чистая душа, возвышенная и благородная» (Ф. М. Достоевский), писала от

¹³ Из письма А. Н. Суттофа И. И. Пущину. — В кн.: Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина, стр. 655.

¹⁴ Письма декабриста Алексея Петровича Юшневского и его жены Марии Казимировны из Сибири. Киев, 1908, стр. 162.

¹⁵ Там же, стр. 160.

¹⁶ Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина, стр. 256—257.

¹⁷ О М. С. Волконском см.: Н. В. Зейфман. Источники по истории правительственной политики в области образования в 1880-х годах и материалы по истории декабризма (Архив М. С. Волконского). — Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 33. М., 1972.

своего имени, но по существу говорила и за других: «Известно многим уже, какие люди были декабристы, с каким достоинством переносили свое положение, какую примерную, безупречную жизнь вели они сначала в каторжной работе, а потом на поселении, разбросанные по всей Сибири, и как они были любимы и уважаемы везде, куда бросала их судьба... Понятно, что у детей, все это видевших, составилось такое понятие, что все между собою родные, близкие и что весь мир такой (другого они не видели), а потому тяжело им было потом в жизни привыкать к другим людям и другой обстановке. При этом положение было слишком изолированное, и такое отчуждение от жизни, от людей не могло не отзываться на детях... Но если декабристы не научили нас житейской мудрости, зато они вдохнули нам такие чувства и упования, такую любовь к ближнему и такую веру в возможность всего доброго, хорошего, что никакие столкновения, никакие разочарования не могли потом истребить тех идеалов, которые они нам создали»¹⁸.

Если дети и не продолжали дело отцов, то по крайней мере стремились сохранить память о них. Записки С. Г. Волконского и его жены М. Н. Волконской впервые в России были изданы их сыном, весьма преуспевающим князем Михаилом Сергеевичем. Первое русское издание воспоминаний А. Е. Розена также предприняли его наследники. «Записки князя С. П. Трубецкого» вышли в свет по инициативе и с предисловием его дочери — Зинаиды Сергеевны Свербеевой. Ольга Иванова (Анненкова) не только дала жизнь воспоминаниям своей матери, но и прибавила к ним свои впечатления о пережитом в Сибири, о людях, которых она там узнала.

Когда-то, после 1826 г., мать Никиты Муравьева, Екатерина Федоровна, стала как бы начальником штаб-квартиры, осуществлявшей связи с сибирскими изгнанниками. Муравьева давно уже нет в живых, умерла и его мать. На смену бабушке пришла ее внучка — Софья Никитична, Нонушка, живущая в собственном доме в Москве, на Малой Дмитровке...

Давно ли Нонушка была девочкой, «самым прелестным существом, какое можно видеть на этом свете», ребенком, «необыкновенно одаренным врожденно прекрасны-

¹⁸ Воспоминания Полины Анненковой, стр. 188.

ми чувствами»¹⁹ и до того напоминающей свою мать, что нельзя, казалось, «глядеть на нее равнодушно»²⁰. Давно ли ей было шесть, потом десять лет, когда Федор Вадковский писал с восторгом другу Оболенскому: «Насчет Нонушки я тебе скажу, что я чрезвычайно приятно был обманут в своих ожиданиях; по письмам и по толкам, до меня доходившим, я думал, что найду в ней ребенка больного, худого, бледного и физически и нравственно увядающего и проч.— вместо этого, представь мою радость, когда в мои объятия бросилась девочка румяная, до крайности живая и бойкая, ласковая, умненькая, разговорчивая, но, должен признаться, несколько своевольная... Я был в восхищении и так растроган, что раза два убежал в переднюю, чтоб скрыть свои слезы! Тем более что все в ней удивительно как напоминает ее мать!»²¹

Теперь Нонушка уже Софья Никитична Бибикова. Ее муж — Михаил Илларионович Бибиков, племянник Матвея Муравьева-Апостола, сын знаменитой красавицы, фрейлины Екатерины Ивановны. Чтоб быть ближе к дяде, Михаил Бибиков, служивший в Петербурге в уланском полку, перебрался в Сибирь — адъютантом генерал-губернатора. Он всегда хлопотал за дядю Матвея, который последние годы своей жизни провел в доме Бибиковых.

«Дом бабушки Софьи Никитичны Бибиковой, — начинает свои воспоминания А. Бибикова, — был настоящим музеем, и особая прелесть этого музея была в том, что у него была душа, что все эти картины и миниатюры, старинная тяжелая мебель и огромные книжные шкапы, мраморный бюст прадеда в большой двусветной зале — все это жило, все было полно воспоминаний. Каждая вещь имела свою историю и сохраняла в себе тепло семейной обстановки, печать привычек, вкусов, мыслей своих обладателей. Это все были живые свидетели прошлого, блестящего и трагического, прошлого в шитых мундирах и арестантской шинели, свидетели, связывавшие его с настоящим и неразрывно с самой бабушкой»²².

¹⁹ Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина, стр. 256—257, 275.

²⁰ ОР ГБЛ, ф. 319, п. 1, ед. хр. 83. Письмо А. Давыдовой Н. Фонвизиной (без даты).

²¹ Декабристы. Неизданные материалы и статьи. М., 1925, стр. 213.

²² А. Бибикова. Из семейной хроники. — «Исторический вестник», 1916, № 11, стр. 404.

Вот старинное кресло, в котором умер Никита Муравьев, рабочий столик в виде жертвенника — подарок декабриста жене, всевозможные часы — память о дорогих людях, портреты и миниатюры, изображающие многочисленных родственников, среди которых немало сотоварищей Никиты Михайловича...

«Как все это благоговейно показывалось и смотрелось! Это все были страницы жизни, и при этом в рассказах и воспоминаниях проходили, как китайские тени на экране, фигуры декабристов Волконского, Трубецкого, Свистунова, Оболенского, Поджио, барона Розена, Сутгофа, Якушкина и многих других, вернувшихся из Сибири и собиравшихся у бабушки в доме по пятницам.

...И среди всего этого прошлого бабушка Софья Никитична, в своем неизменном черном, простом платье, с крупными морщинами на характерном лице, с белыми как серебро волосами. Несмотря на скромное, почти бедное платье, от нее веяло таким благородством, такой истинной барственностью... На всю ее жизнь и на характер, — продолжает правнучка декабриста, — неизгладимый отпечаток наложила ее жизнь с отцом, все, что она видела и слышала в детстве. Бабушка не только любила своего отца, она его просто боготворила и свято чтит его память и все, что он успел передать ей из своих знаний»²³.

Нонушка Муравьева осиротела в четырнадцать лет, и с тех пор и на всю жизнь самыми близкими для нее оставались товарищи отца. С ними она по-родственному встречается, по-родственному переписывается. Вот ее письмо Гавриилу Степановичу Батенькову, заброшенному судьбой в Калугу. Письмо послано 21 июня 1863 г. из села Старая Ивановка Курской губернии, где находилось имение Бибиковых.

«Перед отъездом нашим удалось мне видеть многих из наших. Сергей Григорьевич Волконский был у нас проездом... Он, благодаря бога, бодр и свеж. Все его семейство здорово, но собирается за границу... Потом был проездом Иван Александрович Анненков, и накануне отъезда я обедала с ним и Свистуновыми у Натальи Дмитриевны (Фонвизиной. — Э. П.). Все они, благодаря бога, здоровы и все Вас приветствуют. В последнее свое пре-

²³ Там же, стр. 425.

бывание в Москве бедный Матвей Иванович все хворал, более лежал даже, от своих ног; дня за два до нашего отъезда ему стало лучше... Про Якушкина ни слуху ни духу...»²⁴ Сколько тепла и родственной нежности в этих строках, обращенных к одинокому 70-летнему старику!

В 70-х годах Лев Толстой, работая над романом о декабристах, навещал С. Н. Бибикову. В марте 1878 г. он сообщает С. А. Толстой: «Нынче был у двух декабристов, обедал в клубе, а вечер был у Бибикова, где Софья Никитична (рожденная Муравьева) мне пропасть рассказывала и показывала»²⁵.

В 1843 г. Якушкин желал девочке «найти путь среди всех горестей, которые окружают ее». Сквозь эти горести Софье Никитичне пришлось идти до последних дней жизни. Нескончаемым и самым тяжелым напоминанием о прошлом была сестра Екатерина, сошедшая с ума. Живет она тут же, на Малой Дмитровке, в отдельном двухэтажном флигеле, со своим штатом прислуги, окруженная мамками, сиделками, приживалками. Здесь же, на Дмитровке, умирает 16-летняя дочь Софьи Никитичны, через несколько лет — младший сын, на двадцать втором году жизни...

Софья Никитична всегда была равнодушна к светским удовольствиям и условностям, по этой причине и, наверное, памятуя свое прошлое, она ни за что не согласилась отдать сыновей в Пажеский корпус. У нее был широкий круг интересов: литература, политика, искусство. Она много путешествовала: по Италии, Франции, Швейцарии. Как и все Чернышевы, была не без странностей. Внучка вспоминает характерный эпизод: бабушка, не зная географии собственного огромного дома, заблудилась в нем, не захотев беспокоить прислугу, попала в комнату камердинера и переполошила всех. И делает из этого вывод, не лишенный справедливости: «Вообще эта скромность, это желание оставаться как можно незаметней, одеться как можно проще, эта боязнь помешать, дать людям лишнюю работу — характерная черта чернышевской семьи, часто приводившая к большому курьезам и как раз обратным результатам»²⁶.

²⁴ ОР ГБЛ, ф. 20 (Батенькова), карт. 10, ед. хр. 40.

²⁵ Л. Н. Толстой. Письма. Спб., 1911, стр. 93.

²⁶ А. Бибикова. Из семейной хроники, стр. 425.

После смерти сына Софья Никитична никогда уже не снимала траур, находя утешение только в вере. Умерла она внезапно. Это случилось 7 апреля 1892 г.

Не просто хранителем декабристских реликвий и памяти о самих декабристах, но прямым продолжателем дела отцов стал Евгений Иванович Якушкин.

Впервые он увидел отца уже вполне сложившимся человеком, двадцати семи лет: работая в Министерстве государственных имуществ, Евгений Иванович добился в 1853 г. командировки в Сибирь. В свое время декабрист решительно воспротивился тому, чтобы его сыновья были отданы на казенный счет в военные заведения. Евгений окончил юридический факультет Московского университета.

Первая же встреча сына с отцом подтвердила не только родственную, но и духовную, идейную близость, наметившуюся уже в их переписке. Тогда же и на всю жизнь Евгений Иванович подружился с товарищами отца: И. И. Пуциным, Е. П. Оболенским, М. И. Муравьевым-Апостолом и другими. С 1855 г. сын декабриста во второй раз навещал сибирских изгнанников.

Евгений Иванович Якушкин был замечательным человеком во многих отношениях. Представитель демократического лагеря, от примкнул к московскому кружку друзей Герцена, в числе сотрудников журнала «Библиографические записки» вступил в непосредственные отношения с Герценом, стал тайным корреспондентом «Полярной звезды»²⁷. Благодаря Якушкину впервые за границей были опубликованы воспоминания И. И. Пупина, записки И. Д. Якушкина, бумаги К. Ф. Рылеева и вообще большинство декабристских материалов в «Полярной звезде». Такая же заслуга принадлежит Е. И. Якушкину в публикации неизданных и запрещенных произведений Пушкина и других документов, не допущенных в русскую печать.

Многие воспоминания декабристов не только были опубликованы, но и написаны благодаря усилиям Е. И. Якушкина. Вообще он сыграл исключительную роль в жизни ветеранов, вернувшихся из долголетней сибирской ссылки. Он помог старикам устроиться в новом для них мире, не растеряться, через Евгения Ивановича

²⁷ О Е. И. Якушкине см.: *Н. Я. Эйдельман*, Тайные корреспонденты «Полярной звезды», М., 1966,

они держали связь между собой. Среди них было немало нуждающихся. По инициативе Е. И. Якушкина возникла артель, объединившая всех декабристов, рассеянных по стране. Евгений Иванович был бессменным руководителем артели и распорядителем средств как человек, пользовавшийся безграничным доверием, уважением и любовью товарищей отца. Со всеми он в переписке, подбадривает, советует и, наконец, определяет их главное дело после возвращения из изгнания — писать воспоминания.

Записки Ивана Ивановича Пущина открывались письмом декабриста Евгению Ивановичу: «Как быть! Надобно приняться за старину. От Вас, любезный друг, молчком не отделаешься — и то уже совестно, что так долго откладывалось давнишнее обещание поговорить с Вами на бумаге об Александре Пушкине, как бывало говаривали мы об нем при первых наших встречах в доме Бронникова»²⁸.

Евгений Иванович буквально заставил записать воспоминания Е. П. Оболенского, В. И. Штейнгеля, Н. В. Басаргина; И. Д. Якушкин диктовал свои воспоминания сыновьям.

Е. И. Якушкин умер в 1905 г. Имя этого неутомимого собирателя наследия декабристов навсегда сохранится в истории.

Еще одна декабристская семья пустила прочные корни в русском освободительном движении.

После Октябрьской революции, в 1928 г., вышла в свет книга под названием «Три поколения». Ее автор — О. К. Буланова-Трубникова, внучка декабриста Василия Ивашева, дочь лидера женского движения М. В. Ивашевой-Трубниковой, участница революционной борьбы 70—80-х годов.

«У нас в семье, — вспоминает О. К. Буланова, — вообще существовал культ декабристов: о них, об их борьбе за свободу родного народа говорили с благоговением; мы с детства знали их всех в лицо в мамином альбоме и десятки раз слышали рассказы о 14 декабря»²⁹.

Маня Ивашева, старшая дочь декабриста, родилась 7 января 1835 г. в Петровском заводе. В 1839 г. счастливый отец писал о ней родным: «С каждым днем ста-

²⁸ И. И. Пущин. Записки о Пушкине. М., 1937, стр. 17.

²⁹ О. К. Буланова-Трубникова. Три поколения, стр. 145.

новится все прелестнее, резвее и грациознее и уже теперь обещает много утешений в будущем»³⁰. Тогда еще В. П. Ивашев не знал, что ни у него, ни у его жены Камиллы никакого будущего нет. Когда сирот в 1841 г. привезли на попечение теток в Симбирскую губернию, их записали в купеческое сословие и именовали до 1856 г. Васильевыми.

Но как бы ни именовали детей, они получили прекрасное воспитание в семье сестры отца — Хованской. В просвещенной помещичьей среде их приучили к книгам, к серьезному чтению, обучали не только литературе, иностранным языкам и истории, но даже философии и естествознанию. Может быть, важнее всего этого были идеи гуманизма, товарищества, внушаемые детям, а также культ декабристов в семье, беспредельное уважение к В. П. Ивашеву и его товарищам, бережное сохранение всех бумаг, писем погибшего декабриста. Когда в 1848 г. в Поволжье разразилась холера, княгиня Хованская не только сама посещала больных, но и брала с собой старших детей и племянницу Машу. Отношения с крестьянами в имении были патриархальные, по крайней мере крепостных не притесняли.

В 1854 г. Маша выйдет замуж, у нее появятся собственные дети, которым она будет прививать «гуманные идеи и демократические, отчасти даже нигилистические воззрения»³¹, уважение к труду, сердечное отношение к окружающим, чувство долга и сознание важности общественных интересов. «Вообще атмосфера нашего дома, — вспоминает О. К. Буланова, — была пропитана идеями свободы, равенства и братства, имена тогдашних борцов за них, каковы Чернышевский, Михайлов, были мне знакомы с детства, а братьев Серно-Соловьевичей мы знали, как своих»³².

Семейной идиллии, однако, не было. К. В. Трубников, пленивший когда-то невесту «главным образом, своим либерализмом и цитатами из Герцена»³³, превратился в крупного предпринимателя, дома вел себя как деспот и самодур. Духовный разлад между супругами вскоре был

³⁰ О. К. Буланова. Роман декабриста. М., 1933, стр. 334.

³¹ О. К. Буланова-Трубникова. Три поколения, стр. 145.

³² Там же, стр. 146.

³³ Там же, стр. 72.

оформлен и юридически. Мария Васильевна осталась с четырьмя детьми, из которых старшая Ольга еще не окончила гимназию.

М. В. Трубникова была не только сильным и энергичным человеком, но обладала обаянием, привлекала к себе честностью и искренностью, цельностью натуры. При всей широте интересов с конца 1850-х годов главным в ее жизни стал женский вопрос.

Вокруг Трубниковой в Петербурге складывается кружок передовой образованной молодежи. Ядро кружка составляют М. В. Трубникова, Н. В. Стасова, А. П. Философова. Их цель — борьба за права и знания для женщин.

Начинают с филантропического «Общества дешевых квартир и других пособий» для нуждающихся женщин.

Следующий шаг — создание женской артели «Общество переводчиц-издательниц», как один из способов достижения экономической независимости женщины, обеспеченной самостоятельным трудом.

Наконец, движение за женское образование: петиции, ходатайства, приведшие к открытию Высших женских курсов в Петербурге (Бестужевских) и в некоторых других городах.

Логика общественного движения часто приводит к смыканию легальной, разрешенной правительством деятельности с нелегальной. Мария Трубникова и ее младшая сестра Вера, всегда стоявшая рядом, не были революционерками, хотя оказывали услуги нелегальным; с братьями Серно-Соловьевич их связывала давнишняя дружеская близость, с выходом Веры замуж за А. А. Черкесова появились и родственные отношения с подпольем.

Разлад с мужем, непосильная переводческая работа ради заработка, опасения за судьбу детей в связи с обысками в доме (где часто скрывались видные революционеры), а затем и с арестом старших дочерей — все это привело Марию Васильевну к тяжелому психическому заболеванию, которое в конце концов вывело ее из строя.

Ольга и Мария Трубниковы пошли дальше матери. Еще гимназистками в доме тетки В. В. Черкесовой они познакомились с Е. Д. Дубенской, привлекавшейся по процессу 193-х. От нее впервые девочки услыхали, что революционная борьба не кончилась на их деде-декабри-

сте, ее продолжают народники. Потом — чтение нелегальной литературы, знакомство с революционерами, отдельные поручения. От укрытия запретных сочинений, оружия и самих подпольщиков естественно путь вел в революцию. Так Ольга Трубникова стала членом молодой группы «Черный передел», в которой главную роль играл ее будущий муж А. П. Буланов...

Три поколения одной семьи — два этапа в русском освободительном движении: дворянский и буржуазно-демократический, разночинский. Декабристы подготовили этот второй этап, больше того, они передали эстафету в руки своих детей.

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

«В 1825 году,— писал Ленин,— Россия впервые видела революционное движение против царизма, и это движение было представлено почти исключительно дворянами»¹.

В трудах В. И. Ленина дана развернутая оценка движения декабристов, положивших начало сознательной, организованной борьбе с крепостничеством и царизмом. Создав научную концепцию истории и, в частности, истории освободительного движения в России, Ленин указывал, что декабристы являются представителями первого, дворянского этапа революционного движения в нашей стране, что с их деятельностью связано начало организованной борьбы против крепостничества и самодержавия, возникновение республиканской традиции в российском освободительном движении. На основе ленинских оценок советские исследователи создали целую серию работ как о движении декабристов в целом, так и о виднейших его участниках. Были разысканы и введены в научный оборот уникальные документы и материалы, изданы следственно-судебные дела (семнадцать томов), тщательно изучена иконография декабристов. Достоянием общественности стала портретная галерея деятелей движения, выполненная рукой одного из них. Но в декабристоведении, разумеется, есть еще и «белые пятна», неисследованные или недостаточно изученные проблемы. Так, отсутствует специальная работа, посвященная декабристкам: женам, матерям, сестрам деятелей декабристского движения. Это вопрос важный. Без его решения трудно во всем объеме воссоздать картину общественной жизни тех лет, осветить роль декабристов, степень их влияния на современников до и после трагических событий 14 декабря 1825 г., равно как и их воздействие на последующие поколения сооте-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 315.

чественников. Ведь не случайно подвиг декабристов привлекал внимание революционных деятелей и крупнейших мастеров русской культуры: А. И. Герцена, Н. А. Некрасова, П. И. Чайковского и др. Теперь этот важный аспект проблемы стал объектом специального исследования.

Книга вводит читателя в круг мыслей и чувств декабристов, их родных и близких в самый трудный, трагический для них час — сразу же после разгрома выступления на Сенатской площади и подавления восстания Черниговского полка.

«Детями двенадцатого года» называли себя пионеры русской свободы. Они воистину были рождены одной из величайших войн, пережитых когда-либо Россией. Есть глубинная связь между победой нашего народа над полчищами вторгшегося неприятеля и началом сознательной организованной борьбы против «внутренних турок», против самодержавия, крепостников-помещиков, за социальную справедливость, политическую свободу, национальную независимость. В подвиге декабристов героико-патриотическое неразрывно слито с революционным, первое перерастает во второе, оставаясь столь же возвышенным, патетическим и романтическим в лучшем смысле этого слова, глубоко национальным, русским и общероссийским.

Один из славных сынов той бурной эпохи Александр Пушкин, чьи взгляды столь близки декабризму, ибо формировались под воздействием тех же социальных факторов и в той же среде, говорил, что его современники и он сам мужали среди печальных бурь. Такой бурей, в борении с которой мужал наш народ, была «гроза двенадцатого года». Буря победоносная, если судить по конечным результатам борьбы. Буря печальная, если вспомнить зарево над Смоленском и в пепел обращенную Москву, кровь и слезы, вытоптанные нивы от Немана и Буга до Москва-реки и Оки, бесконечные кресты солдатских могил вдоль Варшавского тракта.

Тяжелые испытания ломают слабых, закаляют сильных. Русские офицеры, стоявшие в одном ряду с солдатами под неприятельскими ядрами у Смоленска и на Бородинском поле, а когда требовал воинский долг, и впереди полков (вспомним Багратиона и трех Раевских) лучшие, честнейшие из них, «кованные из чистой стали», как скажет вскоре Герцен, столь глубоко постигший смысл

их деятельности, именно на поле брани ощутили всю меру своей ответственности за Отечество, за народ, за солдат — эту вчерашнюю «крещеную собственность».

Переворот в сознании, в социальной психологии породил новый тип русского офицера, дворянина-интеллигента и революционера — зачинателя освободительных традиций нации. Здесь, применительно к декабристам, эти понятия сливаются.

Отказ от сословно-дворянской узости, помещичьего эгоизма, попытка закрепить в бою рожденное национальное единение — такова основная, характернейшая черта программы деятельности декабристов. Они настойчиво и страстно искали такой идеал общественного устройства, который бы обеспечивал всеобщее благосостояние, процветание всего народа.

Перед декабристами встал вопрос: на какой основе развить общенациональный патриотический порыв, обеспечивший России победу над Наполеоном, и обратить великую энергию, проявленную во время военного противоборства, на внутреннее преобразование страны? Кто должен руководить этим преобразовательным процессом, указать конкретные пути, средства, формы преобразований?

Научно обоснованное решение проблем, поставленных декабристами, было найдено значительно позже и другими социальными силами. Однако начало их решению положили они. В спорах вырабатывалась ими истина, намечались и закреплялись в конституционных набросках, в Пестелевом наказе Верховному правлению контуры грядущей свободной России.

Могли ли русские женщины, сестры, жены, матери декабристов, хозяйки салонов и гостиных, в которых встречались члены тайного общества, вербовали новых товарищей, могли ли они быть совершенно в стороне от восходящих, главенствующих токов духовной жизни нации? В какой мере были осведомлены, в какой степени разделяли эти благородные стремления?

В определении места и роли подвига декабристок в русской общественной жизни, а также и в отражении их подвига в произведениях литературы и искусства, в памяти народной сложилось два подхода, две позиции. Один, узкий, если можно так выразиться, семейно-бытовой. Сторонники его видят истоки подвига декабристок в патриархальной верности мужу, семье, а черты самоотверженно-

сти, политической смелости в поведении целой когорты славных русских женщин склонны объяснить экзальтированностью, одержимостью, романтичностью и т. д. Они ссылаются на «природный инстинкт», «христианское мученичество», «любовь к ближнему» и т. п. Общественно-политическое значение подвига при этом или прямо отрицается или сводится на нет уже самим подходом к теме, группировкой фактов, объяснением мотивов деятельности.

Нетрудно понять, что при том резонансе, какой вызвал в русском обществе подвиг жен декабристов (многие современники говорили именно о подвиге), замолчать его не представлялось возможным. Строго говоря, в суженном понимании мотивов поступков жен декабристов заинтересован был Николай I. Не мог же царь согласиться с тем, что значительная часть общества не на его стороне, а на стороне его поверженных, но не побежденных, не сломленных врагов, что поведение жен декабристов — одна из форм выражения к ним сочувствия передовой России. Поскольку самодержец очень любил лицедействовать и представлялся примерным семьянином, то всем, кто сочувствовал осужденным, открывалась законная возможность по-семейному помогать ссыльным, просить за них и даже следовать за ними. Все это, разумеется, отразилось в документах, прошениях, свидетельствах современников, обросло литературой, приняло характер своего рода традиции, которую преодолеть достаточно трудно.

В советское время окреп иной подход к теме, к объяснению общественно-политического значения подвига декабристок и побудительных его мотивов. Ярким выражением такого, несравненно более глубокого и верного понимания проблемы является раскрытие ее в монографии академика М. В. Нечкиной. Здесь подвиг русских женщин освещен в связи с выяснением центрального вопроса о роли и месте декабристов в русском освободительном движении.

Подвиг Волконской, Муравьевой, Трубецкой, их подвиг оценен как одно из проявлений сочувственного отношения к делу декабристов передовых кругов общества, который имел немаловажное значение и огромный общественный резонанс².

² Нечкина М. В. Движение декабристов, т. II, М., 1955, с. 438.

Разумеется, при объяснении мотивов деятельности декабристок нельзя не учитывать яркой индивидуальности каждой, особенностей жизненного пути и прочих обстоятельств, накладывавших отпечаток на ход событий, выдвигавших в каждом отдельном случае на передний план те или иные побудительные мотивы. Было бы неправильным, например, считать, что все декабристки в полной мере понимали огромное значение подвига своих мужей, полностью разделяли их идеалы, были, так сказать, соучастницами борьбы. Но еще более ошибочным является прямо противоположное суждение, что декабристки выступали просто как жены и сестры, а не как самостоятельно мыслящие личности, что они не были осведомлены о делах мужей и не подозревали даже о существовании тайного общества. Но почему и зачем противопоставлять работу разума чувству долга перед братом или мужем?! Не логичнее ли предположить, что оба эти потока — и мысли, и чувств слились и стали источником и основой душевной стойкости, так поразившей современников и по сей день волнующей сердце и разум всякого, кто соприкоснется с этой темой.

Декабристки были причастны к деятельности своих мужей и братьев, которую те развернули в Сибири. А она была весьма разнообразна, охватывая сферу производства, просвещения, здравоохранения и т. д. Они были активными участницами созданной декабристами своеобразной академии, где читались лекции и обсуждались самые разнообразные научные, литературные, политические проблемы. Более того, без помощи декабристок, организованной ими регулярной связи с родиной, получения книг, газет, журналов, приборов и т. д., эта умственная деятельность декабристов просто не могла бы развиваться.

И, разумеется, без поддержки не только родных и близких, но и более широких кругов общества, оппозиционно настроенных к режиму Николая I, нельзя представить жизнь декабристов, их семейств в условиях изгнания.

Вскоре после разгрома декабристов адмирал Мордвинов (он был близок к ним и даже намечался в состав Верховного правления вместе со Сперанским и Раевским), подал царю записку-проект учреждения в Сибири особой академии для преподавания «положительных наук» — геологии, химии, физики, агрономии и т. д. с целью содействия процветанию Сибири. «Профессорами перечисленных

наук» намечались декабристы. Мордвинов предлагал также оставить за декабристами, женами и детьми их дворянское право, указывал, что «супруги этих несчастных выражают благородное желание следовать за своими мужьями и разделить их участь».

Нельзя не видеть в записке Мордвинова, равно как в послании Пушкина, в прощальном вечере, устроенном для декабристок З. Волконской, в стихах Ростопчиной сочувствия лучших сердец России благородному подвигу и декабристов, жен и сестер их. Разумеется, предложение Мордвинова не было принято царем. Николай хотел скорнем вырвать даже память о декабристах. Его позиция в этом вопросе выражена в резолюции на одном из прошений об облегчении участи А. Бестужева (Марлинского): «...Следует посылать не туда, где он может быть полезнее, а туда, где он может быть безвреднее»...

Николаю не удалось стереть с лица земли декабристов, уничтожить посеянные их рукой в русскую землю семена свободы. В неравном противоборстве с царем декабристы вышли победителями. Свою ленту в эту борьбу внесли женщины. Они полагали, что надлежит сохранить мужей для пользы Отечества. Более того, верили вместе с мужьями, что дело свободы восторжествует и принесет им избавление от оков. Эта вера была одним из источников их невиданной душевной стойкости.

А. Ф. Смирнов

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Ленин В. И.* Памяти Герцена.— Полн. собр. соч., т. 21.
- Ленин В. И.* Роль сословий и классов в освободительном движении.— Полн. собр. соч., т. 23.
- Ленин В. И.* Из прошлого рабочей печати в России.— Полн. собр. соч., т. 25.
- Ленин В. И.* О национальной гордости великороссов.— Полн. собр. соч., т. 26.
- Беляев А. П.* Воспоминания. Спб., 1882.
- Волконский С. Г.* Записки декабриста. Спб., 1902.
- Воспоминания Полины Анненковой. М., 1929.
- Воспоминания Бестужевых. М.— Л., 1951.
- Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Т. 1—2. М., 1931—1933.
- Восстание декабристов. Т. I—XVII. М.— Л., 1925—1980.
- Горбачевский Н. И.* Записки. Письма. М., 1963.
- Декабристы и их время. Т. I—II. М., 1928—1932.
- Декабристы и их время. Материалы и сообщения. М.— Л., 1951.
- Декабристы. Новые материалы. Под ред. М. К. Азадовского. М., 1951.
- Декабристы в Забайкалье. Чита, 1925.
- Декабристы на поселении. М., 1926.
- Декабристы в Бурятии. Верхнеудинск, 1927.
- Декабристы в Сибири. Новосибирск, 1952.
- Декабристы в Москве. М., 1963.
- Дмитриев-Мамонов А. И.* Декабристы в Западной Сибири. Спб., 1905.
- Дружинин Н. М.* Декабрист Никита Муравьев. М., 1933.
- Жены декабристов. М., 1906.
- Записки Н. В. Басаргина. Пг., 1917.
- Записки княгини Марии Николаевны Волконской. Пг., 1914.
- Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951.
- Кубалов Б.* Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925.
- Лорер Н. И.* Записки декабриста. М., 1931.
- Лукин М. С.* Сочинения и письма. Пг., 1923.

Лунин М. С. Общественное движение в России. Письма из Сибири. М.—Л., 1926.

Муравьев А. М. Записки. Пг., 1922.

Муравьев-Апостол М. И. Воспоминания и письма. Пг., 1922.

Нечкина М. В. Движение декабристов. Т. I—II. М., 1955.

Общественное движение в России в первую половину XIX в., т. 1. Спб., 1905.

Поджио А. В. Записки декабриста. М.—Л., 1930.

Пуцин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956.

Розен А. Е. Записки декабриста. Спб., 1907.

Трубецкой С. П. Записки. Спб., 1907.

Щеголев П. Е. Исторические этюды. Спб., 1914.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Александр I Павлович (1777—1825), император с 1801 г. 113
- Александр II Николаевич (1818—1881), император с 1855 г. 87, 125, 128
- Александра Федоровна (1798—1860), жена Николая I 23, 129
- Андреевич Яков Максимович (1801—1840), подпоручик 8-й артиллерийской бригады, член Общества соединенных славян, осужден по I разряду, умер на поселении в Верхнеудинске 71
- Анисья Петровна, няня Нарышкиных 104
- Анненков Владимир Иванович (р. 1831), сын декабриста 126
- Анненков Иван Александрович (1802—1878), поручик Кавалергардского полка, член Южного общества, осужден по II разряду, умер в Нижнем Новгороде 17, 19, 28, 30, 31, 82, 98, 109, 133
- Анненкова Анна Ивановна (ум. 1842), мать декабриста 17, 41
- Анненкова Ольга Ивановна, в замужестве Иванова (1830—1891), дочь декабриста 20, 95, 96, 104, 109, 126, 127, 130, 131
- Анненкова Полина (Прасковья) Егоровна, урожд. Гебль (9.VI.1800—14.IX.1876), жена И. А. Анненкова, приехавшая за ним в Читинский острог в марте 1828 г., автор воспоминаний, умерла в Нижнем Новгороде 17, 19, 20, 30, 33, 34, 41, 50, 59, 60, 61—63, 68, 70, 88, 95, 104, 108, 109, 126, 127
- Апухтина Мария Павловна (1779—1842), мать Н. Д. Фонвизиной 97
- Барятинский Александр Петрович (1798—1844), князь, штаб-ротмистр, адъютант командующего 2-й армии, член Южного общества, осужден по I разряду, умер в Тобольске 52
- Басаргин Николай Васильевич (1799—1861), поручик, член Южного общества, осужден по II разряду, автор воспоминаний, умер в Москве 63, 71, 127, 136
- Батеньков Гавриил Степанович (1793—1863), подполковник корпуса инженеров путей сообщения, декабрист, осужден по III разряду, умер в Калуге 133, 134
- Батюшков Константин Николаевич (1787—1855), поэт, родственник Луниных и Муравьевых 40, 111, 112
- Беляев Александр Петрович (1803—1887), мичман Гвардейского экипажа, осужден по IV разряду, автор воспоминаний, умер в Москве 76, 77
- Бенкендорф Александр Христофорович (1783—1844), граф, шеф жандармов и главный начальник III отделения (1826—1844) 39, 50, 53, 54, 71, 73, 74, 82, 83, 90, 122
- Берстель Александр Карлович (1788—1830), подполковник 9-й артиллерийской бригады, член Общества соединенных славян, осужден по VII раз-

ряду, погиб на Кавказе 7, 28, 30

Бестужев (Марлинский) Александр Александрович (1797—1837), штабс-капитан лейб-гвардии Драгунского полка, писатель, член Северного общества, осужден по I разряду, погиб на Кавказе 53

Бестужев Михаил Александрович (1800—1871), брат А. А. и Н. А. Бестужевых, штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка, член Северного общества, осужден по II разряду, автор воспоминаний, умер в Москве 19, 59, 74, 121

Бестужев Николай Александрович (1791—1855), капитан-лейтенант 8-го флотского экипажа, член Северного общества, осужден по II разряду, художник-любитель, автор воспоминаний, умер на поселении в Селенгинске 36, 42, 57, 63, 65, 67, 68, 69, 76, 77, 85, 86, 89

Бестужевы Елена, Мария, Ольга, сестры декабристов 33

Бечаснов Владимир Александрович (1802—1859), прапорщик 8-й артиллерийской бригады, член Общества соединенных славян, осужден по I разряду, умер в селе Смоленском Иркутской губернии 127

Бибииков Михаил Илларионович (ум. 1881), муж С. Н. Муравьевой, племянник декабристов Муравьевых-Апостолов 132

Бибиикова А., внучка С. Н. Бибииковой (Муравьевой), автор воспоминаний 36, 38, 39, 40, 42, 43, 82, 132, 134

Бибиикова Екатерина Ивановна (1795—1861), сестра Муравьевых-Апостолов 11, 132

Бибиикова Софья Никитична (1829—1892), дочь Н. М. и А. Г. Муравьевых 53, 82, 90, 91, 98, 126, 129, 131—135

Бобринцев-Пушкин Павел Сер-

геевич (1802—1865), поручик квартирмейстерской части, член Южного общества, осужден по IV разряду, умер в Москве в доме Н. Д. Фонвизиной-Пушкиной 98

Борисов Андрей Иванович (1798—1854), отставной подпоручик, основатель и член Общества соединенных славян, осужден по I разряду, покончил жизнь самоубийством (деревня Малая Разводная Иркутской губернии) после скоропостижной смерти брата П. И. Борисова 71

Бороздин Андрей Михайлович (ум. 1838), сенатор, отец Е. А. и М. А. Бороздиных 5, 51

Бороздина Екатерина Андреевна, жена В. Н. Лихарева, за мужем в Сибирь не поехала, вышла замуж вторично (1836 г.) 5, 51

Бороздина Мария Андреевна, жена И. В. Поджио, оставившая его и вышедшая замуж вторично 5, 51

Бригген фон Александр Федорович (1792—1859), отставной полковник, член Союза благоденствия и Северного общества, осужден по VII разряду, умер в Петербурге 7, 8, 28, 29, 30, 46, 51, 52, 100

Броневский Семен Богданович (1786—1858), генерал-губернатор Восточной Сибири (1834—1837) 116

Буланов Анатолий Петрович (1858—1918), революционер-народник 139

Буланова Ольга Константиновна, урожд. Трубникова (р. 1858), внучка В. П. и К. П. Ивашевых, революционерка-народница 69, 78, 103, 127, 136—139

Булгаков Александр Яковлевич (1781—1863), московский почт-директор 23

Бурнашев Тимофей Степанович, начальник Нерчинских заводов 56, 57, 58

Вадковский Федор Федорович (1800—1844), прапорщик Нежинского конно-егерского полка, член Северного и Южного обществ, осужден по I разряду, умер на поселении в селе Оек Иркутской губернии 37, 132

Вальховский Владимир Дмитриевич (1798—1841), член Союза благоденствия и Северного общества, генерал-майор (с 1831 г.), женат на сестре А. В. Розен 43, 87

Вегелин Александр Иванович (ум. 1860), поручик Литовского пионерного батальона, член тайного Общества военных друзей, приговорен к десяти годам каторги, которую отбывал вместе с декабристами в Чите и Петровском заводе, умер в Одессе 50

Веневитинов Алексей Владимирович (1806—1872), брат поэта 24—25, 28

Витт Иван Осипович (1772—1840), граф, генерал, начальник военных поселений Херсонской и Екатеринославской губерний 7

Волков Александр Андреевич, жандармский генерал 114

Волконская Александра Николаевна, княгиня, урожд. Ропнина, мать С. Г. Волконского 10

Волконская Елена Сергеевна, в замужестве последовательно: Молчанова, Кочубей, Рахманова (1835—1916), дочь декабриста 103, 107, 108, 130

Волконская Зинаида Александровна (1792—1862), княгиня, писательница 24—26, 101

Волконская Мария Николаевна (25.XII.1805—10.VIII 1863), дочь генерала Н. Н. Раевского, жена С. Г. Волконского, приехавшая за ним в Благодатский рудник в феврале 1827 г., автор воспоминаний, умерла в селе Воронки

Черниговской губернии 6—7, 18—19, 20—21, 22, 23, 24—26, 27, 28, 30, 33, 34, 43—45, 50, 51, 55—59, 61, 65, 67, 68, 69, 72, 78, 79, 80, 101—108, 109, 110, 118, 123, 128, 129, 131

Волконская Софья Григорьевна (1785—1868), княгиня, сестра декабриста 23, 55, 84

Волконский Михаил Сергеевич (1832—1909), князь, сын декабриста 21, 100, 103, 107, 108, 126, 128, 130

Волконский (Репнин-Волконский) **Николай Григорьевич** (1778—1845), князь, брат С. Г. Волконского 7

Волконский Сергей Григорьевич (1788—1865), князь, генерал-майор, член Южного общества, осужден по I разряду, автор записок, умер в селе Воронки Черниговской губернии 6, 21, 28, 29, 30, 31, 43—45, 54, 55, 58, 59, 72, 76, 98, 100, 101—102, 108, 124, 125, 131, 133

Волконский Сергей Михайлович, внук декабриста 129

Вольф Фердинанд Богданович (ум. 1854), штаб-лекарь при Главной квартире 2-й армии, член Южного общества, осужден по II разряду, умер в Тобольске 42, 77, 103, 126, 127

Воше Карл Август, секретарь И. С. Лавала, сопровождавший в Сибирь его дочь Е. И. Трубецкую 55

Вяземская Вера Федоровна (1790—1886), жена поэта П. А. Вяземского 101

Вяземский Петр Андреевич (1792—1878), князь, поэт и критик 11, 12, 24, 27, 28, 29, 37, 38, 112, 124, 125

Гельб П., см. Анненкова П. Е.
Герцен Александр Иванович (1812—1870) 13, 45, 20, 100, 123, 126, 135, 137

Голицын Александр Николаевич

(1773—1844), князь, член Следственной комиссии по делу декабристов и Верховного уголовного суда 23, 90
 Голицын Александр Федорович (1796—1864), князь, камергер 96
 Горбачевский Иван Иванович (1800—1869), подпоручик 8-й артиллерийской бригады, член Общества соединенных славян, осужден по I разряду, автор записок, умер в Петровском заводе 89, 90
 Горчаков Петр Дмитриевич, князь, генерал-губернатор Западной Сибири (1836—1851) 96, 110
 Громницкий Петр Федорович (1803—1851), поручик Пензенского пехотного полка, член Общества соединенных славян, осужден по II разряду, умер на поселении в Иркутской губернии 106
 Давыдов Василий Васильевич (р. 1829), сын декабриста 64, 126, 127
 Давыдов Василий Львович (1792—1855), отставной полковник, член Южного общества, осужден по I разряду, умер на поселении в Красноярске 5, 6, 7, 24, 28, 29, 30, 31, 34, 38, 44, 54, 65, 99
 Давыдова Александра Васильевна (р. 1831), дочь декабриста 126
 Давыдова Александра Ивановна, урожд. Потапова (1802—1895), жена В. Л. Давыдова, приехавшая за ним в Читинский острог в марте 1828 г. 7, 28, 30, 33, 34, 59, 64—66, 68, 79, 88, 90, 98, 99, 100, 132
 Дибич Иван Иванович (1785—1831), начальник Главного штаба 14
 Дивов Павел Гаврилович (1765—1841), сенатор 13
 Добрынин М. С., старожил Петровского завода 103
 Долгоруков Петр Владимирович

(1816—1868), князь, публицист 96
 Достоевский Федор Михайлович (1821—1881) 85, 93, 94, 95, 109, 130
 Дубенская Екатерина Дмитриевна, народница 138
 Дурново Николай Дмитриевич (1792—1828), флигель-адъютант 3
 Дуrows Сергей Федорович (1816—1869), петрашинец 94, 95

Ентальцев Андрей Васильевич (1788—1845), подполковник, член Южного общества, осужден по VII разряду, умер на поселении в Ялutorовске 8, 28, 30, 34, 66—67
 Ентальцева Александра Васильевна, урожд. Лисовская (1790—24.VII.1858), жена А. В. Ентальцева, приехавшая за ним в Читинский острог в мае 1827 г., умерла в Москве 29, 33, 34, 59, 66—67, 70, 71, 96, 100
 Ермолов Алексей Петрович (1777—1861), генерал 11, 12

Желдыбин, фельдъегерь 80, 81, 82
 Жуковский Василий Андреевич (1783—1852), поэт 12, 24, 29, 40, 72, 86, 87

Завалишин Дмитрий Иринархович (1804—1892), лейтенант 8-го флотского экипажа, член Северного общества, осужден по I разряду, автор записок, умер в Москве 11, 120, 121
 Закревский Арсений Андреевич (1783—1865), генерал-адъютант, московский генерал-губернатор в 1848—1859 гг. 113
 Захаров, фельдъегерь 114
 Зубов А., автор антиправительственной прокламации 14

Иванов Константин Иванович, генерал-майор, муж О. И. Анненковой 95, 109

Ивашев Василий Петрович (1794—1840), ротмистр Кавалергардского полка, член Южного общества, осужден по II разряду, умер на поселении в Туринске 33, 68—70, 71, 78, 84, 98, 103, 136, 137

Ивашев Петр Никифорович (1767—1838), отец декабриста 78

Ивашева Камилла Петровна, урожд. Ле-Дантю (17.VI. 1808—30.XII.1839), жена В. П. Ивашева, приехавшая за ним в сентябре 1831 г. в Петровский завод, умерла на поселении в Туринске 33, 34, 68—70, 88, 100, 127, 137

Игельстром Константин Густавович (1799—1851), капитан Литовского пионерного батальона, член тайного Общества военных друзей, приговорен к десяти годам каторги 50

Канкрин Екатерина Захаровна (1796—1879), графиня, сестра А. З. Муравьева 72, 121, 123

Карпов Герасим, крепостной Е. С. Уваровой 114

Кашкин Николай Сергеевич (1829—1914), петрашевец 94

Киреевский Иван Васильевич (1806—1856), литератор, философ 43

Коновницын Петр Петрович (1764—1822), граф, генерал, отец Е. П. Нарышкиной, 33, 63

Коновницына Анна Ивановна (1769—1843), мать Е. П. Нарышкиной 11

Константин Павлович (1779—1831), великий князь 10

Кошелев Александр Иванович (1806—1883), общественный деятель 9—10, 12

Кривцов Сергей Иванович (1802—1864), подпоручик гвардейской конной артиллерии, член Северного общества, осужден по VII разряду 75

Крюков Николай Александрович (1800—1854), поручик квартирмейстерской части, член Южного общества, осужден по II разряду, умер на поселении в Минусинске 50

Кузнецов Ефим Александрович (1771—1851), сибирский купец 55

Кузнецов Николай, сибирский купец 82

Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797—1846), поэт, член Северного общества, осужден по I разряду, умер в Тобольске 4, 10, 50

Лаваль Александра Григорьевна (1772—1850), графиня, мать Е. И. Трубецкой 71, 72

Лавинский Александр Степанович (1776—1844), генерал-губернатор Восточной Сибири (1822—1833), 32, 49, 55, 60

Лебцельтерн, граф, австрийский посланник в России 3, 57

Леляков Андрей, крепостной А. Г. Муравьевой 104

Лепарский Станислав Романович (1759—1838), комендант Нерчинских рудников и Читинского острога 36, 54, 67, 68, 71, 73, 74, 80, 85, 122

Лихарев Владимир Николаевич (1800—1840), подпоручик квартирмейстерской части, член Южного общества, осужден по VII разряду, погиб на Кавказе 5—6, 28, 30, 44, 46, 51, 87

Лорер Николай Иванович (1795—1873), майор Вятского пехотного полка, член Южного общества, осужден по IV разряду 87

Лунин Михаил Сергеевич (1787—1845), подполковник лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, член Северного общества, осужден по II разряду, умер в Акатуйской тюрьме 11, 37, 40, 41, 79, 81, 82, 84, 103, 105, 106, 107, 110—125, 128

Лунин Никита Сергеевич

(1789—1805), брат декабриста 110

Лунин Сергей Михайлович (ум. 1817), отец декабриста 110, 111

Лунина Федосья Никитична (ум. 1792), мать декабриста 111

Малиновский Василий Федорович (1765—1814), первый директор Царскосельского лицея, отец А. В. Розен 34, 86

Малиновский Иван Васильевич (1796—1873), лицейский товарищ Пушкина, брат А. В. Розен 43, 85, 86, 87

Матрена Павловна, няня Фоп-визинных 104

Медокс Роман (р. 1793), провокатор 49, 50, 83

Миклашевский Михаил Павлович, екатеринославский губернатор, тесть А. Ф. Бриггена 8

Михаил Николаевич (1832—1909), великий князь 91

Михаил Павлович (1798—1849), великий князь 10

Михайлов Михаил Илларионович (1829—1865), революционер, писатель 137

Мицкевич Адам (1798—1855) 117

Молчанов Дмитрий Васильевич (ум. 1857), муж Е. С. Волконской 107

Муравьев Александр Михайлович (1802—1853), брат Никиты Муравьева, корнет Кавалергардского полка, член Северного общества, осужден по IV разряду, автор воспоминаний, умер в Тобольске 31, 37, 40, 42, 91, 116, 118

Муравьев Александр Николаевич (1792—1863), отставной полковник, член Союза благоденствия, осужден по VI разряду, умер в Москве 28, 29, 30, 49, 83—84, 128

Муравьев Артамон Захарович (1794—1846), полковник, член Южного общества, осужден по I разряду, умер на поселении

28, 29, 30, 31, 46, 51, 52, 72, 127

Муравьев Михаил Никитич (1757—1807), писатель, общественный деятель, отец декабристов Александра и Никиты, 39, 40, 111, 112

Муравьев Михаил Николаевич (1796—1866), член Союза благоденствия, впоследствии государственный деятель, Муравьев-«вешатель» 47

Муравьев Никита Михайлович (1796—1843), капитан гвардейского Генерального штаба, один из руководителей Северного общества, автор конституции, осужден по I разряду, умер на поселении в селе Урин Иркутской губернии, 4, 5, 12, 15—17, 18, 28, 30, 31, 35—42, 53, 59, 72, 75, 77, 82, 89, 90, 98, 99, 106, 112, 116, 118, 125, 128, 129, 133

Муравьева Александра Григорьевна, урожд. графиня Чернышева (1804—22.XI. 1832), жена Н. М. Муравьева, приехавшая за ним в Читинский острог в феврале 1827 г., умерла в Петровском заводе 3, 5, 16—17, 18, 19, 24, 25, 30, 33, 34, 35—39, 43, 53, 54, 60, 61, 65, 68, 72, 73, 74, 75, 76, 78, 79, 83, 85, 88—91, 100, 102, 104, 129

Муравьева Екатерина Федоровна (1771—1848), мать декабристов Александра и Никиты 24, 38, 39—43, 49, 72, 80, 89, 90—91, 106, 111, 116, 120, 129, 131

Муравьева Жозефина Адамовна, урожд. Бракман, жена А. М. Муравьева 96

Муравьева Прасковья Михайловна, урожд. Шаховская (1790—1835), жена А. Н. Муравьева 33, 49

Муравьев-Апостол Ипполит Иванович (1806—1826), брат Матвея и Сергея, участник восстания Черниговского полка 40

Муравьев-Апостол Иван Матвеевич (1770—1851), секатор, отец декабристов 40

Муравьев-Апостол Матвей Иванович (1793—1886), отставной подполковник, член Южного общества, осужден по I разряду, автор воспоминаний, умер в Москве 11, 31, 40, 41, 57, 132, 134, 135

Муравьев-Апостол Сергей Иванович (1796—1826), подполковник Черниговского полка, член Южного общества, руководитель восстания Черниговского полка, казнен 40

Муханов Петр Александрович (1799—1854), штабс-капитан лейб-гвардии Измайловского полка, член Союза благоденствия, осужден по IV разряду, умер на поселении 49—51, 81, 115

Нагель, генерал-майор 6

Нарышкин Михаил Михайлович (1798—1863), полковник Тарутинского пехотного полка, член Северного общества, осужден по IV разряду, умер в Москве 7, 11, 28, 29, 30, 59, 64, 87, 91

Нарышкина Елизавета Петровна (1. IV 1801—11. XII. 1867), жена М. М. Нарышкина, приехавшая за ним в Читинский острог в мае 1827 г., дочь генерала П. П. Коновницына, умерла в селе Гарай Псковской губернии 7, 22, 27, 29, 33, 34, 59, 61, 63—64, 68, 72, 78, 88, 100

Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877) 26, 28, 90, 108

Николай I Павлович (1796—1855), император с 1825 г. 3, 10, 13, 14, 17, 22, 23, 27, 44, 47, 51, 56, 62, 68, 72, 84, 87, 91, 98, 100, 104, 113

Оболенский Евгений Петрович (1796—1865), князь, поручик лейб-гвардии Финляндского полка, член Северного общест-

ва, осужден по I разряду, умер в Калуге 77, 94, 132, 133, 135, 136

Одоевский Александр Иванович (1802—1839), князь, корнет лейб-гвардии Конного полка, поэт, член Северного общества, осужден по IV разряду, умер на Кавказе 28, 60, 68, 74, 76, 77, 105

Одоевский Владимир Федорович (1803—1869), писатель 10, 11

Оже Ипполит, французский публицист, приятель М. С. Лунина 112

Олизар Густав Филиппович (1798—1864), граф, поэт, киевский губернский маршал, привлекался по делу декабристов 44

Орлов Алексей Федорович (1786—1861), граф, шеф жандармов и главный начальник III отделения с 1844 г. 39, 44, 96, 130

Орлов Михаил Федорович (1788—1842), брат А. Ф. Орлова, генерал-майор, член Союза благоденствия 44

Павлов Григорий, крепостной Волконских 55

Панов Николай Алексеевич (1803—1850), поручик лейб-гвардии Гренадерского полка, член Северного общества, осужден по I разряду, умер на поселении 127

Перовская Софья Львовна (1853—1881), революционерка-народница 20

Пестель Павел Иванович (1793—1826), полковник, один из руководителей Южного общества, казнен 6, 10

Петрашевский (Бутаевич-Петрашевский) Михаил Васильевич (1821—1866), социалист-утопист, руководитель политического кружка 94

Плетнев Петр Александрович (1792—1865), поэт, критик 123

Плетнева Александра Василь-

- евна (1826—1901), жена
П. А. Плетнева 123
- Погодин Михаил Петрович
(1800—1875), историк, писа-
тель 43
- Поджио Александр Викторович
(1798—1873), отставной под-
полковник, член Южного об-
щества, осужден по I разряду
5, 6, 44, 81, 133
- Поджио Иосиф Викторович
(1792—1848), отставной штабс-
капитан, член Южного общест-
ва, осужден по IV разряду
5—6, 7, 28, 30, 44, 51
- Поливанов Иван Юрьевич
(1797—1826), отставной пол-
ковник Кавалергардского пол-
ка, член Северного общества,
умер в тюрьме, 28, 29, 30, 31
- Поливанова Анна Ивановна,
урожд. Власьева, жена
И. Ю. Поливанова 31
- Поталов Алексей Николаевич
(1772—1847), генерал-адъю-
тант, член Следственной ко-
миссии по делу декабристов
53
- Прыжов Иван Гаврилович
(1827—1885), историк, публи-
цист 103
- Пушкин Александр Сергеевич
(1799—1837) 7, 12, 25, 28, 40,
43, 44, 78, 87, 93, 101, 102, 105,
112, 117, 136
- Пушкин Иван Иванович (1798—
1859), член Северного общест-
ва, осужден по I разряду,
автор воспоминаний 11, 43,
70, 75, 78, 80, 81, 89, 93, 98,
115, 127, 130, 135, 136
- Раевская Евдокия Васильевна
(1803—1857), жена П. И. Фа-
ленберга 51
- Раевская Екатерина Николае-
вна (1797—1855), сестра
М. Н. Волконской, жена
М. Ф. Орлова 44, 45
- Раевский Александр Николае-
вич (1795—1868), брат
М. Н. Волконской 6, 44, 129
- Раевский Николай Николаевич
(1771—1829), генерал, отец
М. Н. Волконской 7, 34, 44,
45, 51, 64
- Раевский Николай Николаевич
(1801—1843), брат М. Н. Вол-
конской 6, 44, 87, 102
- Рогожкин Николай, рабочий
города Шуя, арестованный в
1826 г. 13
- Розен Андрей Евгеньевич
(1800—1884), поручик лейб-
гвардии Финляндского полка,
член Северного общества,
осужден по V разряду, автор
воспоминаний 3, 28, 29, 30,
32, 33, 45, 46, 51, 55, 58,
65, 74, 75, 76, 85—88, 91,
131, 133
- Розен Анна Васильевна (22.XII.
1797—24. XII 1883), дочь
В. Ф. Малиновского, жена
А. Е. Розена, приехавшая за
ним в Петровский завод в ав-
густе 1830 г. 3, 30, 33, 34,
37, 43, 58, 68, 74, 75, 85—
88, 100
- Розен Василий Андреевич
(р. 1832), сын декабриста 126
- Розен Евгений Андреевич
(р. 1826), сын декабриста 43,
85
- Розен Кондратий Андреевич
(р. 1831), сын декабриста 85,
86, 126
- Рукевич Корнелия Ивановна,
невеста К. Г. Игельстрома 20
- Рукевич Ксаверия Ивановна,
невеста А. И. Вегелина 20
- Рукевич Михаил Иванович, член
декабристского Общества во-
енных друзей 20, 50
- Руперт Вильгельм Яковлевич
(1787—1849), генерал-губер-
натор Восточной Сибири
(1837—1847) 82, 106, 123, 129
- Рылеев Кондратий Федорович
(1795—1826), поэт, один из
руководителей Северного об-
щества, казнен 3, 12, 28, 30,
31, 76, 86, 135
- Рылеева Анастасия Кондратье-
вна, в замужестве Пущина
(1820—1890), дочь декабриста
3

Свербеева Зинаида Сергеевна (1837—1920), дочь С. П. и Е. И. Трубецких 131

Свистунов Петр Николаевич (1803—1889), корнет Кавалергардского полка, осужден по II разряду, умер в Москве 110, 127, 133

Серио-Соловьевичи Александр (1838—1869) и Николай (1834—1866) Александровичи, братья, революционеры 137, 138

Строганов Сергей Григорьевич (1794—1882), граф, флигель-адъютант 14

Станкевич Николай Владимирович (1813—1840), поэт, философ 20

Стасова Надежда Васильевна (1822—1895), деятельница женского движения 138

Сукин Александр Яковлевич (1765—1837), комендант Петропавловской крепости 17

Суттоф Александр Николаевич (1801—1872), поручик лейб-гвардии Гренадерского полка, член Северного общества, осужден по I разряду 130, 133

Сухинов Иван Иванович (1795—1828), поручик Александрийского гусарского полка, член Общества соединенных славян, участник восстания Черниговского полка 61

Тизенгаузен Василий Карлович (1781—1857), полковник Полтавского пехотного полка, член Южного общества, осужден по VII разряду 28, 29, 30

Торсон Екатерина Петровна, сестра декабриста 19, 33

Торсон Константин Петрович (ок. 1790—1851), капитан-лейтенант флота, член Северного общества, осужден по II разряду, умер на поселении в Селенгинске 33, 82, 85

Трубецкая Александра Сергеевна, в замужестве Ребиндер

(1830—1860), дочь декабриста 126, 127, 130

Трубецкая Екатерина Ивановна, урожд. Лаваль (1800—14. X. 1854), жена С. П. Трубецкого, приехавшая за ним в Благодатский рудник в феврале 1827 г., умерла в Иркутске 3, 24, 28, 29, 32—33, 34, 54, 55, 56—57, 58, 59, 60, 61, 68, 71, 72, 74, 75, 79, 88, 94, 100, 104, 130

Трубецкой Иван Сергеевич, сын декабриста 130

Трубецкой Сергей Петрович (1790—1860), князь, полковник, член Северного общества, осужден по I разряду, автор записок, умер в Москве 3, 24, 28, 30, 31, 54, 57, 58, 59, 75, 99, 100, 131, 133

Трубинов Константин Васильевич (1829—1904), муж М. В. Ивашевой 137

Трубинова Мария Васильевна (1835—1897), дочь В. П. и К. П. Ивашевых 70, 127, 136, 137, 138

Трубинова Мария Константиновна, внучка В. П. и К. П. Ивашевых 138

Тургенев Александр Иванович (1784—1845), общественный деятель, брат Н. И. Тургенева 24, 29, 112, 119, 120

Тургенев Николай Иванович (1789—1871), декабрист 112, 119

Уваров Федор Александрович (1780—1827), муж Е. С. Уваровой 11, 112, 113

Уваров Александр Федорович (1816—1869), сын Е. С. Уваровой 112, 117, 124

Уваров Сергей Федорович (1820—1896), сын Е. С. Уваровой 112, 123, 124

Уварова Екатерина Сергеевна (8. III. 1791—22. XII. 1868), сестра М. С. Лунина 11, 37, 79, 80, 103, 106, 107, 110—125

Фаленберг Петр Иванович (1791—1873), подполковник квартирмейстерской части, член Южного общества, осужден по IV разряду 8, 28, 30, 51—52, 100

Фигнер Вера Николаевна (1852—1942), революционерка-народница 20

Философова Анна Павловна (1837—1912), деятельница женского движения 138

Фонвизин Дмитрий Михайлович (1824—1850), сын декабриста 8, 97

Фонвизин Иван Александрович (1790—1853), брат М. А. Фонвизина, отставной полковник, член Союза благоденствия, в 1826 г. отдан под полицейский надзор 97, 98

Фонвизин Михаил Александрович (1788—1854), генерал-майор, член Северного общества, осужден по IV разряду 7, 28, 29, 30, 59, 91, 92, 98

Фонвизин Михаил Михайлович (1826—1851), сын декабриста 8, 97

Фонвизина Наталья Дмитриевна, урожд. Апухтина, во втором браке Пущина (7. IV 1805—10. X 1869), жена М. А. Фонвизина, приехавшая за ним в Читинский острог в марте 1828 г., умерла в Москве 8, 30, 33, 34, 46, 59, 61, 64, 68, 71, 72, 75, 78, 88, 92—96, 97, 98, 99, 107, 110, 132, 133

Францева Мария Дмитриевна (ок. 1835 — ок. 1917), дочь сибирского чиповника 92, 94—95, 97

Хованская Екатерина Петровна, княгиня, сестра В. П. Иашева 137

Цейдлер Иван Богданович (1777—1853), иркутский губернатор (1821—1835) 32, 53, 54

Чаадаев Михаил Яковлевич (1792—1866), брат П. Чаадаева, штабс-капитан лейб-гвардии Семеновского полка 10

Чаадаев Петр Яковлевич (1794—1856), философ 47, 120

Чайковский Петр Ильич (1840—1893) 65—66

Черкесов Александр Александрович (ок. 1839 — ок. 1908), участник революционного движения 1860-х годов 138

Черкесова Вера Васильевна, дочь В. П. и К. П. Иашевых 138

Чернышев Александр Иванович (1785—1857), князь, член Следственной комиссии по делу декабристов, военный министр 10—11, 39

Чернышев Григорий Иванович (1762—1831), граф, отец А. Г. Муравьевой и декабриста З. Г. Чернышева 36, 37, 38, 72, 73

Чернышев Захар Григорьевич (1796—1862), граф, ротмистр Кавалергардского полка, член Южного общества, осужден по VII разряду 10, 18, 37, 39, 87

Чернышев-Кругликов Иван Гаврилович (1787—1847), граф, действительный тайный советник, муж С. Г. Чернышевой 38

Чернышева Вера Григорьевна, в замужестве Пален, сестра А. Г. Муравьевой 37, 61

Чернышева Наталья Григорьевна, в замужестве Муравьева, сестра А. Г. Муравьевой 38

Чернышева Софья Григорьевна, в замужестве Чернышева-Кругликова (1799—1847), сестра А. Г. Муравьевой 38, 90

Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) 137

Шаховская Варвара Михайловна (ум. 1836), княжна, невеста П. А. Муханова 49—50, 83

Шаховская Наталья Дмитриевна, урожд. Щербатова (1795—1885), жена декабриста Ф. Шаховского 8—9, 31, 47

Шаховской Федор Петрович (1796—1829), князь, отставной майор, один из учредителей Союзов спасения и благоденствия, осужден по VIII разряду 8—9, 28, 29, 31

Шевелев, сибирский купец 82

Шереметев Алексей Васильевич (1800—1857), брат А. В. Якушкиной 47, 48

Шереметев Василий Сергеевич (1752—1831), отец декабриста Н. В. Шереметева 10

Шереметева Надежда Николаевна (1775—1850), мать А. В. Якушкиной 11, 46—48, 106

Штейнгель Владимир Иванович (1783—1862), барон, отставной подполковник, член Северного общества, осужден по III разряду, автор записок 7, 28, 29, 30, 52, 98, 100, 136

Шубинский, жандармский подполковник 114

Энгельке Карл Федорович, тобольский губернатор 96

Юшневская Мария Казимировна, урожд. Круликовская (1790—1863), жена А. П. Юшневского, приехавшая за ним в Петровский завод в августе

1830 г., умерла в Киеве 19, 30, 33, 34, 42, 67, 68, 77, 84, 88, 100, 130

Юшневский Алексей Петрович (1786—1844), генерал-интендант 2-й армии, член Южного общества, осужден по I разряду, умер на поселении 19, 28, 30, 42, 67, 77, 99, 130

Языков Николай Михайлович (1803—1846), поэт 12

Языкова Елизавета Петровна, сестра В. П. Ивашева 69, 70, 78, 84

Якубович Александр Иванович (1792—1845), капитан Нижегородского драгунского полка, участник восстания 14 декабря, осужден по I разряду, умер на поселении в Енисейске 24

Якушкин Евгений Иванович (1826—1905), сын декабриста 48, 135, 136

Якушкин Иван Дмитриевич (1793—1857), отставной капитан, член Северного общества, осужден по I разряду, автор записок, умер в Москве 8—9, 11, 30, 35, 41, 46—49, 51, 52, 57, 68, 73, 75, 76, 81, 89, 100, 107, 108, 126, 127, 129, 130, 132, 133, 134, 135, 136

Якушкина Анастасия Васильевна, урожд. Шереметева (1807—1846), жена И. Д. Якушкина 9, 46—49, 115

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Самые счастливые	3
Глава II. «Спасибо женщинам...»	27
Глава III. «Дамская улица»	53
Глава IV. «Они благословили нас в новый путь...» .	85
Глава V. Сестра декабриста	110
Глава VI. Дети	126
Послесловие редактора	140
Рекомендуемая литература	146
Указатель имен	148

Элеонора Александровна Павлюченко

В ДОБРОВОЛЬНОМ ИЗГНАНИИ

О женах и сестрах декабристов

Утверждено к печати редколлегией серии
научно-популярных изданий АН СССР

Редактор **Н. В. Шевелева**

Художник **Ю. С. Лылов**

Художественный редактор **В. Н. Тихунов**

Технический редактор **З. Б. Павлюк**

Корректоры **Н. М. Вселюбская, Г. М. Котлова**

Сдано в набор 16.12.83

Подписано к печати 06.02.84

Т-02328. Формат 84×106¹/₁₆

Бумага книжно-журнальная

Гарнитура обыкновенная новая

Печать высокая

Усл. печ. л. 9,24 Усл. кр.-отт. 9,45.

Уч.-изд. л. 10,2

Тираж 250 000 экз. (1 завод 1—100000 экз.).

Тип. зак. 3484

Цена 65 коп.

Издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва В-485

Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
ВЫХОДИТ
ИЗ ПЕЧАТИ
КНИГА:

КОГОТКОВА Т. С.

Письма о словах.

10 л. 70 к.

Переписка с трудящимися — обязательная часть повседневной работы, которой заняты языковеды-русисты, по распространению лингвистических знаний и внедрению в жизнь речевой культуры. Предлагаемая книга — итог многолетней работы автора в этом направлении. Она состоит из писем-вопросов и развернутых ответов на них. Все письма подлинные; они до-

кументированы, вопросы сохраняют формулировку в том виде, как это сделал спрашивающий.

Книжки можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академкнига», в местных магазинах книго-торгов или потребительской кооперации без ограничений.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу 117192 МОСКВА В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга-почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197110 ЛЕНИНГРАД П-110, Петрозаводская ул. 7, магазин «Книга-почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга-почтой».